

Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области
Кемеровский государственный университет культуры и искусств
Научно-исследовательский институт прикладной культурологии
Кемеровский научный центр СО РАН
Российская академия естественных наук
Российская академия естествознания

КУЛЬТУРА КАК ИННОВАЦИОННЫЙ РЕСУРС РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Материалы круглого стола
«Культура как инновационный ресурс регионального развития»
(Кемерово, 26 ноября 2009)

Кемерово 2009

ББК 71.0
К90

Главный редактор:

П.И. Балабанов – доктор философских наук, профессор,
чл.-кор. Российской академии естественных наук,
чл.-кор. Российской академии естествознания,
акад. Петровской академии наук и искусств

Редакционная коллегия:

И.Ф. Петров – доктор философских наук, профессор,
чл.-кор. Российской академии естественных наук,
акад. Петровской академии наук и искусств,
Н.Т. Ултургашева – доктор культурологии, профессор,
чл.-кор. Петровской академии наук и искусств,
Я.Н. Красноперова – кандидат философских наук

Ответственный за выпуск –
научный сотрудник **Н.А. Дорошенко**

К90 **Культура как инновационный ресурс регионального развития** [Текст]: материалы круглого стола (Кемерово, 26 ноября 2009) / отв. ред. П.И. Балабанов; ред. кол.: И.Ф. Петров, Н.Т. Ултургашева, Я.Н. Красноперова / Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2009. – 174 с.

ISBN 5-8154-0050-5.

ББК 71.0

ISBN 5-8154-0050-5

© Кемеровский государственный университет
культуры и искусств, 2009

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Л.Т. Зауэрвайн

Переход страны к рыночной системе экономического развития, демократизации и модернизации российского общества не мог не отразиться и на сфере культуры. В сфере культуры Кузбасса инновационный характер имеет приоритетный региональный национальный проект «Культура», одним из основных направлений которого стало повышение эффективности деятельности областных и муниципальных учреждений культуры.

В целях реализации положений Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», Указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» Департаментом культуры и национальной политики Кемеровской области были разработаны критерии оценки эффективности деятельности областных и муниципальных учреждений культуры:

- отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников учреждений культуры и искусства к среднемесячной заработной плате работников, занятых в сфере экономики региона;
- удельный вес населения, участвующего в культурно-досуговых мероприятиях, проводимых государственными (муниципальными) организациями культуры, и работе любительских объединений. В 2006 году этот показатель был равен 90 %, к 2010 году в связи с повышением востребованности учреждений культуры у жителей Кузбасса прогнозируется увеличение данного показателя до 97,1 %;
- количество экземпляров библиотечного фонда общедоступных библиотек на 1000 человек населения. По Российской Федерации показатель равен 6500 единиц за 2006 год, в Кузбассе – 5330 единиц. К 2010 году планируется сократить разрыв между среднероссийским и областным показателями на 20 %;

- количество музыкальных, художественных, хореографических школ и школ искусств. По данному показателю Кузбасс занимает пятое место в Российской Федерации и первое место в Сибирском федеральном округе. В 2006 и 2007 годах этот показатель составлял 0,45 школ на 1000 детей;

- количество посещений музеев на 1000 человек населения;
- количество зрителей в театре на 1000 человек населения;
- к 2010 году планируется путем изменения типа существующих государственных учреждений культуры создание 8 автономных учреждений культуры.

В целях повышения эффективности деятельности областных и муниципальных учреждений культуры на законодательном уровне в области приняты следующие региональные целевые программы, затрагивающие сферу культуры: «Культура Кузбасса», «Социально-экономическое развитие наций и народностей», «Обеспечение безопасности условий жизни населения и деятельности предприятий», подпрограммы «Анти-террор», «Борьба с преступностью, профилактика правонарушений и обеспечение безопасности дорожного движения», «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту», закон «Об образовании в Кемеровской области» и другие, на которые будет выделено в течение трех лет более 180,0 млн. рублей.

Источниками финансирования данного раздела являются средства бюджетов всех уровней, выделяемые на реализацию целевых программ в сфере культуры, привлеченные внебюджетные средства спонсоров, собственников крупных предприятий, среднего и малого бизнеса, общественных организаций.

На реализацию мер социальной поддержки работников культуры и искусства области предусмотрено на три года 1740,2 млн. рублей. Это позволит сохранить и увеличить:

- надбавки к заработной плате за выслугу лет;
- фиксированные надбавки к заработной плате;
- выплаты их фонда дифференцированной оплаты труда;
- надбавки к заработной плате работникам областных библиотек;
- доплату участникам Губернаторских коллективов;
- доплату работникам, имеющим почетные звания;

- стипендии юным дарованиям Кузбасса;
- пособия членам творческих союзов, находящимся в трудной жизненной ситуации;
- льготный проезд для студентов и работников культуры;
- компенсация детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей;
- бесплатные продуктовые наборы;
- «подъемные» молодым специалистам;
- адресную материальную помощь;
- оздоровление работников культуры в санаториях и здравницах;
- льготы на получение жилья.

Вышеуказанные меры позволят повысить уровень жизни работников культуры и искусства. Средняя заработная плата работников культуры по итогам 2007 года достигла 6,8 тыс. рублей. В результате реализации мероприятий приоритетного регионального национального проекта прогнозируется ее увеличение к 2010 г. по сравнению с 2007 г. в 1,5 раза.

В целях выявления талантливых личностей, активизации творческой деятельности в рамках приоритетного регионального национального проекта предусмотрены профессиональные конкурсы на лучшее учреждение клубного типа, музейное учреждение, творческий коллектив, школу искусств, преподавателя художественного образования; конкурсы на присуждение премии в области театрального искусства «Триумф», профессионального мастерства «Первый среди равных», среди библиотечарей и библиотек на присуждение кузбасской премии и грантов имени С.А. Сбитнева, среди художников – «Вдохновение», среди писателей – «Образ», на лучший кинопроект по организации работы с детским зрителем «Необъятный мир кино и детства».

Прогнозируется увеличение количества получателей грантов, премий и наград, при этом и размер выплат увеличится.

Продолжение работы по совершенствованию и укреплению материально-технической базы учреждений культуры, а также их капитальный ремонт и реконструкция – еще одно приоритетное направление в сфере культуры. В течение трех лет будет выделено 1753 млн. рублей на следующие мероприятия:

- модернизация оборудования (музыкального, светотехнического, звукового и др.);
- компьютеризация учреждений;
- подключение к сети Интернет;
- приобретение музыкальных инструментов;
- пополнение объемов библиотечных и музейных фондов;
- установка системы охранно-пожарной сигнализации и кнопки экстренного вызова;
- оснащение транспортными средствами;
- создание модельных библиотек на селе.

Именно в приоритетах региональной культуры заложен инновационный потенциал. В ежегодном послании Федеральному собранию Президент Российской Федерации Д.А. Медведев отметил, что «инновационная экономика может сформироваться только в определённом социальном контексте как часть инновационной культуры, основанной на гуманистических идеалах, на творческой свободе, на стремлении к улучшению качества жизни. Именно закреплённые в национальной культуре нравственные установки, модели поведения определяют успешное развитие личности и нации в целом...» [1].

Для того чтобы человек успешно развивался и работал, в Кузбассе уже более 10 лет реализуется продуманная система социальной поддержки ветеранов, студентов, бюджетников (в том числе работников культуры, кино, искусства), сирот, инвалидов, многодетных, малообеспеченных семей. Более того, несмотря на непростую финансовую ситуацию, в 2010 году будут введены новые меры поддержки. Так, например, с 1 января 2010 года в рамках года Учителя объявлен конкурс профессионального мастерства среди преподавателей образовательных учреждений культуры и искусства.

С 320 до 420 рублей увеличатся ежемесячные выплаты из областного бюджета неработающим пенсионерам, имеющим почетное звание «заслуженный» (работник культуры, художник, артист и т. д.).

Модернизация материально-технической базы учреждений культуры способствует нормальному культурному развитию инфраструктурной среды. В наши дни делается все, чтобы продвигать информационные технологии в малые города, посёлки, сёла – туда, где нет современных

киноконцертных залов, крупных библиотек, театральных и выставочных центров. Именно они станут основой модернизации в сфере культуры. С их помощью откроется доступ к ценностям культуры для наших сограждан, в том числе, что особенно важно, для молодёжи. Эту программу можно выполнить за счет оснащения учреждений культуры муниципальных образований автоклубами, библиобусами, передвижными киноустановками и т. д.

Сегодня учреждения культуры Кузбасса осуществляют работу по государственно-частному партнерству. Этому способствует Закон «Об основах государственно-частного партнерства», принятый Советом народных депутатов Кемеровской области 24 июня 2009 года. Он помог привлечь в учреждения культуры инвесторов и благотворителей. Например, администрация Новокузнецкого театра драмы при осуществлении реконструкции здания театра заключила договоры с предпринимателями города по ремонту и оснащению артистических гримерных. И таких примеров немало.

В условиях сложной социально-экономической ситуации, сложившейся в нашей стране, поиски путей, методов «выживания» стали проблемой номер один и в социокультурной сфере.

Изучение опыта, накопленного мировым сообществом, привело нас к выводу, что творческие индустрии – это уникальный сектор экономики, который нельзя игнорировать. Рассматривая развитие творческих индустрий в России, мы столкнулись с целым рядом проблем, связанных так или иначе с экономической, культурной, политической сферами. На сегодняшний день четко выкристаллизовались ограничения для становления и развития творческих инициатив в России. Прежде всего, это экономические, поскольку пока наша страна (в отличие от ведущих западных стран) еще не в полной мере встала на путь постиндустриальной экономики. Так, например, В. Мау считает, что догоняющее постиндустриальное развитие является главной целью страны – «это идея прорыва, резкого сокращения и преодоления разрыва с наиболее развитыми странами мира. Решение этой задачи сложно, но возможно» [2]. По мнению ученого, государство должно при этом ориентироваться на создание гибкой, адаптивной и открытой экономики, снижение бюджетной нагрузки, вклад инвестиций в человеческий капитал, отказ от долгосрочно-

го планирования. Россия в этом случае должна использовать целый ряд имеющихся преимуществ – например, достаточно высокий уровень образования. А «постиндустриальные модернизации не могут быть успешными, если они основываются на принципе отъема средств у одной части населения в пользу другой. Результативность таких модернизаций достигается только в том случае, если они сопровождаются подъёмом уровня и качества жизни большинства населения» [3].

Переход западных стран в 80–90-е гг. XX века к постиндустриальной экономике и инновационному развитию предполагал широкое понимание экономики. Наблюдается отход от жесткой детерминированности в принятии решений, расширение индустриального производства и инфраструктуры, материальные ресурсы уступили место творческим. Приоритетом становится творческая экономика и творческие индустрии как важнейшая составляющая экономики (как на национальном уровне, так и на региональном и муниципальном). Основными составляющими успеха предприятия становится гибкость в принятии решений и открытость инновациям. В качестве участников творческой экономики выступили не только бизнес (т. е. крупные предприятия и корпорации творческих индустрий, мелкие и средние фирмы), но и традиционные организации культуры (театры, музеи, библиотеки). В центре такой экономики – творческие, независимые люди со множеством идей и изобретательностью, «которые мигрируют между этими секторами и образуют подвижную творческую среду» [4]. Творческие индустрии важны с точки зрения изменения и подхода к потребителю. При выборе товаров и услуг значимым становится имидж, мода, дизайн, стиль. Соответственно основным активом становится бренд. Творческие индустрии – это новый этап развития экономики для стран, где важную роль играет гражданское общество и плюрализация отношений в обществе. Они способствуют активному включению всех уровней власти в решение насущных проблем не только культуры и экономики, но и общества в целом, так как в данный процесс включается бизнес, учреждения культуры и общественные организации, обеспечивая формирование сетевых взаимодействий. Одним из примеров такого взаимодействия становится участие всех заинтересованных в сохранении культурного наследия для устойчивого регионального развития.

Экономический кризис – явление, хорошо знакомое в России, – может стать не только несчастьем, но и катализатором развития. В Великобритании (родине творческих индустрий) творческие индустрии возникли «не от хорошей жизни». Они были своеобразным ответом на жесточайший экономический и социальный кризис 80-х годов XX века, когда тяжелая промышленность уходила из Западной Европы в страны с более дешевой рабочей силой. И как человеческий организм мобилизует внутренние силы в ответ на болезнь, так и британская экономика нашла выход в перепрофилировании бывших промышленных городов. Теперь они производят и продают на мировых рынках не сталь и текстиль, а «творческий» и «интеллектуальный» продукт: компьютерные и мультимедийные технологии, дизайн и т. д. – по сути дела «продают воздух». Частью этого интеллектуального производства являются и творческие индустрии, основанные на прямом использовании ресурсов культуры.

Не ограничиваясь одним определением, Департамент определил также перечень конкретных видов деятельности, входящих в творческий сектор экономики: реклама различных видов, архитектура, художественный и антикварный рынок, народные ремёсла и промыслы, дизайн, мода, производство кино- и видеопродукции, программирование, в том числе разработка и создание интерактивных программ и компьютерных игр, музыка, исполнительские искусства, издательское дело, теле-, радио- и интернетвещание.

Заметим, что перечисленные выше виды деятельности существовали задолго до того, как их объединили в понятие «творческие индустрии». Следовательно, смысл концепции постиндустриальной экономики в том, чтобы по-новому взглянуть на хорошо знакомые вещи. Для её развития нужны творчески мыслящие, художественно одарённые люди, созидающие в союзе с менеджерами и технологами рыночные продукты, экономическая ценность которых заключена в их культурных (интеллектуальных) свойствах.

Особенностью интерпретации творческих индустрий в российском социокультурном пространстве является то, что в качестве потенциальных сюжетов выступают прежде всего народные промыслы и ремёсла.

Творческие индустрии находятся в неразрывной связи с продюсерской деятельностью в культуре, понимаемой в широком смысле как про-

изводство культурного продукта. В современном культурном процессе всякий продукт (будь то текст, картина, театральная постановка или музыкальное произведение) проходит три основных стадии, связывающих его производство и потребление. Создание культурного продукта (произведения) осуществляется художником, мастером или представляет собой элемент наследия. Затем этот продукт становится предметом менеджмента в организациях культуры (или социокультурных проектов) и встречается с публикой в условиях, формируемых менеджерами. И, наконец, благодаря современным медийным технологиям и методам трансляции и тиражирования (полиграфия, мультимедиа, интернет), культурный продукт, обычно в трансформированном виде, становится достоянием еще более широкой аудитории.

В принципе, традиционные культурные институты – театры, музеи, библиотеки и концертные залы – должны действовать в ситуациях, где живой культурный продукт встречается с живой публикой. Это очень важная функция, которая в течение последних двух столетий была основой культурного потребления. Однако, как свидетельствует предпринятый анализ деятельности традиционных институтов, они не достаточно хорошо владеют технологиями современного менеджмента, зачастую оторваны от живого творчества мастеров и плохо интегрированы в сферу современных медийных технологий.

Научившись строить независимую политику и эффективно работать со своей аудиторией, освоив медийное измерение культуры и открыв двери для современных художников и других творчески работающих профессионалов, традиционные институты смогут стать полноправными участниками процессов, происходящих в современной творческой экономике.

Предприняв аналитический анализ деятельности областных учреждений по оказанию платных услуг, мы пришли к выводу, что она носит традиционный, устоявшийся характер и не учитывает новаций, происходящих в современном социокультурном пространстве. Хотя и явные и скрытые резервы для организации инновационной деятельности у них есть. Так, например, для «Дома литераторов» – это редактирование, написание стихотворных текстов, рецензирование, репетиторство, открытие поэтических студий и т. п.; для «Дома художников» – услуги дизайн-проектов, организация и проведение различных вернисажей; для «Куз-

баскино» – оцифровка, проецирование на различных мероприятиях, разработка и реализация проектов «Домашнее видео» и «Домашний просмотр». Считаем, что данное направление является перспективным в культурной политике.

Сфера культуры подверглась дифференциации на государственные и негосударственные структуры. Инновации коснулись и процесса формирования современного социокультурного пространства: появились различные организационно-правовые формы осуществления культурной деятельности (государственные и муниципальные учреждения негосударственные и некоммерческие организации).

Общая идея Федерального закона «Об автономных учреждениях», принятого 3 ноября 2006 г. (№ 174-ФЗ), заключается в сокращении бремени содержания учреждений социокультурной сферы путем коммерциализации такого типа учреждений.

Реализуя положения Закона, Департамент культуры и национальной политики провёл значительную подготовительную работу: проанализировал статьи Закона и состояние государственных учреждений культуры в области, исходя из того, что преобразование их в тип автономных должно носить индивидуальный характер, основываться на сильной материально-технической базе учреждения и значительном увеличении объема предоставляемых ими платных услуг.

В результате проделанной работы мы пришли к выводу о возможности перевода концертных и театральных учреждений в автономные. В Кузбассе с 2008 года переведены в автономные 12 учреждений культуры и искусства: 4 театра, Кемеровская государственная областная филармония, музей-заповедник «Красная горка», 3 Дома культуры, 1 парк, 1 кинотеатр и «Кузбаскино». С 1 января 2010 г. в автономное учреждение перейдёт музей-заповедник «Томская писаница».

Работая в данном инновационном направлении, мы убедились в том, какое большое значение имеет позиция руководителей учреждений культуры. В их лице мы нашли надёжных союзников по проведению нашего эксперимента. Они постоянно участвуют в обсуждениях проекта Закона в средствах массовой информации, совете директоров, совещаниях разного уровня, профессиональном деловом общении и т. п. Первым шагом по реализации плана перехода в автономные учреждения было

проведение собраний трудовых коллективов, по итогам которых приняты соответствующие решения. Получив согласие трудовых коллективов, мы столкнулись с другой серьёзной проблемой – в Кузбассе не существовало нормативно-правовой базы в отношении автономных учреждений. Поэтому конец 2007-го и почти весь 2008 год были посвящены разработке, согласованию и утверждению региональных актов, необходимых для деятельности автономных учреждений. При их разработке мы столкнулись с рядом вопросов юридического характера. Прежде всего, это противоречивость отдельных положений Закона, федеральных подзаконных правовых актов (что неоднократно отмечали и сами авторы Закона), несоответствие их некоторым нормам гражданского законодательства, сложившейся в Кемеровской области практике взаимодействия органов исполнительной власти в управлении государственными учреждениями и др. Была предпринята попытка оптимальным образом сгладить выявленные противоречия, предложив свои формулировки, в ряде случаев отличающиеся от положений федеральных актов. В результате были приняты два постановления коллегии администрации Кемеровской области: от 26.06.2008 г. за № 239 «О порядке подготовки предложений о создании автономных учреждений Кемеровской области путём изменения типа существующих государственных учреждений Кемеровской области», в котором устанавливается порядок и процедура подготовки и рассмотрения предложений о создании автономных учреждений Кемеровской области. И второе за № 240 от 26.06.2008 г. «О мерах по реализации Федерального закона об автономных учреждениях», в котором утверждается положение о порядке и условиях формирования задания учредителем автономного учреждения, а также порядке его финансового обеспечения. В этом же постановлении утвержден порядок осуществления функций и полномочий учредителя автономных учреждений Кемеровской области. Этот этап мы назвали экспериментальным. Сложным вопросом оказалось определение задания, которое формулируется в соответствии с Уставом автономного учреждения и включает в себя разделы:

- выписку из реестра расходных обязательств, исполнение которых необходимо для выполнения государственного задания;
- размер субсидий на выполнение задания;

- объем и порядок финансирования;
- количество персонала, необходимого для выполнения задания;
- показатели, характеризующие качество и/или объём/состав оказываемых услуг в сфере культуры;
- нормативы расчета затрат на выполнение задания;
- перечень оказываемых государственных услуг;
- цены (тарифы) на оплату услуг;
- порядок осуществления контроля за исполнением задания и его досрочное прекращение;
- требования к отчетности об исполнении задания, в том числе формы и периодичность отчетов;
- порядок внесения изменений в задание.

К сожалению, если в образовании и здравоохранении есть перечень определенных услуг и нормативов, то в области культуры четких нормативов нет, поэтому каждый раз приходилось доказывать в главном финансовом управлении, что та или иная услуга необходима и ее следует финансировать.

В подготовительный этап работы, кроме разработки нормативно-правовой базы, вошли такие мероприятия, как: аудиторские проверки по основным средствам (инвентаризация имущества); курсы для бухгалтеров учреждений культуры (особенности финансирования автономных учреждений); курсы повышения квалификации, творческие семинары для руководителей. Автономные учреждения имеют ряд преимуществ перед бюджетными: самостоятельное распределение всех доходов, отсутствие контроля над расходованием средств со стороны казначейства, отпадает необходимость руководствоваться Федеральным законом 94 (для приобретения дорогих товаров на сумму свыше 100 тысяч рублей не надо проводить котировки), возможность вернуться в форму бюджетного учреждения без переоформления разрешительных документов.

Для того чтобы увидеть отрицательные стороны перехода концертных и театральных учреждений в автономные, осуществляется мониторинг, итоги которого будут подведены в 1 квартале 2010 года.

Таковы основные направления новаций в формировании социокультурного пространства в Кузбассе в новых экономических, политических и социальных условиях.

Примечания

1. Медведев Д.А. «Бюджетное послание на 2010 год».
2. Мау, В. Российская модернизация: опасности популизма и дестабилизации / Газета. – 2005. – 26 июля//<http://www.gazeta.ru>
3. Рябов, А. Могущество и беспомощность «бензинового государства». Часть первая. Устойчивость сырьевого режима является залогом неспособности государства к развитию / Газета. – 2006. – 18 апреля//<http://www.gazeta.ru>
4. Гнедовский, М. Творческие индустрии: политический вызов для России / Отечественные записки //www.strana-oz.ru
5. Совершенствование системы социального управления учреждениями культуры Кемеровской области в 2008 году в свете приоритетного регионального национального проекта «Культура».

АВТОНОМНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (НОВАЯ СИСТЕМА БЮДЖЕТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ)

И.В. Власова

В целях снижения нагрузки на бюджет, приоритетного в условиях сегодняшней ситуации, все больше государственных (муниципальных) учреждений переходят в статус автономных. Придание самостоятельности учреждениям и возможность предоставления услуг на платной основе позволяют учреждению перейти на самоокупаемость, тем самым выводя его за рамки традиционного бюджетного финансирования.

Переход страны к рыночной системе экономического развития и демократизации российского общества отразились и на сфере культуры, которая подверглась дифференциации на государственные и негосударственные структуры.

Анализируя положения Федерального закона «Об автономных учреждениях» от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ и состояние государственных учреждений в области, мы исходили из того, что преобразование существующих государственных учреждений в тип автономных должно носить индивидуальный характер, а также основываться на сильной материально-технической базе учреждения и значительном объеме платных услуг.

Что общего между *автономным* учреждением и *бюджетным* учреждением: учредитель не меняется; направления деятельности те же; финансовое обеспечение из соответствующего бюджета; имущество в оперативном управлении; земельный участок закрепляется в безвозмездное пользование (отметим, что земельный налог – это налог местный, по нему может быть предоставлена льгота); контроль за результатами работы осуществляется на общих основаниях – «по целям и результатам».

Основная идея создания автономных учреждений заключается в предоставлении им значительно больших, по сравнению с бюджетными, финансово-экономических возможностей для самостоятельного развития и изменении принципов их финансирования со стороны государства. Одновременно повышается ответственность автономных учреждений.

Сравнив все показатели экономической деятельности подведомственных Департаменту культуры и национальной политики Кемеровской области учреждений культуры, мы пришли к выводу о возможности перевода в автономные 12 учреждений (1 музей, 1 парк, 1 концертная организация, 4 театра, 3 дома культуры, 1 кинотеатр и «Кузбаскино»). В дальнейшем планируется переход в автономное учреждение музея-заповедника «Томская Писаница».

Конец 2007 г. и почти весь 2008 г. были посвящены разработке, согласованию и утверждению региональных актов, необходимых для деятельности автономных учреждений. В результате были приняты два постановления Коллегии администрации Кемеровской области: Постановление от 26.06.2008 № 239 «О порядке подготовки предложений о создании автономных учреждений Кемеровской области путем изменения типа существующих государственных учреждений Кемеровской области» (устанавливает порядок и процедуру подготовки и рассмотрения предложений о создании автономных учреждений Кемеровской области); Постановление от 26.06.2008 № 240 «О мерах по реализации Федерального закона об автономных учреждениях» (утверждает положение о порядке и условиях формирования задания учредителя автономным учреждениям Кемеровской области и порядке финансового обеспечения выполнения задания, а также утверждает порядок осуществления функций и полномочий учредителя автономных учреждений Кемеровской области).

Механизм финансирования для бюджетного учреждения сложился и сравнительно ясен: учредитель финансирует из бюджета деятельность учреждения в соответствии с утвержденной им сметой доходов и расходов. Учреждение получает выделяемые ему по смете денежные средства в соответствии с процедурой, установленной бюджетным законодательством, т. е. путем регулярных ассигнований, поступающих на лицевой счет учреждения в казначействе.

Финансовое обеспечение автономного учреждения осуществляется в виде субвенций и субсидий из соответствующего бюджета бюджетной системы РФ и иных не запрещенных федеральными законами источников. Под субвенцией Бюджетный кодекс РФ (ст. 6) понимает бюджетные средства, предоставляемые бюджету другого уровня бюджетной системы Российской Федерации или юридическому лицу на безвозмездной и безвозвратной основах на осуществление определенных целевых расходов. Субсидией признаются бюджетные средства, предоставляемые бюджету другого уровня бюджетной системы Российской Федерации, физическому или юридическому лицу на условиях долевого финансирования целевых расходов (ст. 6 Бюджетного кодекса РФ). И тот и другой вариант финансирования направлен на покрытие целевых расходов автономного учреждения, однако второй вариант в отличие от первого предполагает финансовое участие самого автономного учреждения или другого лица.

Для получения субсидии учредитель устанавливает задания в соответствии с предусмотренной уставом основной деятельностью автономного учреждения. К сожалению, в культуре нет нормативов. Если, например, в образовании есть норма количества детей в классе, в здравоохранении – перечень услуг, то учреждениям культуры каждый раз надо доказывать перед финансовыми органами, что данная услуга должна существовать и ее необходимо финансировать.

Учредитель осуществляет финансовое обеспечение выполнения задания с учетом расходов на содержание недвижимого имущества и особо ценного движимого имущества, закрепленных за автономным учреждением учредителем или приобретенных автономным учреждением за счет средств, выделенных ему учредителем на приобретение такого имущества, расходов на уплату налогов, в качестве объекта налогообло-

жения по которым признается соответствующее имущество, в т. ч. земельные участки, а также финансовое обеспечение развития автономных учреждений в рамках программ, утвержденных в установленном порядке. В случае сдачи в аренду с согласия учредителя недвижимого имущества или особо ценного движимого имущества, закрепленных за автономным учреждением учредителем или приобретенных автономным учреждением за счет средств, выделенных ему учредителем на приобретение такого имущества, финансовое обеспечение содержания такого имущества учредителем не осуществляется.

Таким образом, изменились акценты в финансировании: финансируется не столько деятельность учреждения, сколько выполнение им государственного и муниципального задания (однако с учетом расходов на содержание необходимого для этого имущества). Соответственно произошёл переход от финансирования учреждения по смете к финансированию оказания услуг культуры в соответствии с планом финансово-хозяйственной деятельности, что дало возможность учесть качество предоставляемых учреждением услуг при финансировании, обеспечить более эффективные бюджетные затраты за счет конкуренции между отдельными учреждениями.

Механизм финансирования автономного учреждения является новым и, конечно, нуждается в детальной проработке на уровне многочисленных подзаконных актов. Первым шагом в этом направлении стало принятие Правительством Российской Федерации Постановления от 18 марта 2008 г. № 182 «Об условиях и порядке формирования задания учредителя в отношении автономного учреждения, созданного на базе имущества, находящегося в федеральной собственности, и порядке финансового обеспечения выполнения задания».

За пределами заданий учредителя автономное учреждение вправе выполнять работы, оказывать услуги в рамках основной деятельности для граждан и юридических лиц за плату. Автономное учреждение вправе также осуществлять иные виды деятельности при условии, что:

- 1) это не идет в ущерб выполнению заданий учредителя;
- 2) такая деятельность служит достижению целей, ради которых создано автономное учреждение;
- 3) такая деятельность разрешена Уставом автономного учреждения.

В Бюджетном Кодексе РФ сделано также общее указание на то, что автономные учреждения уже не являются более бюджетными учреждениями. Следовательно, на них более не распространяются требования бюджетного законодательства о порядке расходования средств, находящихся в самостоятельном распоряжении, о необходимости расходовать их строго по статьям сметы доходов и расходов, о сложной и длительной процедуре выделения средств по сметному финансированию, о порядке расходования средств путем размещения государственного или муниципального заказа уполномоченным органом (организации аукциона, конкурса, проведения котировок цен) и т. п. Казначейство не контролирует более распоряжение данными средствами.

Таким образом, бюджетное законодательство практически не ограничивает автономные учреждения в распоряжении внебюджетными доходами. Однако отметим, что это относится главным образом к внебюджетным доходам. Обязанность целевого использования бюджетных субсидий и субвенций в соответствии с их назначением сохраняется. Сохраняется и финансовый контроль за использованием бюджетных денежных средств.

Департаментом культуры и национальной политики Кемеровской области проведена большая работа. Мы рискнули перевести ряд учреждений в автономные. И положительные моменты такого перехода уже видны. Автономные учреждения имеют ряд преимуществ перед бюджетными:

1. получение бюджетного финансирования в форме субсидий в рамках государственного задания;
2. самостоятельность в распоряжении доходами, полученными от оказания платных услуг (платные услуги возросли на 15 %, увеличилась доля платных услуг на финансирование социально-значимых расходов (заработная плата, коммунальные услуги));
3. отсутствие необходимости применять 94-ФЗ (т. е. для приобретения основных средств свыше 100 тысяч учреждению не надо проводить котировки, тендеры);
4. ориентация учреждения на расширение перечня оказываемых услуг, а также предоставление более качественных услуг вследствие появляющейся конкуренции среди учреждений;

5. осуществление хозяйственных расчетов через счет, открытый в кредитной организации (утрата статуса получателя бюджетных средств, отсутствие контроля над расходованием бюджетных ресурсов органами Казначейства и как следствие – более оперативное решение вопросов финансового обеспечения и развития учреждения);

6. возможность получать банковские кредиты, что является немаловажным для реализации приоритетных проектов;

7. возможность выступать в качестве учредителя коммерческих организаций (получение дивидендов);

8. самостоятельность в формировании штатного расписания и определении размера заработной платы (возможность привлечения квалифицированных специалистов).

9. Изменились показатели основных направлений деятельности учреждений культуры после изменения их статуса. Из таблицы видно, что основные показатели театрально-зрелищных учреждений возросли при переходе в новую правовую форму «Автономные» (в то время, как 2 крупных театра области сейчас находятся на реконструкции).

Показатели	1 полугодие 2008 г. (бюджетные учреждения)	1 полугодие 2009 г. (автономные учреждения)
Количество спектаклей	976	1015
Количество зрителей (тыс. чел.)	271	290
Доходы (тыс. руб.)	30317	33337

Для того чтобы увидеть весь анализ перехода к новой форме – автономным учреждениям, мы запустили мониторинг, итоги которого будем подводить в начале 2010 года.

Преобразование учреждений культуры в государственные автономные учреждения повысит эффективность их работы, не требуя дополнительных расходов из средств бюджета, способствуя более рациональному использованию имеющихся финансовых ресурсов.

ИННОВАЦИИ И СОЦИУМ

А.Н. Каретин, Г.Н. Билетина

Глобализация мировой экономики привела к многократному увеличению информационных потоков и расширению рынков сбыта, что в свою очередь вызвало усиление международной конкуренции и активизировало процесс создания новых организационных форм для управления глобальными цепочками поставок. С 90-х годов прошлого века основным универсальным товаром мировой экономики стала информация. Как отмечается в специальном исследовании Организации экономического развития и сотрудничества, «благодаря стремительным темпам технологического прогресса и увеличению объема информации знания стали центральным двигателем экономического развития и инновационного процесса» [1].

Реализация (актуализация) знаний осуществляется посредством инновационных процессов, ставших своеобразным символом очередного исторического вызова для России.

Инновации как комплексное явление социально-экономической жизни можно структурировать по разным основаниям. Приведем, на взгляд автора, наиболее существенные.

1. Типология инноваций по степени новизны товара. Кажется очевидным, что деление инноваций по этому принципу – наиболее простое. Однако анализ показывает, что простота эта кажущаяся.

По данным проф. И. Липсица, структура инноваций по типам новизны на рынках развитых стран выглядит следующим образом:

- 7 % – изменение позиционирования товаров,
- 11 % – снижение затрат на их производство,
- 26 % – совершенствование уже существующих товаров,
- 26 % – дополнения к уже производимым линейкам товаров.

Итого – 70 % инноваций составляют разной степени глубины усовершенствования уже существующих товаров. Лишь 20 % инноваций составляют новые линейки товаров и только 10 % – принципиально новые в мировом масштабе товары [2].

2. Инновации можно структурировать и по характеру деятельности, их производящей. Здесь выделяются следующие группы: технологические, управленческие и маркетинговые инновации.

Что касается технологических инноваций, то субъективно именно они и воспринимаются чаще всего как собственно инновации: новые материалы, новые технологии производства (или переработки) уже существующих материалов, новые способы использования давно известного сырья, новые комбинации взаимодействия известных материалов и т. д.

Основания для подобного восприятия инноваций, безусловно, есть. Вся история развития материального производства представляет собой бесконечный процесс создания новых материалов и процессов, а также нового комбинирования уже существующих материалов и процессов.

Возьмем, к примеру, уголь – один из наиболее давних «помощников» человека в организации жизни. Веками он служил источником, прежде всего, тепловой, а впоследствии и электрической энергии. Но в силу различных причин, большая часть которых так или иначе сводится к геополитике, в XX веке уголь стал объектом многочисленных экспериментов по его глубокой переработке, сырьем для производства инновационных продуктов. И если накануне Второй мировой войны эти эксперименты велись в основном в Германии и отчасти в России, то последняя треть прошлого века и начало нынешнего ознаменовались повышенным интересом многих государств и ведущих транснациональных корпораций к теме использования угля для производства широкого спектра продукции. Более того, в ЮАР, США, Австралии, Китае и ряде других стран уже действуют или создаются новые по сути дела отрасли экономики, основанные на глубокой переработке угля, в т. ч. углехимии. А в числе лидеров процесса развития технологий глубокой переработки угля – такие мировые гиганты, как Boeing, Shell, Mitsubishi, Exxon, Siemens, General Electric, Pratt&Whitney и другие.

Другими словами, на примере одной из старейших отраслей промышленности – угледобывающей – мы видим метаморфозы инноватики, когда давно известное сырье используется качественно иным образом благодаря современным технологическим и техническим возможностям.

3. Наконец, существующий IV-й, развивающийся V-й и формирующийся VI-й технологические уклады дают все основания говорить о социальных инновациях.

Строго говоря, эти инновации можно отнести к управленческим. Но управление собственно социальными процессами, использование технологий проектирования будущего или, по выражению проф.

Г. Малинецкого, «сборки и уничтожения социальных субъектов» настолько специфичны, что считаю обоснованным выделять их в отдельную категорию инноваций [3].

В качестве примера социальных инноваций, имеющих серьезные последствия для развития общества, его самых различных типов, можно привести современные электронные СМИ, прежде всего – телевидение и Интернет. Построенные изначально на принципиальных технологических новшествах, эти инновации оказали и продолжают оказывать активное влияние глобального масштаба не только на современное состояние социума, но и на его развитие. Современные коммуникации, в т. ч. и электронные СМИ, не просто меняют качество жизни, – они инициируют процесс глубокой трансформации структуры и механизмов функционирования общества через создание, по выражению апологета постмодернизма Ж. Бодрийяра, «гиперреальности», где восприятие реальности и отношение к ней определяют имиджи, а не непосредственный опыт, переживаемый людьми. По меткому замечанию известного сибирского философа, проф. Г. Антипова «Образы становятся неотличимыми от реальности, имитированное переплетается с реальным так, что превращается в более реальное, чем сама реальность» [4].

Воздействие это комплексное, затрагивающее все стороны общественного бытия: экономику, политические институты, системы ценностей, экологию и т. д. Достаточно сказать, что теория семантической паутины, а именно – ее формирования видят ближайшей (7–10 лет) перспективой развития Интернета появление некой «надстройки» над существующей Всемирной паутиной. Задачей этой «надстройки» будет реализация возможностей машинной обработки информации, доступной в Интернете, посредством работы с метаданными, однозначно характеризующими свойства и содержание ресурсов Всемирной паутины, вместо используемого в настоящее время текстового анализа документов [5].

Другими словами, речь идет о совершенствовании механизмов межкомпьютерного «общения», существующих уже сегодня. Отсюда – лишь один шаг до создания «компьютерной цивилизации», о перспективе чего (в виде, например, Большого Всепланетного Информатория) еще совсем недавно писатели-фантасты и футурологи говорили как о чем-то, выходящем за горизонт интеллектуального видения [6].

Основные каналы воздействия инноваций на социум

Воздействие инновационных процессов на социум, явление их в социокультурном аспекте реализуется по разным направлениям, при этом оно может быть как прямым, так и косвенным.

Наиболее очевидны экономические последствия инноваций, о чем убедительно пишет Президент Д. Медведев в своей программной статье «Россия, вперед!» [7]. Но прямое воздействие технологической модернизации как одного из видов инноваций на количественные и качественные показатели развития экономики создает постоянный соблазн свести инновации исключительно к коммерциализации технологических новшеств. Яркий пример тому – деятельность государственной «Российской корпорации нанотехнологий», более известной как «Роснано». Официально декларируемая цель всей деятельности корпорации – увеличение доли России на мировом рынке высоких технологий, под которыми подразумеваются и нанотехнологии (хотя оба термина требуют уточнения). А доля рынка это, как известно, цифры, отражающие сугубо экономические показатели, сводящиеся к рентабельности и прибыли.

Но последствия разработки и внедрения инноваций любого рода не ограничиваются только экономическим эффектом, более того – это и не самое ценное, на наш взгляд, что могут «дать» инновации. Подлинные инновации всегда приводят к серьезным изменениям бытия социума. Отметим основные направления воздействия инновационного процесса на развитие общества.

1. Образовательный эффект. Некая игра слов, отражающая двойственность явления инноваций в образовании. С одной стороны – воздействие отраслевых инноваций на развитие образовательной системы через запрос на подготовку специалистов новых специальностей. С другой, – изменение самого характера образования, повышение его качества через привнесение инноваций в образовательный процесс. Причем, это реализуется как через методики преподавания, так и через сращивание науки, образования и реальной экономики, развитие процесса непрерывного образования.

Очевидным проявлением инноваций в образовательной сфере является также его переход на предпрофильное и профильное обучение, введение системы ГИА и ЕГЭ, реструктуризация образовательных учре-

ждений (не всегда, впрочем, удачная), создание ресурсных центров на базе бывших средних школ и т. д. Приметой нашего времени является и появление общеобразовательных учреждений нового типа: многопрофильных лицеев, кадетских корпусов различной отраслевой направленности, гимназий-интернатов для одаренных детей и для детей из малообеспеченных семей, в т. ч. гендерной направленности. Этот процесс увеличивает возможности получения качественного образования современного уровня для широких слоев населения.

По мнению авторов, лавинообразное появление и внедрение всевозможных инновационных образовательных технологий не просто отражает существующий запрос общества на новое качество образования, – оно подтверждает тезис о том, что любые инновации являются инструментом преобразований социума и лишь в этом случае имеют подлинную ценность.

2. Демографически-поселенческий эффект. Широкомасштабная миграция населения на всех уровнях – регионов, стран и в глобальном масштабе – стала одним из ключевых процессов XX века, вызванного радикальными переменами экономического устройства разных типов обществ. Но в текущем столетии по всем признакам этот процесс только набирает темп. И дело не только в нарастающем дефиците природных ресурсов (минерального сырья, земли, воды), но и в постоянном развитии технологий во всех сферах жизнедеятельности, что также стимулирует миграционные процессы.

Формы этого стимулирования разные. Многие их технологических новшеств имеют своим прямым следствием изменение структуры населения с точки зрения требуемой квалификации рабочей силы, уменьшение (или увеличение) потребности в количестве работников в той или иной территории, а иногда – ставят под вопрос дальнейшую судьбу отдельных поселений и даже регионов.

Очень важным следствием инновационных процессов является миграция такой специфичной части населения как ученые и квалифицированные специалисты. Они покидают страны, где инновационные процессы замедлены или вообще заморожены, переселяясь (временно или на постоянное жительство) туда, где реально формируется экономика

знаний, а значит востребован их профессионализм. Для России это следствие инновационных процессов (в данном случае, в других странах) является очень болезненной проблемой, решение которой пока не найдено.

3. Изменение стиля жизни людей, затрагивающее фундаментальные основы их мировоззрения. Развитие инновационных процессов и, тем более, перевод экономического механизма на инновационную основу вызывают к жизни глубокие изменения во всех сферах жизнедеятельности. Тема эта малоизученная, но не вызывает сомнений, что совокупность различных инноваций (в организации производства и появлении новых отраслей, в способах общения людей и изменении бытовых условий жизни населения, в образовательном процессе и увеличении глобальной мобильности людей) быстро и радикально меняет сами основы поведения различных социальных групп и даже этносов. «Независимо от сферы жизни, будь то политика, местное самоуправление, движение потребителей или холистическое здоровье, – пишет Рут Кокс, – новым кредо становится уверенность в себе и местная инициатива» [8].

При этом надо иметь в виду, что способность общества к генерированию и внедрению инноваций тесно связана с развитием демократических практик переговоров между социальными группами. «Указанная способность, – отмечает проф. В. Сергеев, – внутренне присуща, прежде всего, тем обществам, в которых распространение демократических практик идет сверху вниз, от внутриэлитного консенсуса к консенсусу общества в целом. Ни конфликтный вариант развития демократии, ни популистская демократия не способствуют внедрению социальных инноваций» [9].

В качестве заключения отметим следующее. Проявления процесса взаимовлияния инноваций и развития общества – самые разнообразные, их можно перечислять бесконечно. Но суть сводится к образу, созданному Томасом Фридманом: мир становится все более «плоским», все более равным в плане открытых возможностей саморазвития и самосовершенствования для различных стран, народов и отдельных личностей [10].

Тем самым мы еще раз находим подтверждение сказанного выше: подлинные инновации всегда имеют итогом социальные преобразования. Более того, глубина и масштаб инновационных процессов, нарастающих в различных типах современного общества, а также острота вызовов,

с которыми сталкивается человечество в целом и отдельные страны в частности, дают основания рассматривать инновации как инструмент управления социумом.

Примечания

1. Руководство по сбору и интерпретации данных о технологических инновациях. – Осло, 2005. – С. 7.
2. Авторский семинар И. Липсица «Маркетинг инноваций», – М., 2009.
3. Малинецкий, Г.Г. Инновации – последняя надежда России. <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2009/>.
4. Антипов, Г.А. Имиджи Сибири – по их сути // Имиджи Сибири. – Новосибирск, 2009. – С. 94.
5. The Semantic Web. By Tim Berners-Lee, James Hendler and Ora Lasilla. Scientific American. – 2001. May 17.
6. Стругацкие, А. и Б. Жук в муравейнике. – М., 1979.
7. Медведев, Д.А. Россия, вперед! <http://www.kremlin.ru/news/5413>.
8. Кокс, Р. Наследие Абрахама Маслоу // Абрахам Маслоу. Мотивация и личность. – 2003. – С. 305–326.
9. Сергеев, В. М. Инновации, демократия и логика конкуренции // Полис. – 2000. – № 1. – С. 108–113.
10. Фридман, Т. Плоский мир: краткая история XXI века. – М., 2007.

ИННОВАЦИИ В КУЛЬТУРЕ И КУЛЬТУРА ИННОВАЦИЙ

И.Ф. Петров

Современная российская культура – это результат огромных перемен, произошедших за последние годы в различных сферах общественной жизни. В этом смысле культуру можно считать авангардом социальной жизни общества. Изменение роли культуры в обществе обусловило большую часть инновационных процессов. Теперь культура все более ориентируется на создание таких технологий и способов влияния на личность, которые бы обеспечивали баланс между социальными и индивидуальными потребностями и обуславливали бы готовность личности к реализации собственной индивидуальности и изменениям общества.

Часть учреждений культуры пытается вводить новые инновационные элементы в свою деятельность, но практика преобразований столкнулась с серьезным противоречием между имеющейся потребностью в быстрой окупаемости и долгосрочными целями. Усугубляет проблему и тот факт, что на сегодняшний день не существует убедительной концепции инновационной деятельности в сфере культуры. В этой связи необходимо разобраться, что же такое «инновация». Innovation (от лат. – обновление, улучшение) – означает нововведение, новшество. Специалисты, связанные с инновационной деятельностью, отмечают, что в последнее время термин стал модным. Кроме того, есть мнение, что инновации – это прерогатива высокотехнологичных предприятий и никак не связаны с культурой. На самом деле инновации возможны в любой области человеческой деятельности.

В отечественной литературе проблема инновационной деятельности длительное время освещалась в ином, как правило, технологическом контексте, а в культурой антропологии всё, что выходило за рамки традиции и обычая, почти до середины прошлого столетия, являлось инновацией. К сожалению, с этой дихотомической классификацией можно встретиться и сегодня. «Инновации» и «традиции» – именно из их противопоставления исходят при анализе процессов изменений в культуре.

Не ставя перед собой задачи анализа различных подходов и толкований термина «инновация», напомним, что его ввёл в научный оборот Й. Шуппетер. В работе «Теория экономического развития» он описал инновационный процесс с экономической точки зрения. Й. Шуппетер понимал под инновацией любое возможное изменение, происходящее по причине использования новых или усовершенствованных решений технического, технологического, организационного характера в процессах производства, снабжения, сбыта продукции и т. п., что выражалось в следующих типичных трансформациях:

- использование новой техники, новых технологических процессов или нового рыночного обеспечения производства;
- внедрение продукции с новыми свойствами;
- использование нового сырья;
- изменения в организации производства и его материально-техническом обеспечении;
- появление новых рынков сбыта [1].

Проблемой инновации занимались П. Дракер, Б. Твисс и многие другие.

В Постановлении Правительства РФ «О концепции инновационной политики РФ на 1998–2000 гг.» даётся следующее определение инновации: «инновация – конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности» [2]. То есть инновация должна обладать следующими характерными чертам: новизной; элементами творчества; эффективностью; возможностью реализации; возможностью использования в практической деятельности.

На основе изучения и анализа различных видов классификаций понятия «инновация», предлагаемых многими авторами, Н.О. Трубицына составила следующую, заслуживающую, на наш взгляд, внимания, таблицу «Классификации инноваций по различным признакам».

Вид инновации	Характеристика
<i>По широте воздействия инноваций</i>	
Глобальные, мировые	Охватывают различные страны, повсеместно используются, мировая известность, глобальный размах
Национальные	Характерны для определенных стран, национальностей
Отраслевые	Имеют практическую значимость и новизну в определенной отрасли
Локальные	Инновации в конкретной сфере (например, в производстве)
<i>По сфере деятельности</i>	
Экологические	Проявляются в более эффективных способах использования природных ресурсов и уменьшения вредного воздействия на окружающую среду
Технико-технологические	Приводят на рынке к созданию новых или улучшенных промышленных продуктов и обеспечивающих коммерческое использование новых и улучшенных производственных процессов и оборудования
Экономические	Вызывают перемены в формах организации производства и управления им, обращении произведенных продуктов, ценового, финансово-кредитного, денежного механизмов и способствующих повышению эффективности воспроизводства

Вид инновации	Характеристика
Организационные	Это процессы освоения новых форм и методов организации и регламентации производства и труда, а также инновации, предполагающие изменения соотношения сфер влияния (как по вертикали, так и по горизонтали) структурных подразделений, социальных групп или отдельных лиц;
Управленческие	Целенаправленное изменение состава функций, организационных структур, технологии и организации процесса управления, методов работы аппарата управления, ориентированное на замену элементов системы управления (или всей системы в целом) с целью ускорения, облегчения или улучшения решения поставленных перед предприятием задач
Социальные	Проявляются в форме активизации человеческого фактора путем разработки и внедрения системы усовершенствования кадровой политики; системы профессиональной подготовки и усовершенствования работников; системы социально-профессиональной адаптации вновь принятых на работу лиц; системы вознаграждения и оценки результатов труда. Это также улучшение социально-бытовых условий жизни работников, условий безопасности и гигиены труда, культурная деятельность, организация свободного времени
<i>Технологические инновации</i>	
Продуктовые	Позволяют создавать новые товары для их производительного и непроизводительного использования
Процессные	Позволяют использовать новые технологические процессы для производства как традиционных, так и нестандартных процессов
<i>По уровню новизны (или в зависимости от глубины вносимых изменений)</i>	
Радикальные или базисные	Относятся к принципиально новым продуктам, направлены на освоение новых поколений техники (технологии) и технологических укладов
Улучшающие	Касаются значительного усовершенствования существующих продуктов, способствуют распространению и дифференциации поколений техники и укладов с учетом специфических требований разных сфер их применения
Псевдоинновации или модификационные (частные)	Несущественное видоизменение продуктов и технологических процессов: эстетическое (цвет, декор и т. п.), техническое, не оказывающее заметного влияния на параметры и свойство изделия

Вид инновации	Характеристика
<i>По распространенности</i>	
Единичные	Единичные случаи изобретений, часто не столь масштабно значимые
Диффузные	Распространение уже однажды освоенного новшества в новых условиях или на новых объектах внедрения. Именно благодаря диффузии происходит переход от единичного внедрения новшества к инновациям в масштабе всей экономики

Принимая во внимание сказанное и существующие разночтения по поводу понимания терминов «новое», «новшество», «инновация», следует согласиться, что инновации в культуре обнаруживают себя лишь в практической деятельности, в тех последствиях, которые они порождают при своей реализации – в производстве самой личности, в её способности быть личностью с присущими ей потребностями, интересами и мотивами деятельности.

Таким образом, инновационная деятельность в области культуры приобретает прикладной характер, то есть характер практической разработки связанной с: реализацией научных исследований; организационно-методической и образовательной деятельностью; управленческой деятельностью и экспериментальной работой. И здесь важно, чтобы результаты научных исследований становились основанием для инновационной работы, источником новых идей и решений. В этом и состоит смысл и назначение прикладных исследований в области культуры. Но создать новшество в области культуры мало. Какими бы привлекательными и проработанными они не были, новое не может быть освоено без надлежащего управления и организации инновационных процессов. Инициаторы нововведений неизбежно столкнутся с проблемами использования инновационных технологий. Для внедрения новых форм, средств и методов работы в области культуры требуется понимание того, как эти новшества внедрять, осваивать и сопровождать. Для этого и существуют инновационные технологии, включающие определённые наборы методов и средств, поддерживающих этапы реализации нововведения. Различают следующие виды инновационных технологий: внедрение, тренинг (подготовка кадров и инкубация малых предприятий), консалтинг, трансферт, аудит, инжиниринг.

Вместе с тем следует иметь в виду, что процесс инновационного развития в культуре имеет две главные составляющие – реализацию инновационных проектов и развитие инновационного потенциала или инновационной культуры общества. Именно инновационная культура ответственна за восприимчивость людей к новым идеям, их готовность и способность поддерживать и реализовывать новшества во всех сферах жизни. Можно согласиться с А. Николаевым, что инновационная культура отражает целостную ориентацию человека, закреплённую в мотивах, знаниях, умениях и навыках, а также в образах и нормах поведения. Инновационная культура показывает уровень деятельности соответствующих социальных институтов, степень удовлетворения людей участием в них и его результатами. «Формирование инновационной культуры связано, прежде всего, с развитием творческих способностей и реализацией креативного потенциала самого человека – ее субъекта. В то же время существует множество других факторов и условий, учет и активное использование которых может существенно способствовать эффективности инновационной деятельности. При высоком уровне инновационной культуры общества в силу взаимокорреляции, взаимозависимости ее частей изменение одной составляющей вызывает быстрое изменение других. В условиях же инновационной стагнации необходим мощный организационно-управленческий и правовой импульс, чтобы заработали механизмы саморегулирования. Для этого требуется институционализация инновационной культуры, т. е. превращение ее развития в организованный, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, правилами поведения, ответственностью участников. Речь идет не о бюрократизации деятельности, а о необходимых мерах консолидации, поскольку нужно в короткие сроки решить крупные общественно значимые вопросы» [3].

Но не следует всё сводить к влиянию инновационной культуры, наряду с ней существуют политические, экономические, социальные и другие факторы, которые, в свою очередь, детерминируются состоянием культуры в целом и, прежде всего, её инновационной составляющей. Инновационная культура обладает могучим созидательным зарядом. На конечный успех инновации, выражающийся в получении ожидаемого эффекта, влияет совокупность различных условий, воздействие которых

определить чрезвычайно сложно. Можно утверждать, что инновация – это новшество, внедренное в деятельность учреждения культуры с целью повышения его эффективности на основе лучшего удовлетворения определенной общественной потребности. При этом следует отметить, что под эффективностью следует понимать экономический, производственный, социальный, экологический и иной результат, ожидаемый от внедрения новшества.

Примечания

1. Николаев, А. Инновационное развитие и инновационная культура // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 5.
2. Постановление Правительства РФ от 24 июня 1998 г. № 832 «О концепции инновационной политики РФ на 1998–2000 гг.» // О науке и инновациях. Основные нормативные акты. Нормативный сборник. – М., 1998.
3. Николаев, А. Указ. соч.

НОВОВВЕДЕНИЯ В КУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

П.И. Балабанов

В истории культуры и общества было немало нововведений, которые являлись причинами его интенсивного развития. Чаще всего этот термин применяют к науке, технике, технологии. В этом есть глубокий смысл, ибо именно в этих областях нововведения выступали причинами дальнейших преобразований в образовании, обществе, культуре. Взаимосвязь нововведений в науке и технологиях, с одной стороны, а с другой стороны, – с социальными и культурными процессами фиксируется, и, на наш взгляд, недостаточно осознанно. Это вполне понятно, ибо результаты научных и технологических нововведений обнаруживаются далеко не сразу и оцениваются неоднозначно. В этом плане Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация являют собой наглядный пример. Не вдаваясь в глубины истории, обратимся к истории Советского Союза, в которой следует отметить две волны научных и технологических нововведений – 30-е годы XX века (индустриализация) и 50–70-е годы XX века (научно-техническая революция в СССР).

Политика индустриализации всей страны в 30-е годы позволила не только создать промышленную основу дальнейшего развития СССР, но и была сопряжена с масштабными социальными и культурными процессами – коллективизация в сельском хозяйстве и культурная революция. Многосторонняя и неоднозначная оценка этого периода представлена в соответствующей литературе. Отметим лишь важнейшие, на наш взгляд, черты указанных нововведений – глубину (сущность), которая отражает уровень познания явлений природы, социальных событий, роль личности в истории и т. п., и сопряженность (содержательность) нововведений, выражающих их взаимосвязь и взаимодействие с различными другими сферами социального и культурного бытия – образованием, религией, культурными процессами, идеологией и т. д. Последовательность в проведении политики индустриализации дала свои плоды: Советский Союз стал второй крупнейшей индустриальной державой Европы.

1950–70-е годы как для всего мира, так и для СССР были периодом освоения атомной энергии, космических технологий, биотехнологий, что, позволило поднять на более высокий уровень различные сопряженные отрасли народного хозяйства страны – металлургию, химическую промышленность, транспорт. В меньшей степени это отразилось на сельском хозяйстве, горнорудной промышленности, медицине, бытовых технологиях и др. Объяснение такому положению дел часто приводится следующее: милитаризация науки и техники вследствие военного противостояния Восток – Запад, заидеологизированность социальной и культурной жизни страны, начавшаяся эрозия внутри партийного и государственного аппарата и ряд других более частных причин. Является ли такое объяснение достаточным?

Интерпретация НТР как нововведения в жизни страны в середине XX века в терминах глубины нововведения, его сопряженности с другими явлениями позволяет более конкретно говорить о плюсах и минусах НТР в СССР. Прежде всего, следует зафиксировать большую глубину данного нововведения, по сравнению с индустриализацией в 30-е годы – это проникновение в глубины микромира: исследование атомов, ядер атомов, элементарных частиц, освоение ближнего космоса: создание спутников земли, полеты к Венере, Марсу, Луне, орбитальные космические станции, исследование ДНК, возникновение и применение генной

инженерии в сельском хозяйстве, создание новых лекарственных препаратов и т. д. Эти факты, как говорится, лежат на поверхности.

Использование термина «сопряженность» также дает интересные результаты при осмыслении НТР. Характер возникновения и развертывания НТР в Советском Союзе свидетельствует о нарушении сопряженности и согласованности между научными и технологическими нововведениями, что составляло содержание НТР, и их экспансией на социальную и культурную сферы жизни советского общества, что, в свою очередь, привело к торможению в динамике процессов демократизации, формированию основ гражданского общества, более адекватной системы ценностей в советском социалистическом обществе. О возможности большего согласования, увеличения сопряженности в указанном плане свидетельствует опыт социалистического Китая.

Не вдаваясь в политические, социально-экономические внедрения нововведений, обратимся к опыту философских и научных исследований в этот период, в которых процесс внедрения нововведений или, точнее, развертывание НТР, конечно же, нашел свое отражение.

«Внедренческое движение», как и всякое объективное изменение и движение, требует своей презентации в субъективном движении, движении в сфере мышления, т. е. в осмыслении форм систематизации мышления, в которых процесс нововведения выражается и отражается. Иначе говоря, процесс нововведения требует своего методологического сопровождения. Именно в период середины XX века в советской философии и науке формируется пристальный интерес к методологии науки и техники. И надо отметить, что советскими учеными и философами на этом пути были достигнуты значительные успехи. Это позволило систематизировать знания, полученные в результате научных открытий, создания и применения новых технологий в различных сферах науки, инженерии, изучения основ жизни и пр. Намечены перспективы дальнейшего развития науки и инженерии. В меньшей степени в рамках социологии, социальной философии и психологии было осмыслено влияние нововведений в науке и технике на жизнь общества. Разумеется, были созданы концепции индустриального, постиндустриального, информационного общества в западной теоретической мысли. Но они имели характер скорее фиксации фактов и личных предпочтений, обусловленных индивидуальной или социальной детерминацией самих авторов.

Претензии на всеобщность таких теорий вряд ли объективно оправданы. В Советском Союзе в силу противоборства идеологий они распространения не получили.

Культурные процессы в то время не привлекли должного внимания со стороны философов и ученых, в отличие от процессов социальных. Это вполне объяснимо. В западной теоретической мысли существовала и существует такая наука, как социальная антропология. В центре ее находится проблематика, объединяющая проблемы человека и общества, этнографии и истории и т. п., которая во многом схожая с проблематикой современной отечественной культурологии. Но взаимосвязь нововведений с культурными процессами в западной литературе практически не рассматривалась, которая анализировалась в большинстве своем в рамках философии, социологии, философии техники, политологии, оставаясь в рамках теоретического мышления.

В отечественной философии и науке проблема нововведений рассматривалась в рамках философии, философии техники, социологии, экономики. Культурология как наука в Советском Союзе не была конституирована. Поэтому проблема нововведений в культурологическом аспекте также не рассматривалась. Конституирование культурологии как науки в РФ в 1990-е годы заложило основы, с позиций которых можно проанализировать значимость нововведений для культуры и общества.

Необходимость осмысления сопряжения указанных нововведений с культурными процессами обусловлена не только необходимостью достижения успеха нововведения, но и развитием форм мышления, в том числе философско-методологического, которые сопровождают процесс внедрения нововведений. Разумеется, что этот вопрос многогранен. Обратим внимание лишь на один аспект – собственно методологический: какой подход наиболее адекватен для анализа процесса внедрения нововведений в культурную жизнь общества.

В качестве одного из возможных вариантов следует обратить внимание на комплексный подход, на его возможности осмыслить глубину и сопряженность нововведений с культурными процессами. Следует отметить, что для успешности этого варианта в самой культурологии имеется ряд трудностей. Во-первых, в силу незавершенности становления самой культурологии как науки в РФ, а следовательно, недооценки характера

как собственной доли методологии в культурологии, так и неразработанности собственно проблематики комплексного подхода.

Исследование проблематики комплексного подхода, предпринятое нами ранее, выявило его некоторые специфические черты объектно-субъектный характер, целесообразность, целостность, специфичность методологической установки, оптимизация используемых форм знания, проектный характер, учет границ целесообразности и т. д. Конкретизация специфики комплексного подхода естественно требует определить его предмет. На наш взгляд, его можно в первом приближении обозначить следующим образом. Комплекс – совокупность актуализированных и нелокализованных в явном виде предметов, процессов, свойств, отношений, неустойчивых состояний объектов различной природы детерминированных внешними условиями существования, которая воспринимается субъективно через цели, ценности, методологические установки, архетипы и пр. исследователем. Интерпретация целостности в таком случае предполагает на первом этапе понимание ее как осознание некоей структуры, воспроизводимой в сознании исследователя посредством неявного знания, интуиции, воображения, т. е. посредством творческих процедур, что приводит к требованию расширения и углубления познавательного горизонта. В этом плане методология комплексного подхода обращена не столько на сам комплекс, сколько на те обстоятельства и условия, которые вычленены сознанием исследователя как нечто разнородное, но интуитивно понимаемое единство внутри него, т. е. предписывает ему некую оформленность и возможную целостность. Отсюда методология комплексного подхода инверсивна по отношению к традиционной методологии, направленной на формирование средств для исследования привычного дисциплинарного объекта. Методология комплексного подхода обращена к анализу внешних, по отношению к традиционно понимаемому объекту науки. Иными словами, наблюдается диверсификация подходов и методов традиционно понимаемого научного исследования.

С учетом вышеупомянутого по отношению к комплексному подходу отнесем вышесказанное к нашей проблеме – проблеме нововведений.

Установка комплексного подхода к научным и технологическим нововведениям требует осознания того, что феномен нововведения –

это сверхсложная система, которая своими корнями уходит в культурные процессы. Для того чтобы дерево росло, необходимо пестовать его корни. Таким образом, научные и технологические нововведения только тогда прорастут когда на их реализацию будет обращено достойное внимание, т. е. на те культурные и социальные процессы, которые составляют его корневую систему. С этой целью необходимо выстроить систему культурной и социальной поддержки внедрения нововведений в плане формирования и ассимиляции нововведений в качестве ценности для общества и культуры. Отсюда вытекает прагматизм реформирования образования, искусства, философии и других духовных сфер общественной жизни как условий для ассимиляции и трансформаций нововведений в культурные и социальные ценности, нормы и идеалы. Чем более глубинный характер имеют научные и технологические нововведения, тем в большей степени они должны сопрягаться с культурой общества. Такая ситуация ставит серьезные управленческие задачи не только перед высшим руководством страны, но и на региональном уровне при условии усвоения региональным руководством нововведений как ценности и как нормы.

Таким образом, проблема научных и технологических нововведений имеет культурный и социальный аспекты, которые требуют широкого обсуждения с целью раскрытия творческого потенциала субъекта как необходимого условия эффективного внедрения нововведений.

Примечания

1. Балабанов, П.И. Комплексный подход в науке // Ученые записки НИИ прикладной культурологии. – Кемерово, 2006. – Т. 2. – С. 23–38.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ВНЕДРЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ИННОВАЦИЙ

Е.А. Трощенко

На современном этапе развития общества сфера культуры находится в состоянии глубокого системного кризиса. Основания этого кризиса лежат в сфере духовной культуры человечества, имеющей сегодня негативное очертание, связанное с разрушением целостности бытия

современной личности. «Это обусловлено тем, что в условиях наступившего XXI века российский человек преимущественно ориентирован на достижение материального благополучия (к чему он психологически не подготовлен), а высшие духовные ценности либо играют в его жизни незначительную роль, либо подменяются ценностями западной культуры, далекими, по своей сути от духовной сферы» [1]. Современное общество остро и болезненно переживает духовный кризис, обусловленный утратой общественных идеалов и разрушением традиционных механизмов культурной преемственности, поэтому проблема реализации ценностно-ориентационных, инновационных потенциалов культуры сегодня приобретает особое значение. Масштабность и глубина происходящих в России перемен свидетельствуют о процессах модернизации, затрагивающих интересы всего общества. Понижение социально-экономического положения общества, растущая безработица, ограничение доступа к образованию и культурным ценностям вызывает социальную дифференциацию личности, стимулирует рост адаптивных и деструктивных реакций на складывающиеся жизненные ситуации. Глубинным социокультурным фактором, порождающим эти проблемы, является разрыв связей человека с миром, проявляющийся в слабой включенности в социально-культурные институты, равнодушном отношении к прошлому и отсутствию образа будущего, неспособности адекватно осмысливать жизненные проблемы и самоопределяться в духовно-нравственной плоскости. Выход из сложившейся ситуации многие современные отечественные и зарубежные ученые видят в обращении к культуре.

В ситуации глобальных цивилизационных изменений культура играет огромную роль в системе обеспечения жизнедеятельности социума. Во все времена сфера культуры в неразрывном единстве двух своих функций – сохранения и развития – была основным хранилищем и транслятором культурных традиций из поколения в поколение, участвуя в формировании менталитета личности, несла ответственность за духовное возрождение современного общества.

Нет такой сферы жизнедеятельности человека, на которую не повлияла бы культура. Наибольшее же влияние она оказывает на образ жизни каждого члена общества, любой личности. То, что представляет из себя культура в данной стране, можно понять, проанализировав уста-

новки сознания, духовные потребности, ценности ее граждан, ведь все вышеперечисленное влияет на характер поведения, общение людей, ценности, образцы, нормы поведения. Люди стремятся к образу жизни, предполагающему высокий уровень сознания и культуры. Так как центром культуры является человек со всеми его потребностями и заботами, то особое место в социальной жизни занимают и вопросы освоения им культурной среды, и проблемы, связанные с достижением им высокого качества в процессе создания и восприятия культурных ценностей. Таким образом, подход к решению проблем культуры в России следует искать не вовне, а внутри самого российского общества.

Наиболее существенными проблемами, отражающими характер социокультурного окружения людей и не имеющими пока эффективных средств решения, являются массовая неосвоенность имеющихся в культуре нововведений, расхождения между запросами различных членов общества и возможностями их удовлетворения, отсутствие технологических средств обобщения и интегрирования нового социокультурного опыта. В социальной сфере все более заметной становится тенденция социального расслоения по таким социокультурным основаниям, как образ и стиль жизни, социальная идентичность, позиция, статус. Одним из источников социально-культурных и личностных проблем являются интенсивные миграционные процессы, разрушающие культурную целостность поселений, «выключающие» из процесса культурного саморазвития большие социальные группы.

Среди современных социокультурных проблем и их региональной специфики одно из центральных мест занимает проблема сохранения и приумножения отечественной культуры. Ее острота очевидна на пороге XXI века и в кризисных условиях современной России и нашла свое отражение в «Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы», утвержденной Министерством культуры РФ в декабре 2008 года. Одно из приоритетных направлений Концепции – повышение эффективности существующих и создание новых, адекватных современному развитию российского общества условий сохранения нематериального культурного наследия [2].

Если анализировать ситуацию, характерную для культурной жизни российского общества, то обнаруживается ее многосложность и проти-

воречивость. С одной стороны, все более широкое использование получает адресная поддержка различных инициатив, осуществляемых в виде целевых программ федерального и локального характера. Исчезает чувство культурной изоляции, в культурную память возвращаются многие художественные ценности, несправедливо преданные забвению. Востребуется и во многом осваивается огромный гуманитарный потенциал русской культуры – философская, культурологическая, социологическая, психологическая, экономическая мысль. В то же время в обществе набирают силу тенденции и процессы, негативно характеризующие сегодняшнюю социокультурную ситуацию. Основными проблемами, отражающими характер социокультурного окружения людей и не имеющими пока эффективных средств решения, является массовая неосвоенность имеющихся в культуре инноваций.

Современный этап развития характеризуется стремительно разворачивающимися инновационными преобразованиями различных сфер жизнедеятельности человека, включая сферу культуры. Инновации все более приобретают статус ключевого индикатора культурного процесса того или иного общества. Необходимо отметить, что мерой инновационного потенциала общества является его способность обеспечивать социальное пространство для созидательной, творческой деятельности людей, адекватной оценки ее продукта, принятия результатов этой деятельности. «Инновации возникают в результате научных исследований и разработок направленных на совершенствование процесса производственной деятельности, экономических, финансовых, правовых и социальных отношений в сфере науки, культуры, образовании и других сферах деятельности общества» [3]. Свободное использование новой терминологии (инновационный процесс, инновационная активность, инновационный характер, инновационный потенциал, инновационная деятельность и др.) подчеркивает вектор общественного развития современной России. Широкое распространение инноваций означает ее восприятие индивидуальным и общественным, создание, порождение значимых изменений, которые отличаются прогрессивностью и могут относиться к любой сфере жизнедеятельности общества и человека. В 2002 г. Президентом России В.В. Путиным была поставлена стратегическая задача перевода экономики страны на инновационный путь развития и построения

национальной инновационной системы, утвержденная в документе «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу». Реализуется региональная программа «Развитие инновационной деятельности в Кемеровской области» на 2008–2010 годы, направленная на увеличение вклада науки в модернизацию экономики и повышение востребованности научно-технических инноваций производством. Для обеспечения государственной поддержки, сохранения и развития культуры России реализуется федеральная целевая программа «Культура России (2006–2010 годы)».

Наблюдаемую сегодня в обществе тенденцию к деградации духовной жизни и культурной среды необходимо уравновесить позитивными процессами и усилиями, направленными на оптимизацию социокультурной жизни, улучшение условий существования и качества человеческой жизнедеятельности, на раскрытие культурного потенциала.

Одним из таких позитивных процессов можно назвать социокультурное проектирование, ведущая целевая ориентация которого заключается в разработке условий, способствующих саморазвитию социально-культурного субъекта (личности, общности, общества в целом) посредством решения или предупреждения проблем, характеризующих неблагоприятные условия жизнедеятельности. В этой связи существенным аспектом содержательной части социокультурного проекта является оптимизация непосредственной среды обитания человека, создание избыточных социальных условий, стимулирующих развитие личности. Известно, что богатство индивидуальности определяется наличием множества своеобразных социокультурных ниш, которые служат формой востребования личностного потенциала. И это вполне закономерно, так как лишь творческая самобытность, индивидуальность, востребованная обществом, гарантирует «приращение» и накопление культурных ценностей, их сохранение и развитие.

Проективная (проектная) деятельность относится к разряду инновационной творческой деятельности, так как она предполагает преобразование реальности, строится на базе соответствующей технологии, которую можно унифицировать, освоить и усовершенствовать. Создание замысла проекта предполагает определенное культурное преобразова-

ние – появление новых культурных аналогов. Процесс проектирования – это поиск компромисса между культурными аналогами и инновациями. Социокультурное проектирование направлено на разработку программ поддержки и развития культуры.

Технология социокультурного проектирования предполагает определенную мировоззренческую установку проектировщика, его позиционное самоопределение по отношению к объекту проектной деятельности, которое может осуществляться в пространстве двух альтернатив: изменение (развитие) или сохранение. Постановка и характер проектных целей, зависящих от ценностной позиции проектировщика, имеет важные последствия – как с точки зрения успешности реализации проекта, так и с точки зрения оптимальности, органичности, полезности осуществленных преобразований. В зависимости от позиции проектировщика выделяются два типа проектных стратегий. Первый тип ориентирован на максимальное понимание и учет специфики той культуры, которая становится объектом проектной деятельности. В этом случае цель проекта состоит в создании условий, обеспечивающих сохранение (консервацию) культурного ареала региона – объекта внедрения проекта, а уже потом – саморазвитие субъекта культуры. Процессы развития сами запускаются как бы «поверх» целей на сохранение и стабилизацию ситуации. Во втором типе проектов доминирующей задачей является экспорт собственных культурных образцов (ценностей, норм, технологий) в «чужой» культурный контекст, который благодаря этому модифицируется, «искусственно» преобразуется. Идея развития, лежащая в основе данного типа проектов, определяется в какой-то мере осознанием и пониманием невозможности решить проблемы за счет ресурсов той культуры, которая (или фрагменты которой) является объектом проектной деятельности. Когда в результате рефлексии ситуации обнаруживается ограниченность наличного состояния относительно новых задач и проблем, программное мышление становится средством формирования модели развития. Выход видится в радикальной смене культурной реальности путем внедрения новых культурных норм, ценностей, технологий, активизации механизмов внедрения инноваций [4].

В проектировании культурных программ сегодня необходима инновационная направленность, так как «одним из ведущих противоречий,

характеризующих современную социокультурную ситуацию, является разрыв между инновационным потенциалом культуры и массовой способностью его освоения и использования в повседневной социокультурной практике» [5]. Об этом свидетельствует низкий уровень культуры производства, культуры труда, длительный период адаптации молодых специалистов на рабочем месте, растущее недовольство членов общества содержанием образа жизни и качеством жизни, плохое состояние жизненной среды (экологические разрушения, запущенные города, неудобные квартиры, неблагоустроенные рабочие места и пр.). Следовательно, ранее сложившиеся способы освоения форм культурной жизни, относящиеся к ее менее динамичному состоянию, устарели, необходим их критический пересмотр и выход на осмысление, формирование и распространение новых социально значимых культурных образцов (деятельности, поведения, отношения к природе, обществу, другим людям), соответствующих сегодняшней ситуации.

В настоящее время в различных сферах культуры накоплен значительный модернизационный потенциал, который является, как правило, результатом некритичного заимствования опыта и результатов развития других культурных систем и потому зачастую воплощается в жизнь в уродливых формах. Этот потенциал может быть использован во благо развития культуры, личности, общества (особенно в части инноваций, связанных с информационными и производственными технологиями), но только в том случае, если будет соответствовать специфике отечественной культуры, если его внедрению будет предшествовать этап освоения собственного культурного наследия и обретения национально-культурной идентичности.

Естественная соразмерность традиционных и инновационных механизмов и процессов культурного развития обеспечивается созданием (в ходе реализации проекта) условий, как создающих предпосылки для культурных инноваций, так и поддерживающих культурную преемственность.

Оптимизация культурной жизни, и особенно на региональном уровне, предполагает востребованность историко-культурных ценностей, включенность их в контекст современных культурных процессов. Следо-

вательно, в основу культурного развития (по крайней мере, на данном этапе) должна быть положена идея преемственности, сохранения, создания. Приоритетными задачами социокультурного проектирования в этой связи следует рассматривать поддержку тех ценностей, норм, традиций, культурных практик, которые «отфильтрованы» историческим опытом многих поколений, отвечают критериям нравственности и гуманистичности. отражают специфику территории и могут рассматриваться в качестве социокультурных стабилизаторов жизнедеятельности общества и человека.

Разрабатываемые в ходе социокультурного проектирования программы, ориентированные на раскрытие культурного потенциала, направлены на решение социокультурных проблем, которые характеризуют неблагоприятное состояние тех или иных составляющих среды или образа жизни и возникают как субъективно воспринимаемое несоответствие между оптимальным уровнем культурного развития и его реальным состоянием.

В процессе разработки программы очень важно найти оптимальное соотношение двух целевых установок, определяемых двумя подходами к культуре. С одной стороны, культуру необходимо рассматривать как самоценную сущность, то есть материальную и духовную среду обитания человека, условие его развития и самореализации. Проектное мышление в данном случае предполагает понимание культуры как целостного объекта, подлежащего сохранению и воспроизводству и ориентируется на заполнение недостающих мест внутри культурного целого посредством создания систем поддержки и реставрации (например, программы музеефикации и консервации культурных норм и способов их трансляции) [6]. Ведущей целевой установкой проектов и программ в таком случае будет создание оптимальных условий, способствующих естественному развитию культуры как самоценного явления.

С другой стороны, культура (культурная деятельность) является условием и средством решения проблем и задач, находящихся в других плоскостях социального и индивидуального бытия. Проекты такого типа в качестве своей конечной цели предполагают оптимизацию процессов жизнедеятельности (человека, социальной группы, региона и т. д.), а культура выступает в качестве средства, условия такой оптимизации.

По содержанию проблем в сфере культуры, определяющих актуальность проекта и новизне способов их разрешения, проекты могут быть типовыми и уникальными. Если типовые проекты воспроизводятся в других ситуациях с небольшой корректировкой в соответствии с местными условиями (например, проекты стандартных учреждений культуры), то уникальные не могут тиражироваться в силу неповторимости ситуации и объектной области проектирования (например, проекты, связанные с реставрацией и использованием неповторимых архитектурных сооружений, природных ландшафтов и пр.).

Социокультурному проектированию подлежат процессы и явления, характерные для культуры общества в целом; а также культурная жизнь конкретного региона – здесь предметом регуляции (и программирования) являются различные социально-культурные субъекты (объединения, организации, учреждения), а целью – создание условий для саморазвития культурной жизни, поддержка приоритетных направлений и видов культурной деятельности, имеющих общественную и личностную значимость, способствующих оптимизации художественной, духовно-нравственной, политической жизни социума, развитию исторической, экологической культуры человека.

Как правило, культурные проекты и программы концентрируются вокруг стратегических целей культурной политики, которые представляют собой определенный баланс усилий (средств, ресурсов), направленных на сохранение культуры, раскрытие культурного потенциала и внедрение инновационных элементов.

Целевая установка проектов и программ на сохранение и воспроизводство культуры обеспечивается созданием условий, необходимых для:

- сохранения жизнеспособных ценностей и явлений культуры прошлого, характерных для всех составляющих социокультурной среды (в предметно-пространственном мире – сохранение, реставрация и реконструкция памятников истории и культуры, архитектурной среды; в отношениях между людьми – поддержка адекватных современности традиционных образцов поведения и общения; в познавательно-оценочной сфере – хранение и введение в культурный оборот текстов гуманитарной культуры прошлого);

- освоения и активного использования в актуальном пространстве жизнедеятельности культурного наследия (элементов предметной среды прошлого, жизнеспособных традиционных нравов, обычаев, ритуалов и т. д.).

Приоритетные социокультурные проекты в рамках культурных инноваций направлены на:

- содействие развитию творческих союзов и других общественных организаций в сфере культуры, в том числе молодежных объединений;

- создание целевых программ в области культуры, рассчитанных на улучшение материально-технической базы, материального благосостояния работников сферы культуры, поддержание одаренных детей, (стипендии, премии, гранты), повышение уровня профессионализма работников культуры посредством переподготовки и повышения квалификации, установление взаимовыгодных контактов с вузами культуры, НИИ;

- выявление, поощрение и тиражирование лучших идей и технологий оптимального существования в сегодняшней социокультурной ситуации (например, экологически безопасных способов существования человека в среде, форм оптимальной организации пространств в поселениях, образцов архитектурных сооружений, монументального, прикладного искусства, дизайна);

- освоение эффективных с позиции социальной и личностной значимости новых форм ролевых и неформальных связей между людьми, способов эффективного межличностного взаимодействия;

- оснащение находящегося в проблемной ситуации человека современными знаниями из различных областей науки, позволяющими ему эффективно разрешать возникающие в процессе его жизнедеятельности проблемы;

- совершенствование и переориентацию деятельности традиционных отраслевых учреждений в соответствии с сегодняшними задачами культурной политики;

- создание новых высокотехнологичных региональных центров культурного роста и точек опережающего развития (например, проекты центров традиционной народной культуры, домов народного творчества,

клубов-музеев (с разработкой и внедрением современных систем кодировки музейных предметов), национально-культурных центров, цифровых библиотек, являющихся современными мультимедийными центрами и т. д.);

- повсеместное внедрение и распространение новых информационных продуктов и технологий;

- создание социально-педагогических и культурных центров, сочетающих досуговые, воспитательные и трудовые функции;

- инициирование и поддержка учреждений, способствующих снятию социальной напряженности;

- создание специализированных центров местной культуры;

- реставрацию нежилого фонда, пригодного для организации культурно-досуговых учреждений или их филиалов;

- модернизацию материально-технической базы учреждений культуры и обеспечение инновационного развития сети учреждений культуры за счет масштабного инвестирования в технологическое обновление и т. д.

Стратегическая цель этих проектных мероприятий – обеспечить реальный доступ к культурным ценностям всем социальным группам и категориям населения, стимулировать многообразие субъектов культурной жизни, сделать реальностью альтернативность социально-культурных программ. Внедряя те или иные инновации, следует учитывать культурные традиции народа. Культурная жизнь России не остается в стороне от инновационных процессов. Внедрение новых культурных технологий помогает осуществлять самые разнообразные творческие замыслы, так как именно в инновационной деятельности человека реализуется имманентно присущий ему творческий потенциал.

Примечания

1. Грешилова, И.А. Реализация культурного потенциала общества в образовательном процессе // Художественное образование и эстетическое воспитание: состояние, проблемы, тенденции. – Чита, 2002. – С. 113–115.
2. Приказ Министерства культуры РФ № 267 от 17.12.08 г. «Об утверждении Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы».

3. Маренков, Н.Л. Методология создания инфраструктуры рынка инноваций в России. – М., 2005.
4. Зуев, С.Э. Культура в контексте развития // Вопросы методологии, 1991. – № 2. – С. 25–27.
5. Орлова, Э.А. Культурная политика в контексте модернизационных процессов // Теоретические основания культурной политики. – М., 1993.
6. Зуев, С.Э. Указ. соч.

СИНТЕЗ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЕ МИРА

О.Г. Басалаева

При исследовании проблемы построения культурной картины мира обычно исходят из простой триады: окружающая действительность, отражение этой действительности в мозгу человека и выражение результатов этого отражения в культуре. То есть, культурная картина мира – это специфическое видение мира, зафиксированное в культуре. Если мир – это среда и человек в их взаимодействии, то культурная картина мира – это результат переработки информации о среде сознанием человека.

Специфической частью среды обитания человека является информационное пространство. Информационное пространство рассматривается нами как новая среда обитания человека, являющаяся реальностью современной культуры. Поэтому, основанием для нашего исследования является представление о современной культурной картине мира как об информационном пространстве и культурной парадигме конца XX и начала XXI веков, где под культурной парадигмой понимается образец, предписывающий нормы познания или практики, являющийся не столько результатом исследования культуры, идеей или моделью, сколько – действительностью, то есть, культурная картина мира в нашем исследовании рассматривается онтологически, как реальное основание культурной системы. Основой современной культурной парадигмы, по нашему мнению, является разработанная М. Кастельсом, информационная парадигма, суть которой можно свести к превалированию техноло-

гии в жизни общества (технологический детерминизм) и появлению сетевых структур, являющихся одновременно средством и результатом глобализации [1]. Следует отметить, что в информационной парадигме М. Кастельса ключевыми являются понятия «сеть» и «сетевая организация».

Именно эти обстоятельства заставляют обратить внимание на синтез традиций и инноваций в современной культурной картине, в условиях, когда современную картину мира культуры позволяют представить, именно, сетевые информационные технологии, при этом важным является доступность данной картины каждому заинтересованному в ней человеку. Тем более, что количество пользователей Интернет, например, в России на конец 2009 года составило порядка 50 млн. человек, а миллиардный пользователь Всемирной паутины был зафиксирован еще в 2008 году.

Синтез информационной технологии и культуры трансформирует культурную картину мира. В этом процессе стирается противопоставление обоих начал и возникает новое состояние культурной картины в целом, означающее ее качественное преобразование (инноваций) при сохранении предшествующего достояния (культурных традиций). Основной характеристикой вписывания информационных технологий в культурную картину, по нашему мнению, является глобальное информационное пространство, реализованное в сети Интернет.

С нашей точки зрения, идеи информационного подхода реализуются в мире культуры, связанного глобальной сетью телекоммуникаций. Здесь необходимо заметить, что основные технические и технологические вопросы формирования глобального информационного пространства, в принципе, уже решены. Центр тяжести перемещается в иную плоскость – социокультурную сферу. В недалеком будущем Интернет может стать средой, существенно влияющей на характер социокультурных процессов. Процессы, происходящие в современном мире культуры, по своему революционному значению сопоставимы с изобретением алфавита, позволившего преодолеть разрыв между устной речью и языком, отделить сказанное от говорящего. Это, в свою очередь, привело к созданию абстрактного мышления (философии и науки) и на многие столетия определило направления развития культуры.

Господство рационального мышления, разрыв письменного сообщения с речевой и образной системой символов и восприятий привели в свое время к одностороннему развитию человеческого мышления. Мир звуков и изображений был отодвинут на задний план, что до сих пор проявляется в противопоставлении научного и художественного. В XX веке экранная культура увеличила свое влияние через кино, радио и телевидение, а в конце XX века ее инновационные разновидности электронная и сетевая культура, нисколько не снизили значения тех достижений культуры, которые имманентно связаны с развитием письменности и книжного дела, все же в среде культурологов этот вид культуры рассматривался как развлекательный, вторичный по отношению письменной и книжной культуре. По нашему мнению, речь должна идти о рациональном сочетании традиционной письменной и инновационной электронной культуры.

Глобальная сеть Интернет и информационно-коммуникационные технологии, встраиваясь в существующую систему отношений между элементами системы культуры, формирует два направления реализации инноваций: направление креативности (изменений, обновлений, творчества) и направление структурирования (упорядочивания, нормативности, формализации).

Направление креативности, с нашей точки зрения, соответствует появлению электронной, сетевой и виртуальной культуры. Электронная культура (Digital Culture, или E-culture) – «это новая область деятельности. Она связана с созданием электронных версий объектов культурного наследия: в изобразительном искусстве (живопись, графика, скульптура), в перформативных искусствах (музыка, театр, танец и пр.), в недвижимом культурном наследии (архитектура, культурный ландшафт), в кино, телевидении и пр.» [2]. Кроме того, электронная культура включает в себя произведения, которые сразу создавались в электронной форме, например, сетевое искусство, реконструкции в виртуальной и расширенной реальности, новые интерактивные произведения. В электронную культуру входят электронные версии коллекций культурного наследия.

Качественным итогом развития электронной культуры является феномен сетевой культуры. Его проявления достаточно многолики.

Символом электронной и сетевой культуры стал гипертекст. Гипертекст – это определенная нелинейная последовательность фрагментов текста, находящихся на разных уровнях и соединенных гиперссылками – указаниями на различные его элементы. Последовательность восприятия выбирается самим читателям в зависимости от его интересов, интуиции, а иногда и просто прихоти. Главной характерной чертой гипертекста является отсутствие непрерывности, т. е. неожиданное перемещение позиции пользователя в тексте. Гипертекст базируется не только на многообразии возможностей его восприятия, но и на многообразии способов создания. Человек создает свою собственную визуальную мозаику, получая новые возможности для выражения индивидуальности.

Современные компьютерные технологии размывают границу между автором и читателем, между содержанием и методом доставки этого содержания. Этот феномен интерпретируется как интерактивность. Практически все виды сетевого творчества, по своему характеру, интерактивны. Реализация интерактивности осуществляется благодаря такому свойству Интернета как гиперизмерение, т. е. отсутствие таких характеристик как конечность пространства и времени. Электронные художественные проекты могут развиваться в любом направлении и без ограничений. Работа с визуализацией информации осуществляется в цифровой форме. А это определяет: возможность постоянного изменения формы и содержания; возможность оперировать огромными объемами информации, идеями, образами, концептами, трудно или вовсе нереализуемыми в реальности; способность к обновлению.

В научных исследованиях XX века, в том числе и культурологических, общепризнанным является факт ведущей роли интуиции в творческом процессе. Нахождение инновационного решения требует знания механизмов интуиции и стратегий их активизации. Новые информационные технологии, содержащие способ организации информации в виде гипертекста, позволяют создавать многоуровневую систему с множеством как вертикальных, так и горизонтальных связей. Работы с такой системой позволяют улавливать побочные ассоциации, учитывать несколько вариантов развития одновременно. Примером подобного рода может служить гипертекст и многомерная карта экспериментального проекта «Сад расходящихся хокку» [3]. Этот пример – свидетельство тому, как

успешно может быть адаптирована традиционная национальная культура в виртуальном пространстве. Подобные сетевые проекты в Интернете опровергают упорно навязываемую некоторыми исследователями точку зрения о тенденции к стиранию всех национальных различий в глобальном информационном пространстве. Опыт Японии, Китая, России подтверждает факт возможности и необходимости сохранения и развития традиционных культур средствами инновационных информационных технологий.

С направлением структурирования, в нашем исследовании, связан процесс создания Web-сайтов социокультурных институтов в сети Интернет. Вследствие динамичности развития Интернета в целом и Web-среды социокультурных институтов, в частности, число сайтов увеличивается ежедневно. На сегодняшний день, инфраструктура Web-среды социальнокультурных учреждений активно развивается и становится одной из важных составляющих как культурной так и информационной картин мира.

Социокультурные институты выступают в роли связующего звена, обеспечивающего процесс перехода, переосмысления, связи традиции и инновации, ориентированной на структурирование культурного опыта путем формализации инновационных явлений. В условиях культуры информационного общества, характеризующейся постоянно совершенствующимися информационно-коммуникационными технологиями тот, кого нет в Интернет, почти и не существует для остального мира. Сформированный постиндустриальной культурой новый тип мышления человека ориентирован в первую очередь на саморазвитие, а постоянно ощущаемый дефицит времени обуславливает стремление к получению конкретной информации. Поэтому особенно важно создавать свои виртуальные культурные образы, наполнять Интернет культурным контентом. Контентом (англ. content – содержание) является любое информационно значимое (содержательное) наполнение информационного ресурса (например, Web-сайта) – тексты, графика, мультимедиа – вся информация, которую пользователь может загрузить на диск компьютера с соблюдением соответствующих законностей, как правило, только для личного пользования. Основными критериями Web-контента является

1) качество контента и 2) доступность. Количество и качество контента характеризуют степень пользовательского интереса к Web-сайту, на котором он размещен.

Господствующая в обществе картина мира всегда активно формируется его культурой и, в свою очередь, ее же активно формирует. Это проявляется, в частности, в том, что через информационную (инновационную) картину мира, культурный контент Web-сайтов, культурная (традиционная) картина воздействует на результат отражения среды, сознанием человека, определяя степень ее сложности и дифференцированности, и соответственно на конфигурацию институтов, ее создающих и транслирующих.

Таким образом, синтез традиций и инноваций заключается в существенном изменении системы культуры в процессе исторической динамики информационных технологий. Эти изменения радикально меняют и культурную картину мира. «Вот мы видим компьютеры, великолепную технику: Это предметы. Вещи, – пишет М. Мамардашвили. – Но беда в том, что мы не видим мира, который за ним стоит» [4]. Увидеть то, что стоит за компьютером, за любым техническим и технологическим артефактом, дано только человеку, как социальному существу. В этом и заключается синтез традиций и инноваций, синтез культурной и информационной картин мира. Причем, разработка информационной картины мира призвана наглядно представить всеобщую связь и взаимообусловленность явлений, происходящих в культуре в процессе развития и освоения информационных технологий, включая сетевую. «Современная информационная техника все в большей степени используется не только в творческой работе художников, скульпторов, архитекторов и композиторов, но и в процессе приобщения публики к произведениям искусства. Благодаря этому становятся общедоступными многие художественные шедевры. Характерными примерами в этом отношении являются управление оркестром компьютеров при помощи «дирижерской палочки» – инфракрасным излучателем, присутствующая от автомобиля до дома музыка и многие другие факты современной художественной культуры» [5].

Инновационное в картине мира культуры не может быть ничем иным, как синтезом, сплавом информационных нововведений и тради-

ций, развивающихся в двух направлениях. С одной стороны, информационные технологии используются в творческой работе художников и скульпторов, артистов и композиторов, писателей и поэтов. С другой, – современные информационные средства делают высокую культуру общедоступной через Web-сайты в сети Интернет.

Культурная картина мира, с одной стороны, интуитивно стремится остаться верной традиционной динамике (культурное содержание), но с другой стороны, она не может развиваться вне инновационного информационного процесса.

Примечания

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. – С. 77.
2. Черных, А.В., Куйбышев Л.А., Браkker Н.В. Электронная культура как одно из основных направлений модернизации ФЦП «Электронная Россия». URL:<http://www.cpic.ru/Publicat/51-03.htm>
3. Экспериментальный проект «Сад расходящихся хокку». URL:<http://www.litera.ru/slova/hokku/map/map.html>
4. Мамардашвили, М. Эстетика мышления. – М, 2000. – С. 298.
5. Негодаев, И.А. Информатизация культуры. – Ростов н/Д, 2002. – С. 156.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

О.А. Григорьева

Вступая в третье тысячелетие своего развития, человечество на протяжении многовековой истории разных стран и народов считало культуру ключевым фактором человеческой жизни. Именно эта сложнейшая совокупность нравственных и духовных ценностей и традиций, идеалов и обычаев людей в конечном счете и обеспечивала устойчивость развития социальных организмов – государств, наций, народов. Отсюда вполне закономерно то внимание, которое международное сообщество уделяет феномену культуры как стабилизационному механизму в развитии человека и человечества.

Культура стала важнейшей сферой экономической деятельности, определяющей характеристикой интенсивно развивающихся регионов мира. Вместе с тем, столь же очевидно и то, что культура как духовная основа жизни начинает испытывать на себе воздействие серьезных кризисных явлений. Экономический прагматизм, вытеснение гуманитарной составляющей из общественной жизни постепенно превращаются в парадигму повседневной социальной практики и политики. Волны насилия, криминализация многих сегментов общества выступают, как это ни прискорбно признавать, компонентами образа жизни людей и, как следствие, в окружающем нас мире становится все меньше добра и человечности, а стало быть, – и самой культуры. Не избежала этой проблемы Россия, которая сегодня формирует свою новую демократическую идентичность.

В этих условиях важнейшая задача – это конструирование нового типа мировоззренческой культуры, которая воспитает новые поколения в духе национальной и религиозной терпимости, взаимопонимания между народами. Эта задача актуальная для всех государств и регионов.

Проблема социокультурной адаптации к реалиям третьего тысячелетия имеет для настоящего и будущего России первостепенное значение. Речь идет как об органичном сочетании и развитии историко-культурных традиций, так и о творческом обновлении ее духовной составляющей. По мнению российских исследователей, в современных условиях развитие многонациональной культуры России может пойти по трем основным направлениям. Во-первых, – это сохранение культурного и политического консерватизма, ориентация исключительно на ценности традиционализма, развитие духовности на основе идей о самобытности России и ее особом пути в истории.

Второй путь выступает своеобразным следствием интеграции России в мировую систему хозяйствования. В этом случае происходит «вестернизация» культуры, когда культурная жизнь общества строится на основе принципов коммерческой саморегуляции. Поэтому роль государства в этом случае сводится к сохранению самобытности национальной культуры и смягчению возможных негативных последствий коммерциализации сферы культуры.

Тем не менее, Россия может и должна интегрироваться в систему общечеловеческих ценностей как равноправный участник мировых процессов, используя накопленный богатейший культурный потенциал страны. Только плодотворный синтез общемировых гуманитарных ценностей с конкретно-историческими, культурными феноменами отдельных регионов или стран и может дать желаемый результат. Этот третий путь, безусловно, самый трудоемкий. Его поддержка на местном, региональном и национальном уровнях и во всех звеньях гражданского общества особенно важна для такой полиэтнической и поликонфессиональной страны, как Россия.

Для России понятие «многонациональная культура» – это не просто определенное словосочетание. Это овеച്ചественная российская культура и историческое наследие, связанные с жизнедеятельностью десятков народов нашей страны. Потеря хотя бы одной из национальных культур – русской, татарской, башкирской или алтайской – может обернуться для нее утратой уникального своеобразия и накопленного веками духовного богатства.

Проведение демократической политики в сфере культуры в нашем многонациональном государстве представляет собой сложную систему динамического взаимодействия государственной власти, гражданского общества и культуры как объекта этой политики. Отношения между элементами этой системы должны выстраиваться на принципах гуманизма и толерантности, соблюдение которых – необходимое условие для успешного культурного развития и выработки нового типа государственной политики в этой сфере.

Важнейшее место в рамках этой политики занимает ее региональная составляющая, предметом непосредственного воздействия которой выступают национальные компоненты или субкультуры регионального уровня. При этом федеральный и региональный уровни власти в этом взаимодействии выступают не как оппоненты, а как равноправные партнеры, преследующие общую цель – создание условий для позитивной направленности культурных процессов, учитывающих интересы всех народов и этнических групп России.

На рубеже двух столетий в регионах России интенсифицировался процесс роста самосознания граждан, этносов и национальностей.

В практическую плоскость был поставлен вопрос о духовном возрождении народов, их национального достоинства и культуры. Реформа национального образования, новые подходы в журналистике, региональных СМИ и книгопечатании, обновление в деятельности национальных театров, музеев и библиотек – все это привело к невиданному росту интереса людей к своим историческим корням, национальным языкам, традициям и обычаям.

Наблюдаемый в настоящее время процесс глобализации, затронувший в той или иной мере все страны мира и входящие в них социо-исторические организмы, ведет к унификации практически всех областей жизни населяющих их народов, в том числе и их культуры. В Российской Федерации есть регионы, в которых проживают различные этносы с частично сохранившейся этнической культурой – это, в первую очередь, Сибирь и Северный Кавказ. Проблема сохранения, возрождения или модернизации этнической культуры является частью национальной и культурной политики нынешней российской администрации.

Например, в республике Алтай проживает около 30 % алтайцев, 60 % русских и 5,6 % казахов. Алтайцы не представляют собой единого этноса: есть северные алтайцы (к ним относятся тубаралары, кумандинцы, челканцы, шорцы), есть южные алтайцы (алтай-кижи, теленгиты, телесы, телеуты). Самый многочисленный субэтнос алтайцев – алтай-кижи. Статус малочисленных народов официально закреплен за кумандинцами, челканцами, тубаралами и телеутами.

Специфика расселения народов, населяющих республику Горный Алтай, оказывает значительное влияние на формирование современного культурного поля и современной культурной политики. Алтайская культура функционирует в Горном Алтае очень неравномерно. Она плохо сохранилась в северной части республики (в Майминском, Чойском, Турачакском р-нах). Здесь много браков между русскими и алтайцами. Проживающие здесь алтайцы плохо знают алтайский язык, предпочитая использовать русский. При организации свадьбы или похорон они не придерживаются алтайских традиций и больше тянутся к русской и российской культуре.

В большей степени алтайская традиционная культура сохраняется в южной части Горного Алтая: в Усть-Канском, Усть-Коксинском, Кош-

Агачском и Улаганском районах. Обычаи и народные традиции здесь функционируют и в общественном быту (например, институт уважения старших, этикет взаимоотношения мужчин и женщин) и в семейной сфере (свадебный и похоронный обряды, традиция избегания женщин, обряды ухода за детьми). Южные алтайцы готовят национальную пищу, носят национальные костюмы, строят традиционные постройки (аилы) и придерживаются языческих верований. В полном объеме в этих районах используется разговорный алтайский язык.

При формировании культурной политики одним из ключевых стал вопрос о том, как возродить этническую культуру алтайцев, не нанося ущерба культурам проживающих в республике русских и казахов? В результате для решения межнациональных проблем в основу культурной политики республики Алтай была положена форма паритетного возрождения культур всех народов республики.

В республике Алтай русская культура частично сохранилась лишь на юге, в старообрядческих селениях, где проживают кержаки. В остальных населенных пунктах, в которых проживают русские, этническая культура сохранилась намного хуже. Можно говорить лишь о сохранении русской музыкальной культуры (частушки, песни, игра на гармонии и т. д.).

Тем не менее, в русских селениях Горного Алтая республиканская и особенно сельская администрация также пытаются организовать проведение православных и языческих русских праздников: это, в первую очередь, Рождество, Масленица, Иван Купала, Троица. В некоторых селениях Шебалинского р-на проводился праздник Пасхи. Помимо раскрашивания пасхальных яиц, сельчане катались по желобку с горки, играли в русские игры (лапту, качели, городки). Во время Масленицы проводятся уличные гуляния, катание на тройках лошадей, приготовление блинов и т. д. Во время Ивана Купалы сельчанам предлагалось прыгать через костер и обмываться целебной водой на берегу реки. Во время Троицы русское население плетет на берегу реки венки из березы, которые затем бросает в воду. Девушки вплетают в косы ленты и водят хоры. Конечно же, все это скорее лишь попытка возродить безвозвратно забытую русскую культуру. И хотя эти праздники не отвергаются русским населением, но попытки проведения таких праздников воспри-

нимаются без энтузиазма. Православные и языческие праздники не стали популярными среди русских Горного Алтая.

Но вместе с тем возрождение русской культуры (в отличие от возрождения алтайской) не стало темой для республиканского телевидения, радио и местных газет. Практически нет материалов о русской культуре в средствах массовой информации. По мнению руководителей тех населенных пунктов, в которых проживают русские, в республике наблюдается перекося в процессе культурного возрождения в сторону алтайской культуры. В целом в республике прослеживается граница между функционированием алтайской и русской культур, что, безусловно, связано с проживанием их носителей в основном в разных районах.

Одним из важных результатов культурного воздействия русских на алтайцев стало формирование принципа толерантности к русской культуре и даже тенденции к рецепции элементов русской культуры в алтайскую. Так, русская музыкальная культура глубоко вошла в песенное творчество алтайцев. Алтайцы поют на концертах не только алтайские, но и русские песни. На алтайских свадьбах всегда после алтайских начинают петь русские песни (в первую очередь, «Подмосковные вечера»). Причем бывает даже так: в районах, где большинство русского населения, на сельские и районные праздники приглашаются алтайские коллективы, которые поют только русские песни.

В свою очередь, русские, проживающие в смешанных районах Горного Алтая, отчасти восприняли алтайскую культуру. Хотя современные русские коллективы не поют алтайских песен, тем не менее, еще в 1940–50-е гг. многие русские знали и алтайский язык, и алтайские песни. В послевоенные годы эта традиция оказалась утраченной. Однако в настоящее время она вновь стала возрождаться. Так, на проводимом недавно республиканском конкурсе молодых исполнителей русская девушка исполнила песню на алтайском языке и получила первую премию. Но все же это скорее правильно выбранная тактика, чем проявление существующего взаимодействия культур.

Многие фундаментальные основы алтайской культуры (в первую очередь, алтайская мифология и фольклор) были восприняты современными русскими художниками Горного Алтая и положены в основу их творчества. Особенно ярко это проявилось в творчестве одного из веду-

щих современных художников республики Алтай Сергея Дыкова. Его работы оказались признанными не только в русской, но и в алтайской среде, что позволило именно ему быть в прошлые годы одним из основных художников-постановщиков спектаклей Драматического театра на алтайские сюжеты, а в настоящее время стать главным оформителем общереспубликанского алтайского праздника Эл-Ойына.

В казахских селениях республики Алтай, которые в основном располагаются в Кош-Агачском р-не, проводится, во-первых, национальный праздник Эл-Ойын, в программу которого входят национальные игры, джигитовка. В 2009 году на нем присутствовали гости из Монголии, Кореи, Тувы, Японии, Казахстана. И, во-вторых, мусульманский праздник «Наурыз», который проводился в марте последние два года в разных мусульманских селениях казахов Кош-Агачского р-на. В-третьих, проводятся дни казахской культуры Кош-Агачского р-на в других районах Горного Алтая, например, недавно они прошли в Улаганском р-не республики. На празднике был показан спектакль – инсценировка казахской свадьбы, концерт казахской музыки.

По мнению И.Л. Бабич, этническая культура большинства народов России, в том числе и проживающих в республике Алтай алтайцев, русских и казахов, частично была разрушена в годы «формирования единой нации – советский народ» и в особенности в послевоенное время, когда в Горно-Алтайской области началось становление «национальной по форме и социалистической по содержанию» советской культуры, в основу которой была положена идея заменить этническую культуру новой культурой, основанной на советской идеологии, с использованием при этом форм традиционной этнической культуры. Были выработаны новые партийные установки при проведении культурной политики: становление новых традиций, обычаев, обрядов и борьба с пережитками прошлого в быту и сознании населения области, а также интернациональное и патриотическое воспитание.

Происходящий в 1990-е гг. процесс возрождения этнической культуры титульного этноса Республики Алтай – алтайцев вылился в формирование стилизованной алтайской культуры. В основе данного явления лежит не возрождение собственно традиционной этнической культуры алтайцев, а внедрение ее отдельных элементов (одежды, музыки, празд-

ников) в массовую общероссийскую культуру, которая сформировалась в течении 1990-х гг. и уже имеет достаточно широкое распространение. Стилизация как идеология и механизм проявляется во всех областях этнокультурной жизни республики Алтай.

Таким образом, основная задача возрождения этнической культуры заключается в сохранении традиций в одежде, музыке, сохранении ритуалов, национального языка, во внедрении национальных проектов и поддержке инициативных предложений представителей этноса со стороны государственных структур.

КУЛЬТУРНАЯ ИННОВАТИКА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

А.С. Двуреченская

В современном обществе становятся значимыми вопросы инновационного развития техники, экономики, науки, культуры и образования. Актуальность данной тематики подтверждается в том числе тем, что формируется специализированная сфера знания – инноватика. Становление инноватики как мультидисциплинарной научной области, прежде всего, было связано с возросшими потребностями научно-технического и социально-экономического развития индустриальных стран во второй половине XX века. Особое влияние на становление инноватики оказали потребности развития техники, развитие системного анализа, теории организаций и управления, кибернетики, новейших информационных и социальных технологий. Современная инноватика интегрирует многие идеи теории модернизации, социально-философских и культурологических парадигм, социологии, общей и социальной психологии, креатологии, акмеологии и др.

В.Г. Колосов определяет инноватику как область знаний, развивающую методологию и организацию инновационной деятельности [1]. Деятельностный подход к определению и содержанию инноватики разделяют многие отечественные ученые, в том числе гуманитарии. А.А. Поскряков утверждает: «Одним из наиболее эвристически перспективных подходов к исследованию теоретических и практических про-

блем инновативной культуры представляется так называемый «деятельностный подход», который раскрывает предпосылки (генезис), механизмы, закономерности и прогнозируемые результаты инновационной активности человека и общества в пределах социокультурных и социотехнических систем различного уровня. Такой подход позволяет рассматривать инновативность как особый атрибут в логико-объектной триаде «предмет – отношение – деятельность» [2]. Культурная инноватика может трактоваться через подобный деятельностный подход, где в качестве предмета выступает культурный образец, объект или артефакт, к которому применяется инновационный подход; формируются конкретные инновационные отношения между субъектами различных социальных сфер и учреждений для реализации данного подхода, и осуществляется инновационная методологическая, организационная и технологическая деятельность применительно к выбранному объекту. В таком ракурсе понятия «культурная инноватика» и «культурная инновация» будут иметь близкое смысловое содержание. М.Р. Жбанков определяет культурную инновацию как «механизм формирования оригинальных культурных продуктов, обеспечивающих динамичное развитие конкретного типа культуры. Культурная инновация обеспечивает выработку адекватных меняющейся реальности моделей социального поведения и мировоззренческих ориентаций, оформление и трансляцию новых знаний о природной и социальной среде, построение новых форм коммуникации и сфер профессиональной активности, а также включение новаторских культурных образцов в наличный культурный контекст» [3]. Инновационный подход может быть реализован таким образом в обобщенном виде через взаимодействие общества и природы и развитие специализированных сфер человеческой деятельности или более узко через взаимодействие различных социальных слоев и институтов, межкультурную коммуникацию поиск оптимальных форм управления обществом в рамках реализации культурной политики.

Современные зарубежные и отечественные исследователи отмечают сильнейшее влияние процессов информатизации и виртуализации на формирование инновационного пространства. В частности, М. Кастельс полагает, что воздействие информационных технологий на цивилизации приводит к активному взаимопроникновению прежде

обособленных специализированных сфер человеческой деятельности: «Вместе с растущим количеством ученых я утверждаю, что культуры фундаментально проявляют себя через свою встроенность в институты и организации. Под организациями я понимаю специфические системы средств, ориентированные на выполнение специфических задач. Под институтами нами понимаются организации, наделенные необходимой властью для выполнения некоторых специфических задач от имени общества в целом. Культура, имеющая значение для структуры и развития данной экономической системы, – это культура, воплощаемая в организационных логиках. Говоря словами Николь Биггарт, «под организационными логиками я имею в виду легитимирующий принцип, выработанный в совокупности производных социальных практик. Иными словами, организационные логики есть мыслительная база для институционализированных отношений власти». Наша идея состоит в том, что появление информационной экономики характеризуется развитием новой организационной логики, соотнесенной с текущим процессом технологических изменений, но не зависящей от него» [4]. Другими словами, встроенность современной культуры в институты и организации рождает новую организационную логику, новые смысл и ценностные поля и как следствие – культурную инновацию.

В.А. Мамонова подтверждает точку зрения М. Кастельса, говоря о современном культурогенезе: «Говоря о глобализации в пространстве культуры практически неизбежно апеллирование к влиянию массовых технологий, средств коммуникаций на жизнедеятельность социума и культуры. В настоящее время необходимо отметить факт преобладания и предпочтения акта коммуникации содержанию транслируемого материала – феномен «виртуализации общества». Интеграционное направление культурогенеза, инициированное четвертой информационной революцией, развивается, таким образом, в двух плоскостях, или планах: в реальном и виртуальном. Есть основания полагать, что последний оказывает воздействие на способы презентации и интерпретации жизненных реалий, порождая феномен «транскультуры» – культуры полилога культур. «Транскультура» реализуется вне территориальных, историко-культурных, ментальных границ как полифоническое целое множества «живых» культур, виртуализированных в процессе коммуни-

кации» [5]. По мнению автора, в современной полифонии культур ведущим, парадигмальным видом деятельности будет культура управления, те самые «организационные логики», о которых пишет М. Кастельс. Поэтому предполагаемые и реализуемые модели управления и организации современной культурной политики на всех уровнях властной вертикали будут определять развитие инновационного пространства.

Культурная инноватика может быть реализована в пространствах различного масштаба: от межнационального и регионального до городского. В рамках городского пространства и городской культуры цели, задачи и содержание инновационной деятельности будут определяться масштабом города, его ландшафтом, инфраструктурой, социальной мобильностью, экономической базой, историко-культурным потенциалом и другими факторами. Инновационная деятельность, соотнесенная с культурными инновациями, может осуществляться в городском пространстве через поиск инновационных методов и моделей в социальном и институциональном поле, организационной и управленческой среде и активизацию межкультурной и межъязыковой коммуникации, позволяющих максимально быстро обнаружить необходимые инновационные модели и технологии. Процессы глобализации, информатизации и виртуализации, наличествующие в городской культуре, и в этом случае будут оказывать воздействие на реализацию инноваций. Отечественные исследователи, рассуждая о современном городе как социокультурном феномене, отмечают существенную значимость данных процессов: «Социокультурное пространство города включает в себя социум, символы и ценности, коммуникацию и информацию. Как феномен город существует только при взаимодействии всех этих элементов. В городском пространстве концентрируются социальные структуры, выявляются многочисленные смыслы, символические формы. Современные средства массовой информации и коммуникации обнаруживают себя важными сплачивающими элементами, задающими целостность городскому пространству, так как они имеют значительное влияние на социальную, политическую, экономическую и культурную сферы жизни в городе, снимая ограничения доступа к культурным ценностям» [6].

Касаясь проблем культурных инноваций в городском пространстве, необходимо учитывать накопленный серьезный теоретический и ме-

тодологический опыт советских и российских ученых в этой области знаний: В.Л. Глазычева, Т. Дридзе, В.Ю. Дукельского, Э.А. Орлову, В.М. Розина и других. Интересны с методологической точки зрения такие разработанные ими понятия, как культурный потенциал городской среды, процессуальность городской культуры, освоенность городского пространства, социально-культурные показатели и многое другое. Они подтверждают приоритетность проектной деятельности в реализации инноватики, позволяющей применять, по выражению В.Г. Колосова, улучшающие инновации [7]. Проектирование является основополагающим способом применения улучшающих инноваций, так как проектность – неотъемлемая часть культурной и человеческой деятельности. «Проектность – фундаментальное имманентное свойство опережать наличную культурную действительность, выражающееся в формировании, трансляции, реализации замыслов, идей, целей, присущих как отдельным историческим формам или типам культуры, так и культуре в целом» [8]. В то же время способность к проективной деятельности – одна из существенных характеристик «человека культурного», это его способность к «продуктивному воображению, творческому и свободному преобразованию реальности на основе “модели потребного будущего”» [9]. Смысл культурной деятельности заключается в ее «улучшающем» характере, в культивировании всех составляющих человеческого бытия, в способности выводить человека за свои пределы в форме целеполагания, конструирования идеального образа человека и мира.

Проективная (или проектная) деятельность относится к разряду инновационной, творческой деятельности, так как она предполагает преобразование реальности и строится на базе соответствующей технологии, которую можно унифицировать, освоить и усовершенствовать. Преимущества проектирования по сравнению с другими способами целенаправленного регулирования социокультурных изменений заключается в том, что оно сочетает в себе аналитический, нормативный и диагностический подходы, характерные для программирования и планирования. Проектное решение не имеет четко выраженного директивного характера, то есть не является нормативным документом в строгом смысле, который включает перечень намечаемых на перспективу мероприятий и ожидаемых от них результатов. Создавая образцы решения

конкретных культурно значимых проблем, проектирование обеспечивает научно-обоснованные управленческие мероприятия, способствующие разрешению конкретных ситуаций. Органично сочетая нормативный и диагностический аспекты, проектирование, во-первых, формулирует модель «должного» в соответствии с имеющимися ресурсами; во-вторых, соотносит решаемую проблему с общим образом ее решения, допуская альтернативные пути и средства достижения цели; в-третьих, задает обоснованные временные рамки решения проблемы, обусловленные характеристиками проблемной ситуации [10].

В этом ключе особую значимость приобретает задача формирования творческих групп, состоящих из высококвалифицированных специалистов, которые обладали бы необходимыми и достаточными для эффективной продуктивной работы психологическими качествами и способствовали повышению эффективности осуществляемой инновационной и проектной деятельности. Многоплановость функций, выполняемых инновационной командой (ее оптимальная численность составляет примерно 8–12 человек, так как, по мнению исследователей, в более многочисленных группах возникают непродуктивные социально-психологические напряжения, ведущие к внутригрупповым конфликтам), предполагает наличие в ней, по крайней мере, трех категорий сотрудников-партнеров. К первой группе относятся *генераторы идей*, способные проявлять творческую инициативу, выдвигать оригинальные идеи. Вторую группу составляют инноваторы-менеджеры, способные *управлять инновацией как процессом*. Именно они должны принимать решения в условиях неопределенности, идти на финансовый и предпринимательский риск, уметь преодолевать организационные и психологические трудности. Третью, наиболее многочисленную группу в инновационной команде, составляют квалифицированные работники («периферия»), обеспечивающие так называемую систему поддержки. Именно эта группа занимается информационным обеспечением, анализом внешней среды и внутренних возможностей, осуществляет *практическую реализацию* инноваций.

На наш взгляд, не только в инноватике, но и в проектной инновационной деятельности должны наблюдаться междисциплинарные связи – в методологии, организации и реализации инноваций в город-

ском пространстве должны совместно участвовать ученые, технологи, менеджеры, художники, властные и бизнес-структуры. Именно о таком подходе говорит современный ученый-практик Ч. Лэндри, характеризуя один из возможных методов инновационной деятельности: «Мы предлагаем новый метод стратегического городского планирования, которое дает возможность людям творчески мыслить и действовать...» [11]. Речь идет о выявлении в рамках городского пространства культурной перспективы, связанной с понятием креативности. Концепция креативного города, с точки зрения исследователя, требует понимания творчества не столько как основы определенного типа индустрий, сколько как сложной совокупности элементов, среди которых следует выделить:

- культурные ресурсы;
- творческое мышление, производство новых идей;
- социальные инициативы и самоорганизация;
- организованный процесс, механизм кооперации;
- инновационную инфраструктуру.

При таком методе планирования и проектирования урбанистическая политика и менеджмент должны значительно больше внимания уделять вопросам культуры. Как подчеркивает Ч. Лэндри, в таком случае «культура должна определять технологию городского планирования, а не выступать как несущественное и малорентабельное дополнение к таким вопросам, как жилищное строительство, транспорт, землепользование» [12]. Для этого необходимо, прежде всего, изучить городские культурные ресурсы, которые могут быть обнаружены в историческом, индустриальном, художественном наследии города, архитектуре, городском ландшафте, общественной жизни, увлечениях, досуге, субкультурах и т. д. Изучение данных ресурсов позволит жителям любого города, по мнению автора, осознать свою социокультурную уникальность и реализовать ее через инновационную деятельность. Идея креативности любого города заключается, таким образом, в нахождении им собственной уникальной культурной ниши и посредством этого закрепления за городом статуса всемирного центра реализации данной культурной уникальности.

Метод инновационной деятельности, предложенный Ч. Лэндри, опирается на формирование культурных инноваций в организационной и

управленческой среде посредством активизации индивидуальной и социальной инициатив. Таким образом, утверждает исследователь Д.В. Галкин, «...мы видим, что конструирование культурных пространств современных городов напрямую связано с тенденцией трансформации практики и дискурсов культурной политики: от культурной демократии к экономике культуры и далее к новому синтетическому дискурсу креативных городов, в котором явным образом идет поиск сочетания первых двух. Складывается понимание того, что политика культурного развития должна служить усилению креативного потенциала и развитию инфраструктуры культурного/креативного производства как системного качества жизни современных «креативных городов». А это предполагает как систематическую инвестиционную политику в секторе креативной экономики и творческого бизнеса, так и активное вовлечение горожан в разнообразные креативные процессы как форму систематического участия в демократическом процессе обретения городом своего будущего» [13]. Применение подобного метода в городской и региональной культурной политике позволит осуществить на практике один из заявленных на 2006–2010 гг. стратегических приоритетов федеральной культурной политики России – формирование человеческого капитала, так как наличие инновационных процессов в городском пространстве будет стимулировать деятельность социальных групп и отдельных индивидов в рамках конкретного урбанистического объекта.

Примечания

1. Колосов, В.Г. Основы инноватики. – СПб., 1999. – С. 4.
2. Поскряков, А.А. Инновационная культура // <http://www.sociology.mephi.ru/docs/kulturologia/html/pos1.htm>.
3. Социология: Энциклопедия. – Мн., 2003. – С. 361.
4. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/03.php.
5. Мамонова, В.А. Глобализация в пространстве культуры: векторы развития // *Credo new: теоретический журнал*. – 2006. – № 1. – С. 35.
6. Тулиганова, И.В. Социокультурное пространство современного города: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2009. – С. 8.
7. Колосов, В.Г. Указ. соч. – С. 8.
8. Балабанов, П.И., Миненко Г.Н. Проектность культуры: теоретический и методологический аспекты. – Кемерово, 2002. – С. 25.

9. Бирженюк, Г.Н., Марков А.П. Основы социокультурного проектирования. – СПб., 1998. – С. 4.
10. Орлова, Э.А. Проблемно ориентированное социокультурное проектирование. Теория и методология // Теоретические основания культурной политики. – М., 1993. – С. 27.
11. Лэндри, Ч. Креативный город. – М., 2006. – С. 13.
12. Там же. – С. 30.
13. См. Галкин, Д.В. Стратегии культурного развития городов: современные подходы // <http://www.jourssa.ru/2005/4/2cGalkin.pdf>

ОБ ИСТОЧНИКАХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В НАРОДНОЙ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Н.В. Петроченко

Кузбасс является одним из ведущих культурных регионов России, характеризующихся высоким уровнем достижений в различных областях художественной деятельности в современном быстро меняющемся мире. В связи с ускорением изменений в XX – начале XXI вв. практически во всех областях человеческой деятельности возникает необходимость научного осмысления специфики динамических процессов в культуре современности в целом и в конкретных сферах социальной деятельности в частности, в том числе и в хореографии конкретного региона. В условиях глобализации мировой культуры особую важность приобретает задача раскрытия и осмысления роли народной культуры и отдельных ее видов в процессе исторического развития наций как определяющего фактора национального самосознания. Решение данной задачи особенно актуально для культурного развития Кемеровской области, которая по своему составу многонациональна (более ста народов и народностей). Причем каждая этническая группа, независимо от ее численного состава и коренной принадлежности, имеет свои культурные традиции, свою национальную культуру, которая развивается в тесном контакте с культурами других этносов нашей области.

Будучи частью этнической культуры, танец способен оказывать влияние на формирование этнической идентичности и солидарности.

Изучение национальных танцевальных традиций народов, населяющих Кемеровскую область, поможет ответить на ряд вопросов, касающихся межкультурного взаимодействия этносов: почему в сходных ситуациях представители разных наций проявляют себя по-разному, какие внешние и внутренние факторы в большей степени оказывают влияние на особенности видения мира представителями различных культур Кузбасса? В то же время достаточно очевидным является то, что современная народная хореографическая культура нашего региона не может быть сведена лишь к ее традиционным компонентам. Нужен гармоничный, взвешенный подход к соотношению в ней традиций и новаций. В настоящей работе мы выделим и проанализируем основные источники инновационных процессов в национальной хореографии как составной части народной художественной культуры.

В культурной антропологии принято выделять следующие источники культурной динамики: инновации, обращение к культурному наследию, заимствования, культурная диффузия.

Принято считать, что инновации представляют собой изобретение новых образов, символов, норм и правил поведения, новых форм деятельности, направленных на изменение условий жизни людей, формирование нового типа мышления или восприятия мира. При этом, по мнению С.Ю. Неклюдова, новаторство представляет собой «явление в известной мере механическое с точки зрения органики культуры, ибо означает “привнесение”, “улучшение”, “добавление”, “неожиданность взгляда” и т. п. Это всегда вмешательство снаружи, деликатный разлом структуры, вживание в нее каких-либо элементов» [1]. А.Я. Флиер подчеркивает преимущественно адаптивный характер порождения большинства культурных новаций и высокую значимость обретения этими новациями нормативного и символично-маркирующего статусов, придающих этим феноменам дополнительную регулятивную функцию в обществе. Кроме того, причинами появления новаций являются неприятие отдельными индивидами или группами господствующих культурных ценностей, регулятивных норм, традиций, обычаев, правил поведения и поиск своих собственных путей культурного и социального самоутверждения. По мнению ряда исследователей, это означает, что новации возникают как в традиционных, так и в модернизированных куль-

турах. Исследователь роли личности в культурных изменениях Х. Барнетт, который сосредоточил свое внимание на психологических установках и поведении индивидов в обществе, считал механизм нововведения базисным для культурных изменений. Основным предметом исследований Х. Барнетта были культурные условия, стимулирующие нововведение, либо ему препятствующие, а также мотивационные механизмы нововведения. В основе нововведения, по его мнению, лежат такие ментальные процессы, как новые комбинации элементов, отождествления и постановки; обычно в культуре инноватор фигурирует под маской таких социальных типажей, как «чужак», «диссидент», «отщепенец» и т. п. [2].

На массовом уровне создателями культурных инноваций нередко выступают выходцы из других стран или другой социокультурной среды, оказывающиеся гетерогенными для данного общества. Ученые обращают внимание на тот факт, что всякое нововведение в той или иной степени обречено на неприятие. Если оно оказывается несовместимым с традиционными основами культуры, если на него отсутствует спрос, если в нем нет заинтересованности у какой-либо группы общества, тогда оно не находит своего места в данной культуре. История культуры знает множество примеров того, как культурные нововведения отторгались и предавались забвению, если они не отвечали потребностям и интересам соответствующей социокультурной среды. И напротив, социальный заказ рождал поток культурных новаций, которые получали признание всего общества.

Одним из видов социальной и исторической динамики культуры является культурогенез, сущность которого заключается в процессе постоянного самообновления культуры не только методом трансформационной изменчивости уже существующих форм и систем, но и путем возникновения новых феноменов, не существовавших в культуре ранее. Вопросы исторического происхождения культуры затрагивались многими историками и философами, однако первые системные исследования в этой области связывают с работами эволюционистов XIX века (Спенсер, Л. Морган, Э.Б. Тейлор, Ф. Энгельс и др.) и их последователей. В XX веке проблемами исторического генезиса культуры и ее отдельных специализированных областей занимались многие историки, социологи,

этнографы, археологи, искусствоведы и пр., однако общая теория культурогенеза стала предметом изучения и разработки лишь в самое последнее время [3].

По мнению А.Я. Флиера, изначальное происхождение культуры как видового признака человека, формирование локальных социокультурных систем (этнических, политических, конфессиональных, региональных, ме-жэтнических и др.) и генезис отдельных культурных форм в тех или иных областях человеческой деятельности и взаимодействия – это разноуровневые воплощения по существу одного и того же культурного процесса – порождения новационных явлений в социальной динамике.

А.Я. Флиер выделяет три основные модели динамических процессов: «порождение новых культурных явлений; их трансляция в пространстве и времени; трансформационная изменчивость этих явлений (причем трансформация культурных систем среди прочего включает в себя постоянное порождение новых культурных форм)» [4]. Первую из названных моделей культурной динамики – порождение новых культурных явлений – А.Я. Флиер определяет как культурогенез и обращает внимание, что «понятие «культурогенез» охватывает не только первичное происхождение культуры в процессе становления вида хомо сапиенс, но и любое социокультурное новаторство в жизнедеятельности людей, порождение новых культурных форм и целостных систем, имеющее место постоянно» [5]. Так же считает С.Н. Иконникова, утверждая, что культурогенез происходил не только в глубокой древности, но осуществляется постоянно, порождая новые компоненты культурных систем. По ее мнению, культурогенез позволяет выявить реальную динамику изменчивости культуры, очертить смысловое поле новаций, их взаимосвязь с традициями и культурным наследием, полифункциональность и полисемантику культуры, историческое изменение значений, смыслов и символов, которыми наделялись в истории явления культуры. Культурогенез дает возможность представить топографию культуры, определить источник и ареал распространения новаций [6].

Немаловажными для нашего исследования динамики народной танцевальной культуры являются результаты исследования А.Я. Флиером механизма порождения новых культурных форм. Автор

излагает свое понимание термина «культурная форма» как однократно порождаемого новационного явления (образца), в последующем вариативно воспроизводимого в большем или меньшем числе «культурных объектов» (фактов). При этом ученый замечает, что «в понятие «культурная форма» включается не только наблюдаемый «продукт» (результат) какой-либо деятельности или взаимодействия, но и технология создания этого «продукта» [7]. Кроме того, А.Я. Флиер настаивает на том, что всякая культурная форма при своем порождении практически всегда высокофункциональна, а воспроизводящие ее культурные объекты нередко со временем утрачивают первоначальное функциональное значение, хотя и сохраняют, а порой и усиливают свою символическую значимость. Технологию порождения культурных форм Флиер рассматривает как четырехфазовый процесс [8].

Важным является тот факт, что превращение культурной формы в норму напрямую связано с критерием ее социальной значимости. А значимым, по мнению Н.Б. Бакач, культурный феномен становится настолько, насколько он может решать задачи настоящего. Из этого следует, что различные элементы, формы и явления культуры необходимо рассматривать в аспекте их способности решать реальные проблемы настоящего, а также с точки зрения того, как эта способность меняется во времени, от одной культурной эпохи к другой. Так, к примеру, в 30-х годах XX века появляются новые формы существования народного танца: профессиональные и самодеятельные ансамбли народного танца. Репертуар таких мобильных ансамблей, не связанных в своих выступлениях с большой сценической площадкой, с театральным зданием, способных выступать на различных площадках (в рабочих клубах, в поле, на аэродромах и т. д.), был основан на национальной традиционной хореографии и бытовом танце и, как замечает И.В. Смирнов, не имел аналогов в прошлом. «Сама форма представлений этих коллективов была новой, ранее незримой зрителям и открывала широкие возможности для пропаганды идей гражданственности, патриотизма, верности воинскому долгу, для приобщения к культуре и искусству широких слоев населения» [9]. Так в народной танцевальной культуре появляется, помимо фольклорного танца, огромный пласт народно-сценической хореографии, который получает свое развитие в ансамблях песни и танца, ансамблях народного

танца как самодеятельных, так и профессиональных, национальных ансамблях танца республик, входивших в состав СССР. Именно в этот период происходит переход от фиксации фольклорных образцов к созданию разнообразных форм сценического танца. При этом основными его функциями становятся воспитательная и пропагандистская, а развлекательная и эстетическая функции отходят на второй план. Такое изменение основных функций коренным образом повлияло на изменение самого народного танца и специфику его восприятия. В народно-сценической хореографии были выработаны новые каноны в технике исполнения танцевальных движений, в композиционно-постановочных решениях, в подборе музыкального сопровождения, в рисунках, костюмах, в тематической направленности и т. п.

Кроме того, необходимо отметить, что генезис новых культурных форм в интеллектуальной и художественных сферах отличается своими особенностями, связанными прежде всего с тем, «что их интеграция в культурную систему обычно не ведет к прямому воспроизводству, а скорее к признанию их в качестве допустимых в данной системе и последующему их влиянию на общественное сознание и порождение новых форм в соответствующих областях деятельности» [10]. Заметим также, что «возникающие в процессах материальной и духовной деятельности новации, при условии их социальной значимости, “опредмечиваются” в “объективной” форме культуры, становясь частью культурного “багажа”, культурного наследия» [11].

Как известно, обращение к культурному наследию как источнику культурной динамики означает переоценку и использование в новых условиях всей совокупности культурных достижений данного общества и его исторического опыта. Вопрос о «культурном наследии», его функционировании в условиях современного общества относится к числу актуальнейших проблем теории и истории культуры. А.А. Батура приводит два определения данного понятия. «Под «культурным наследием» в широком смысле часто понимается совокупность связей, отношений и результатов материального и духовного производства прошлых исторических эпох. В более узком смысле – совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых в контексте конкретно-

исторических задач современности, в соответствии с объективными критериями общественного прогресса» [12]. Культурное наследие обладает для общества вневременной культурной ценностью, так как к нему относятся уникальные культурные достижения, не зависящие от времени их появления, которые переходят к новым поколениям и в новые эпохи.

Диалектика культурной динамики состоит в постоянном переходе от прошлого к настоящему и будущему. Накопленному опыту прошлого противостоит повседневная практика настоящего, требующая постоянной расшифровки прежнего культурного опыта, его приспособления, отбора и интерпретации. А.А. Батура подчеркивает: «Осваивая традиционное наследие, мы должны основываться на ясном понимании диалектики культурно-исторического процесса, то есть понимании того факта, что освоение наследия неравнозначно его мертвому хранению, ибо хранить наследство – вовсе не значит еще ограничиваться наследством. Хранение и наследие культуры не равносильно его сохранению как абсолютного, самоценного и самодостаточного достояния прошлого» [13]. Ученые также замечают, что ценности и символы, воплощенные в памятниках прошлого, становятся важным фактором новой культуры. При этом они должны не только сохраняться, но и воспроизводиться, раскрывая свой смысл для новых поколений. По мнению многих отечественных ученых, обращение к культурному наследию прошлого призвано обеспечить поддержание привычных смыслов, норм и ценностей, сложившихся в обществе. Эти смыслы, нормы и ценности превращаются в каноны или образцы, проверенные многолетней практикой; следование им обеспечивает привычные условия жизни. Те элементы культурного наследия, которые передаются из поколения в поколение и сохраняются в течение длительного времени, обеспечивают самобытность культуры. «В историческом процессе каждый новый шаг, опираясь на накопленный опыт, развивает сложившуюся традицию; вместе с тем этот новый шаг преемственно связан с прошлым, предопределен прошлым, им “запрограммирован”» [14]. Такое сочетание традиционного и инновационного М.С. Каган называет внутренней логикой развития.

Особое внимание обращает на себя существующая в культурологии точка зрения на культуру как на «генетический код человечества». Ученые, разделяющие эту точку зрения, ссылаясь на работы Л. Уайта,

подчеркивают, что одним из наиболее существенных свойств культуры является возможность передавать ее внебиологическими средствами. А поскольку сохранение существования любого биологического вида обеспечивается наличием соответствующего «генетического кода», культура как раз и является «генетическим кодом человечества». Функционирование культуры в качестве такого кода, по мнению Ю.В. Осокина, подразумевает «взаимодействие культурно-новационных механизмов и свойственных культуре способов обеспечения ее себестоимости (сохранения основных свойств при внешних и внутренних изменениях). Конечно, в любом конкретном случае “распредмечивается” не вся культура, а определенная ее часть, а именно – значимая именно для данной социокультурной общности совокупность ценностей из всего того культурного багажа, который сохраняется и постоянно “нарабатывается” человечеством. Именно в “актуальной” культуре данного общества формируются те или иные “генетические инновации”, социально значимые культурные образцы» [15]. Культуру в таком случае определяют как «фиксируемый в объективной и субъективной ее формах социально значимый опыт отражения человеческим сознанием характеристик мира, в котором он существует, и адекватных специфике этого отражения способов действий в этом мире» [16].

А.А. Батура утверждает, что действующим процессом освоения, варьирования и развития определенного наследия выступает традиция [17]. Кроме того, «проблема наследия – это проблема готовых условий, в которых нам приходится действовать; проблема передачи – это проблема средств, с помощью которых эти условия могут формироваться и формируются; проблема традиции – это проблема целей, которым мы подчиняем нашу деятельность, проблема иерархии ценностей, которую мы навязываем окружающему нас миру» [18]. Проблеме традиции посвящено довольно большое количество теоретических исследований, до сих пор не угасают споры, касающиеся определения и выявления сущности данного понятия. В рамках нашей работы мы не будем приводить все многочисленные дефиниции этой философской категории, а остановимся лишь на тех ее характеристиках, которые так или иначе могут быть использованы в исследовании народной танцевальной культуры.

Основываясь на результатах научного анализа культурной традиции, проведенного отечественными и зарубежными философами и культурологами, можно сделать вывод, что традиция – это фундаментальная философская категория, представляющая собой особый механизм социального и культурного наследования, в основе которого лежит деятельность по образцу. Как неотъемлемый атрибут человеческого общества традиция является формой адаптации этого общества к окружающей среде. Традиция имеет непрерывный, относительно устойчивый, инерционный характер, но в то же время рассматривается не как застывшее явление, а динамическое, подвижное в своих внешних проявлениях, обнаруживает способность к существенной перестройке. Традиция – необходимое условие функционирования социальных и культурных систем, в том числе танцевальной системы. В процессе смены культурных парадигм традиция выступает в роли связующего звена. Это своеобразный «лифт», который осуществляет доставку, причем в одном направлении, на следующий «этаж» всего самого ценного, что было накоплено на предыдущих «этажах». Именно традиция обеспечивает саму устойчивость изменяющейся и развивающейся танцевальной системы. В этом проявляется важнейшая общая функция традиции. Обеспечивая устойчивость, стабилизацию танцевальной системы, традиция тем самым служит неперенным условием ее бытия.

Часто можно встретить работы, где народный танец употребляется обязательно как традиционный. Как правило, исследователи в них настаивают на том, что одним из основных признаков народного танца является строгое следование, подчинение традиции, созданной предыдущими поколениями творцов-исполнителей. «Традиционность – важное качество народной культуры во все периоды, определяющее как ее ценностно-нормативное и смысловое содержание, так и социальные механизмы его передачи, наследования в непосредственном общении от лица к лицу, от мастера к ученику, от поколения к поколению, минуя институционально-организационные формы» [19].

Мы не собираемся оспаривать подобные точки зрения, но не стоит исключать и тот факт, что народное танцевальное искусство, являясь частью народной художественной культуры, отражает и новые явления жизни определенного народа. Кроме того, как подметил Е.В. Гусев, сама

«традиционность в народной художественной культуре не стереотипна, не шаблонизирована, а канонична и продуктивна, способна к саморазвитию, то есть на ее основе и в ее пределах появляются все новые и новые варианты на разных уровнях – от варьирования отдельных элементарных и структурных единиц формы и стиля до целых произведений и их смысловых значений» [20]. Причем эти изменения, как известно, происходят в большей или меньшей степени в зависимости от объективных (социально-исторических) условий деятельности и субъективных (мировоззрение, психология, степень личной одаренности, характер творческого состояния одного и того же исполнителя и т. п.) причин. Поэтому, по словам Е.В. Гусева, вариативность в народной художественной культуре приобретает разнонаправленный характер – развивается и как процесс совершенствования в одних случаях, и как процесс деструктивный – в других [21]. Таким образом, признавая важность сохранения хореографического наследия прошлого, не менее важно и постоянное обновление народного искусства, причем не только путем трансформации и переосмысления элементов старой формы, но и через появление качественно новых танцевальных явлений, отражающих изменения, происходящие как в духовной, так и материальной культуре народа в рамках определенной культурной парадигмы.

Значительную роль в инновационных процессах народной танцевальной культуры играют культурные заимствования, т. е. использование предметов, норм поведения, ценностей, созданных и апробированных в других культурах. Принято считать, что культурные заимствования являются наиболее распространенными источниками культурных изменений по сравнению со всеми другими.

С.В. Лурье и другие исследователи, работающие в области исторической этнологии, указывают, что заимствование элементов одной культуры другой не может протекать как механический процесс и вовсе не является автоматическим следствием культурных контактов. Заимствуемые элементы встраиваются в новый сложный культурный контекст, хотя, как считают ученые, идея об их обязательном переосмыслении в рамках новой культуры (характерная для психологической антропологии) подвергается сомнению [22].

Каждая культура, по мнению С.В. Лурье, формирует свой особый, «адаптированный», комфортный образ реальности и опыт человека как бы укладывается в определенные парадигматические формы. Никакими экономическими причинами их не объяснишь. При межкультурных контактах относительно легко заимствуются внешние проявления культуры, идеология, ценности, даже язык. То, что обычно рассматривается как показатель ассимиляции, может оказаться относительно малозначимым. Те же парадигмы сознания, которые связаны не с идеологическими, не с ценностными основаниями, а с бессознательными комплексами, характеризующими способ и характер активности человека в мире, не подвержены культурным влияниям [23].

По мнению А.И. Кравченко, один народ заимствует у другого не все подряд, а лишь то, что: «а) является близким его собственной культуре, т. е. то, что смогут понять, оценить и использовать аборигены; б) принесет явную или скрытую выгоду, поднимет престиж народа, позволит продвинуться вверх по ступенькам прогресса, даст преимущество перед другими народами; в) отвечает внутренним потребностям данного этноса, т. е. удовлетворяет такие фундаментальные потребности, которые не могут удовлетворить культурные артефакты и культурные комплексы, имеющиеся в его распоряжении» [24].

А.И. Кравченко также сообщает, что культурному заимствованию предшествует другое явление, которое он называет культурным отбором, или селективностью культуры. «Селективность – избирательное отношение к переносу ценностей из одной культуры в другую. Она может быть целенаправленной, сознательной либо стихийной, происходящей в силу объективных условий» [25]. Необходимо отметить, что культурные заимствования могут носить как прямой (через межкультурные контакты индивидов), так и косвенный характер (через действие СМИ, потребляемые товары, образовательные учреждения и т. д.). Вместе с тем, культурные заимствования могут быть стихийными и неуправляемыми, целенаправленными и сознательными. Исследователь обращает внимание, что вторая стратегия культурного заимствования должна проходить все необходимые для культурного отбора стадии: создание проекта заимствования и его критическую проработку; отработку претендентов на культурное заимствование, поиск нужных образцов; практическое внедрение и обеспечение экономической и политической поддержки [26].

В качестве отдельного источника культурной динамики ученые выделяют культурную диффузию, под которой имеется в виду взаимное проникновение отдельных явлений культуры и целых ее комплексов из одной культуры в другую при их взаимодействии. Культурное взаимодействие принято определять как культурный контакт, который может пройти бесследно, а может закончиться сильным влиянием взаимодействующих культур друг на друга либо односторонним влиянием. По своей сути диффузия означает «заимствование» каких-либо достижений одной культуры другой.

Диффузионные процессы являются исторически ранними по сравнению с другими видами культурных изменений. По мнению ряда ученых, это одна из наиболее естественных форм существования и развития культуры, отражающая неравномерность природных и исторических условий и возможностей отдельных народов. Каналами диффузии служат миграция, туризм, деятельность миссионеров, торговля, война, научные конференции, торговые выставки и ярмарки, обмен студентами и специалистами и др.

Выделяют два направления, по которым распространяются культурные инновации, – горизонтальное и вертикальное. Горизонтальная диффузия происходит между культурами нескольких этносов, социокультурных групп или отдельными индивидами. Данное направление также называют межгрупповой диффузией. Вертикальная диффузия развивается между культурами с неравным статусом, поэтому ее называют стратификационной культурной диффузией. Вместе с тем, как замечает А.И. Кравченко, стратификационная диффузия распространяется не только снизу вверх или сверху вниз, но также в двух направлениях, действуя циклически и возвращаясь в модифицированном виде в исходную точку по схеме «подъем-спуск-подъем» и наоборот. Такое перемещение называют еще культурной ротацией [27].

Изучение культурных взаимодействий, как предполагает С.Н. Иконникова, дает возможность представить, по крайней мере, четыре варианта тех последствий, которые связаны с переносом культур в результате контактов. Этот процесс называют аккультурацией. Автор приводит приметы этих вариантов:

1. Мощные волны культурных влияний приводят к утрате народом своей самобытной культуры. В результате возникает пренебрежение к ценностям своей культуры.

2. Культурные влияния хотя и вносят изменения в культуру, но не затрагивают ее основ.

3. В культурной системе возникают силы сопротивления контактам, стремление к изоляционизму. Возрождаются идеи «почвенничества», создание заслона от чужого влияния, воспринимаемого как угроза культурной самобытности народов.

4. Контакт культур приводит к созданию таких новообразований, которых не было ни в одной из взаимодействующих культур, а контакт инициировал их возникновение [28].

Четвертый вариант подводит нас еще к одному источнику культурной динамики – синтезу, который представляет собой взаимодействие и соединение разнородных культурных элементов, в результате которого возникает новое культурное явление, отличающееся от обоих составляющих его компонентов и имеющее собственное качество. Синтез имеет место в том случае, если какая-либо культура осваивает достижения в сферах, недостаточно развитых в ней самой, но при этом сохраняет присущую ей исходную основу и остается самобытной [29]. Именно синтез национальных традиционных движений народного танца с элементами классической хореографии и акробатики стал источником изменения в народной танцевальной культуре в первой половине XX века. То есть рождение народно-сценической хореографии как нового пласта в танцевальном искусстве стало возможным благодаря взаимодействию народного (фольклорного) танца с профессиональным сценическим искусством классического танца.

Рассмотрев основные источники динамики культуры, подчеркиваем, что историческая изменчивость культуры представляет собой процесс взаимодействия сообществ с природным и социальным окружением, что детерминирует адаптивную трансформацию уже имеющихся культурных форм и систем, а также порождение новых искусственных явлений и порядков. При этом любое социокультурное новаторство в жизнедеятельности людей, порождение новых культурных форм и целостных систем существует постоянно. Именно в процессе этого вечного культурогенеза происходит периодическая смена культурных парадигм.

Примечания

1. Батура, А.А. Традиция как философско-культурологическая категория и ее социально-адаптационные функции: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Краснодар, 2000. – С. 28–59.
2. Культурология. XX век. Словарь. – СПб., 1997. – С. 362.
3. Флиер, А.Я. Культурогенез. – М., 1995. – С. 366.
4. Флиер, А.Я. Структура и динамика культурогенетических процессов: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1995. – С. 11.
5. Там же. – С. 12.
6. Иконникова, С.Н. Контуры исторической культурологии // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. – СПб., 2001. – Вып. 12. – С. 47.
7. Флиер, А.Я. Структура ... – С. 17.
8. Там же. – С. 17–18.
9. Смирнов, И.В. Искусство балетмейстера. – М., 1986. – С. 32.
10. Флиер, А.Я. Структура ... – С. 18.
11. Там же. – С. 18.
12. Батура, А.А. Указ. соч. – С. 16.
13. Там же.
14. Там же.
15. Осокин, Ю.В. Художественная культура в процессах социокультурной дифференциации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1995. – С. 13–14.
16. Там же.
17. Батура, А.А. Указ. соч. – С. 16.
18. Саяпина, И.А. Информация, коммуникация, трансляция в социокультурных процессах современного общества: автореф. дис. ... д-ра культурологии. – Краснодар, 2001. – С. 24.
19. Культурология. XX век. – С. 295.
20. Гусев, В.Е. Русская народная художественная культура. – СПб., 1993. – С. 9–10.
21. Там же. – С. 10.
22. Лурье, С.В. Историческая этнология. – М., 2004.
23. Лурье, С.В. Евразия: проблемы соседства культур и межкультурного взаимодействия // Вестник Евразии. – М., 1999. – № 1–2. – С. 20.
24. Кравченко, А.И. Культурология. – М., 2002. – С. 151–152.
25. Там же. – С. 152.
26. Там же. – С. 153.
27. Кравченко, А.И. Указ. соч. – С. 156.

28. Иконникова, С.Н. Указ. соч. – С. 48.

29. Грушевицкая, Т.Г., Попков, В.Д., Садохин, А.П. Основы межкультурной коммуникации. – М., 2002.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУЗБАССА

Е.М. Бородина

Изучение инновационного процесса в духовной культуре восточнославянского населения Кузбасса требует от нас понимания сущности инновационной культуры и определения ведущих факторов эффективности нововведений этих наиважнейших явлений и процессов духовного обновления, что, несомненно, предполагает теоретический подход к изучению данного вопроса.

Если рассматривать инновацию как некий процесс организации, формирования и развития нового, то необходимо осознать значимость нововведений, а также выделить факторы, повлиявшие на некоторые новшества.

В духовной культуре, прежде всего, есть видимая сторона, куда включены все праздники и обряды, сопровождаемые музыкой, пением, хореографией, и невидимая, закодированная, несущая смысловое значение. Главные положения культуры реализованы во всех видах и жанрах фольклора и используются в синкретической форме. В нашем случае синкретизм понимается как объединение различных культур восточнославянского населения, т. е. украинцев, белорусов и русских. Расселение восточнославянских групп на территории Кемеровской области способствовало сохранению важных традиционных элементов: самосознания, языка и фольклора. В новых природных условиях, в инонациональном окружении люди стремились сохранить как можно больше своих национальных особенностей [1].

Однако процесс освоения новых территорий сопровождался столкновением различных культурных традиций, что привело к исчезновению одной и возникновению новой культуры.

Одним из важнейших и социально-значимых компонентов духовной культуры восточных славян являются праздники и обряды. Они играют важную коммуникативную и воспитательную роль в жизни общества, в них тесно переплетаются мировоззренческие, нравственные, эстетические начала. Каждому празднику и обряду присущи определенные ритуальные действия, в них используются специфические виды и жанры искусства, за ними закреплены конкретные произведения народного творчества [2].

Тесно связанные с трудовыми сельскохозяйственными циклами и синкретически переплетённые с бытовым православием, они органично вливались в фонд национальной культуры. Народный календарь не только отразил знания о природных условиях, погоде, сельскохозяйственный опыт, будни, праздники, памятные даты, обряды и осмысление человеческой жизни, но и был энциклопедией быта, жизненного уклада славян, инструментом его миропорядка [3].

Народный календарь, каким он был в XVIII – начале XX вв., представляет собой слияние языческого и христианского начал, основой которого было единство тем народной и церковной культуры.

Церковь (христианство) всегда боролась с язычеством, прежде всего, с его обрядами, праздниками и играми (такими, как Святки, Масленица, Семик, Купала и др.), однако язычество было необходимо земледельцу, оно соответствовало его практическим и духовным потребностям как рациональное, деятельное начало. Поэтому древние языческие обряды, растворившись в церковных, образовали нечто новое – бытовое крестьянское православие, со своими святыми, праздниками, трудовым ритмом и собственной эстетикой.

Все великие праздники (Рождество, Пасха, Троица и другие) сопровождались особым ритуалом, длились, как правило, несколько дней и назывались Господскими, так как были связаны с событиями Иисуса Христа [4].

Годовой цикл праздников начинался Святками. Святки – значит святые дни. С 22 декабря (самый короткий день в году) начинается постепенное «воскресение» солнца. Праздник в честь нарастания силы солнца славяне называли колядой и праздновали в конце декабря – начале января (время зимнего солнцеворота). Новый год во все времена и для

всех народов знаменовал обновление мира (в связи с возрождением солнца). В предугадывании будущего (погоды, урожая, судьбы и т. п.) проходила Коляда, или Святки. Центральными магическими действиями, производимыми в этот период, были колядование и гадание. Святки проходили с 25 декабря (Рождество Христово) по 6 января (Крещение) (по старому стилю). В Святки включены различные обряды, связанные с наступающим Новым годом и носящие языческий характер. Однако к XIX веку их первоначальная магическая основа, направленная на обеспечение обильного урожая в наступающем году, уже была полузабыта, и на первый план выдвигались эстетические, развлекательные функции и социальная проблематика.

Рождество Христово, открывавшее годовой цикл праздников, являлось радостным обновлением жизни и началом всех начал. Не случайно именно на святочный период приходился основной пласт обрядов, связанных с инициальной магией (лат. *initialis* – начальный). На Рождество ранним утром взрослые и дети ходили «славить». Один из группы нёс в руках изображение звезды, символизировавшей Вифлеемскую звезду, возвестившую о рождении младенца Иисуса. Войдя в избу, дети или взрослые, произносили формулы–заклинания, пели рождественские молитвы, а затем осыпали пол и всех присутствующих зерном. Такое хождение из дома в дом с посеванием овсом, ячменем, пшеницей в народном сознании отождествлялось с приходом волхвов, которых привела в Вифлеем звезда, взошедшая в момент рождения Иисуса. Славельщиков угощали булочками, яйцами, сырчиками (замороженным творогом со сметаной и ванилином), пряниками, приготовленными заранее.

Святки – весёлая пора для молодёжи, которая собиралась на вечерки, откупив избу у одинокой вдовы. По вечеркам и по домам ходили ряженые, или «маскированные», «наряженки». Рядились «кто как мог», но при этом обязательно закрывали лицо кисеей, масками, мазались сажой, чтобы не узнали. Маски назывались «харями», или более ласково – «харюшками». Маска считалась колдовским предметом, и те, кто надевал такую маску, должны были потом очиститься – окропить себя святой водой или умыться у освященной священником проруби [5].

Если ряженье животными и нечистью уходит корнями в первобытную древность, то ряженье цыганкой, старушкой-веселушкой или

страшной бабой-ягой (вероятно, сказочной) стало появляться в конце XIX – начале XX века. Новые версии ряженых стали возникать вследствие общения восточных славян с другими народами, проживающими на территории Кемеровской области. Для одевания цыганкой девушки заимствовали костюмы или изготавливали элементы цыганского костюма. Они также вплетали в косы монетки, надевали браслеты. Ряженые приходили с гармониками, балалайками, ухватами, метлами и другими предметами домашнего быта.

Святки представляли собой странную смесь совершенно разнородных стихий: суеверные языческие обычаи и некоторые христианские воспоминания о Рождестве Спасителя мира. К первым относятся гаданье, ряженье и разные игры, отличающиеся сценической изобразительностью, ко вторым – славенье или хождение детей по домам со звездой.

В древности в обрядах, песнях и гаданиях, объединённых понятием «колядование», присутствовали мотивы сельскохозяйственного характера, но со временем они стали вытесняться евангелистическими мотивами. Однако коляды по-прежнему несли в себе и языческие элементы.

Молодёжь группами ходила по избам с пением колядок. Подойдя к окнам очередного дома, сообщала хозяевам о своём приходе: «Пришла Коляда накануне Рождества». После этого величали хозяев, начиная от главы семейства и кончая детьми. После величания требовали подарок. И хотя это требование было, конечно, шутивным, хозяева, в свою очередь, были к этому готовы и обязательно одаривали.

Непременным атрибутом колядок было рождественское печенье, которое хозяева выносили колядующим. Это печенье называлось «козульки» и выпекалось в виде различных фигурок животных, а позднее – в виде ангела со звездой или рождественской звёздой [6]. В конце XIX – нач. XX века материальное положение стало позволять хозяйкам разнообразить приготовление угощения, а некоторые стали одаривать деньгами.

В состав святочных обрядов обязательно входило гадание о будущих событиях в жизни гадающего. В язычестве гадание составляло одну из главных стихий богослужения, а при переходе от язычества к христианству оно стало преследоваться как суеверие под именем ворожбы [7].

Наиболее благоприятным временем для гаданий считалась ночь, особенно полночь [8]. Способы гаданий были очень разнообразны. По одним привычные предметы домашнего обихода приобретали символическое значение и предсказывали судьбу. Например, зерно, хлеб связывались с понятием «муж будет богатым», вода – пьяницей, корявое полено – рябой или старый муж и т. п.

Очень часто молодежь использовала для гадания домашних птиц и животных. На середину комнаты выпускали курицу с петухом и замечали, если петух гордо расхаживает и щиплет курицу, то муж будет сердитый; если курица храбрится перед петухом, то значит, что жена возьмет верх над мужем. Или выводили лошадей из конюшни через оглоблю или жердь. Если лошадь зацепит за оглоблю или жердь ногами, то муж будет сердитый, а житьё несчастное; если же перейдёт, не зацепив, то муж будет смиренный и житьё счастливое [9].

Не было ни одной девушки, которая бы не гадала о своём суженом, о своей судьбе. Впрочем, гаданиями занимались и юноши, а в старину устраивались совместные гадания под пение «подблюдных» песен. Из блюда, стоящего на столе, вынимали по очереди кольца всех участников, а текст исполняемого в это время куплета песни сулил будущее: «Кому вынется – тому сбудется» Кому выпадали дорога и замужество в другую деревню, кому – богатый или бедный жених (невеста), а кому-то печаль и слёзы.

Наиболее «надежными» были гадания в Сочельник перед Рождеством, под Новый год и под Крещение, хотя нередко гадали все Святки.

Сегодня гадание как элемент обряда сохранился, однако изменились не только способы гадания (загадывается желание на бумаге и хранится в течение года, или в чашу с крупой ставят свечи, количество которых зависит от последней цифры года. Зажигают свечи, и до тех пор, пока они горят, группа людей загадывает желание, т. е. все присутствующие на празднике), но этот ритуал больше несет развлекательную функцию.

К святочным гаданиям также принадлежат сновидения. Они почитались раньше предсказания. Загадывания перед сном считались менее опасными и были очень распространёнными. К ним делали следующие приготовления. Клали под подушку гребёнку с такими словами: «Суже-

ный, ряженный! Причеши мне голову». Или: «Суженый, ряженный, приходи ко мне во сне...», при этом загадывали, что ему сделать: попросить воды, надеть чулок, попросить ключи и т. п. Гадания на сон совершались девушками по указанию старух, опытных в этом деле. Вот очень широко распространённое гадание: делали под кроватью «колодец» из лучинок, замыкали его замком – жених во сне придет за ключами. При этом также рекомендовалось перед сном не молиться, не креститься, поскольку и такое гадание считалось греховным [10].

Как правило, результат гаданий становился явным только тогда, когда приезжали сваты. Противиться предсказаниям судьбы, по обычаям, было нельзя [11]. Этот вид обрядового действия сохранен до настоящего времени и очень часто проводится девушками или разведенными женщинами.

Следующий крупный календарный праздник Масленица приурочен к значительному изменению в природе – дню весеннего равноденствия. Символика обрядов этого праздника связана с древнеславянскими традициями проводов зимы и встречи весны. «Широкая», «разгульная» Масленица – один из самых любимых и ярких праздников на последней неделе перед Великим постом (запрещающим увеселительные мероприятия). А церковь в эту неделю вспоминает об изгнании Адама из рая, т. е. Масленица – явно языческий праздник. Начинается он после вселенской субботы, в которую поминали усопших родственников. Масленица потому так названа, что в течение этой недели позволялось вкушать коровье масло, ибо во время поста, вместо коровьего, в еду употребляли конопляное [12].

Масленица состояла из трёх частей: встречи (в понедельник), разгула, или перелома (в так называемый «широкий четверг») и прощанья. Главную роль в Масленице играли блины, которые пекутся всю неделю. На блины звали гостей, ими везде угощали.

Сегодня в силу разных причин в среде восточнославянского населения Кемеровской области весь комплекс обрядовых действий Масленицы упразднен. На основе различий, свойственных этнокультурным разновидностям, возникают противоречивые временные рамки (со среды по воскресенье, пятница – воскресенье, воскресенье) проведения этого

праздника. Если характеризовать проведение праздника сегодня, то все народные гуляния, игры, сжигания чучела проходит в один день – воскресенье.

Следующий, наиболее отмечаемый праздник славянами – Пасха. В пасхальном ритуале особое место занимала обрядовая пища, состоявшая из кулича, крашеных яиц, масла, творога, испеченного поросенка, гуся, которых святили в церкви. Любимой игрой на Пасху было катание яиц. Игра устраивалась на лужайке, где по диаметру два-три метра убирали траву и ставили лоток на высоту 10–30 сантиметров. Крашеные яйца участники игры раскладывали по кругу и скатывали их по лотку, забирая себе те яйца, которые были задеты скатившимся яйцом. Смысл этой игры заключался в том, чтобы собрать как можно больше яиц [13].

Популярным развлечением молодежи на Пасху было катание на качелях. Качели устанавливали на второй день пасхальных праздников. Как правило, их ставили на площади «всем обществом». Существовало несколько видов качелей: два столба с перекладиной, на которой крепилась веревка; столб с колесом наверху, к которому привязывались веревки с петлями на концах; доска на бревне, на которой прыгали. В некоторых местностях ставили высокие жерди, связывая их «козлом», подвешивали на крепких веревках большую доску и садились человек по шесть-семь. Парни находились по краям и лихо, с ветерком раскачивали молодых девушек. С Пасхи начинали водить хороводы с песнями, играми, обязательными поцелуями в кругу [14].

Однако в условиях Сибири проведение игр, катание на качелях, вождение хороводов стали упраздняться и заменяться на молодежные игры, которые можно было проводить в условиях «откупного» дома.

Таким образом, многие праздники сегодня перестали отмечаться всенародно. Они перешли в разряд семейных, так как празднуются в кругу семьи. Сохранившиеся праздники в традиции восточных славян отмечаются некоторыми изменениями, нововведениями, которые не несут смысловой нагрузки, а проводятся в качестве увеселения. С другой стороны, следует заметить, что все эти праздники сопровождаются еще одним важным элементом духовной культуры славян – музыкальным фольклором.

При рассмотрении данного вопроса, нами учитывался и главный факт – межэтнические культурные взаимоотношения. Вышесказанное позволяет нам охарактеризовать фольклор как феномен сибирской культуры, который имеет восточнославянское происхождение и рассматривается как «разноцветная мозаика».

В новых природных условиях, в инонациональном окружении люди стремились сохранить как можно больше своих национальных особенностей. Однако смена географических условий, а также инокультурное окружение привели к изменению психологических черт этнокультурных групп, в результате чего видоизменились механизмы, поддерживающие целостность диаспоры (мировоззренческие основания традиций, обычаев, хозяйственно-экономических и духовных связей) [15].

Обладая этническим самосознанием, сохраняя свои традиции, восточные славяне принесли с собой не только названия мест, откуда шло переселение, но и сохранили бытовой язык, традиционные обычаи, поэтический и музыкальный фольклор.

В разных географических точках Кемеровской области записаны украинские и белорусские песни. Так, в Анжеро-Судженске: «Посіяла огурочки», «Ой ты хмелю, хмелю»; в Мысках: «В огороде верба рясна», «Посіяла огорочки»; Тисульском районе «Как за той за рекой, хуторочек стоял»; в Чебулинском районе «В огороде верба рясна»; в Топкинском районе «Чую лузи при лужочку», «Зэлэный дубочік»; в Промышленовском районе: «Зелёная вишня с під корыня вышла», «С под вэчір» и др. «В селах со смешанным населением нет устойчивых традиций. Здесь наряду с русскими песнями бытуют украинские и белорусские, а русские песни содержат элементы украинизмов и белоруссизмов». Часто русский текст поется с украинской орфоэпией (мягкое «г» в произношении, смягченные окончания: «говорять», «идуть» и т. д. Кроме того, употребляются характерные словосочетания и фразеологические обороты, привносящие в песни особый колорит: «что за дивчина», «рута мята» и т. п. [16].

С течением времени многие жанры утратили свое первоначальное предназначение (календарные, хороводные, вечерошные, свадебные), другие приобрели популярность (лирические песни).

По жанровому составу лирические песни принадлежат к разным историко-возрастным и стилевым пластам. К ранней лирике относятся протяжные, к более поздней – городские, тюремные, народные романсы [17].

Специфика лирических песен заключается в органической связи поэтики и мелодики. В них чаще всего встречается силлабо-тонический стих с двухстрочной строфой, например: *Сохнет, блёкнет в поле т(ы)рав(ы)ка, я-ли-я,/ Ой, да(й) она со(ё)хнет без дождя...* Или с трехстрочной строфой, как, например, в песне «Травынька-муравынька»: *Эх, травынька-муравынька,/ Мурава зялененька...* (Прокопьевский р-н). Часто музыкально-стиховая строфа имеет разную величину. Обычно первая строфа бывает меньше последующих.

Ритмика традиционных лирических песен Кемеровской области спокойная и размеренная, с преобладанием ровных длительностей, что придает особый колорит и подчеркивает принадлежность к сибирским песням.

Особую объемность, воздушность напевам лирических песен придает использование широких интервальных ходов (кварта, квинта, секста). Обычно мелодия начинается с целой серии решительных скачков, после чего движение переходит к построениям с преобладанием плавного постепенного [18], восходящего и нисходящего движений с довольно продолжительными распевами.

В музыкально-стилевом отношении лирические песни Кемеровской области между собой имеют много общего. Во-первых, это характерная форма распева. Песни имеют чаще всего двухголосную основу, где ведущим голосом является нижний. Ему же принадлежит запев, а голоса остальных участников ансамбля примыкают к нему.

Не менее распространенным жанром русскоязычного населения Кузбасса является «жестокий» романс. Несмотря на сравнительно молодой возраст этого жанра, прослеживается его жизнестойкость и живучесть. Такие песни особо любимы в народе благодаря «жизненной» сюжетной линии. Тематика довольно разнообразна: подлая измена, брошенная возлюбленная «с малюткой на руках», тема кровосмешения или инцеста» («Сидел рыбак весёлый» Кемеровская обл. п. Кузедеево) и др.

Главным «индикатором» при определении городского происхождения песни является стиховая основа, в которой обнаруживается силлабо-тонический стопный стиховой «остов». Для городской песни характерна регулярная акцентная метрика с совпадением сильных долей такта. Словесная основа городской песни обычно рифмованная:

1. хореический стих:

Рас'-про-кля'-тая-я' о-си'-на,
Ве'-тра нет', а ты' шу-мишь'...

2. ямбический стих:

Жи-ла' бы-ла' в се-ле' А-ню'-та,
О-на' кра-са'-ви-цей' бы-ла'...

3. дактилистический (трехстопный) стих:

Пол'-ночь, уж пол'-ночь про-би'-ло дав-но'.

4. в ритме амфибрахия:

Вот уж ве'-чер, а я' у по-ро'-га
Слов-но то'-поль сто-ю' край се-ла'.

Мелодически городские песни состоят из нескольких (чаще четырех) взаимосвязанных логических фраз. Один из характерных принципов городской песни – регулярная акцентная метрика с совпадением сильных долей такта. Широко используются трехдольные метры. Нередко в городских песнях ощущается вальсовость с применением пульсации на 6/8 [19].

Несмотря на общеизвестную основу, современный фольклор Кемеровской области живет новой жизнью, где прослеживаются детали, характерные только для данной местности. Некоторые нововведения привели к изменению структуры куплета, смене сюжета и жанра песни, сглаживанию специфических исполнительских приемов и др. Если рассматривать инновацию как некий процесс организации, формирования и развития нового, то необходимо осознать значимость нововведений, а также выделить факторы, повлиявшие на некоторые новшества.

Примечания

1. Музыкальная культура Сибири. – Новосибирск, 1997. – Т. 2. – С. 49.
2. Календарные обычаи и обряды народов Юго-Восточной Азии. Годовой цикл. – М., 1993. – С. 160.
3. Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни и заговоры. – Новосибирск, 1997. – С. 11, 12.

4. Капица, Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы. – М., 2001. – С. 137.
5. Календарные обычаи... – С. 132.
6. Русский календарно-обрядовый... – С. 10.
7. Харламов, М. Суеверия, поверья, приметы, собранные в г. Ейске. – Тифлис, 1901. – Вып. 29. – С. 8–9.
8. Снегирев, И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. – М., 1990. – Ч. 1. – С. 25.
9. Жили да были: Фольклор и обряды томских сибиряков. – Томск, 1997. – С. 27.
10. Там же. – С. 31.
11. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М., 1992. – С. 95–96.
12. Там же. – С. 133.
13. Снегирев, И.М. Указ. соч. – С. 134.
14. Русский народ... – С. 23.
15. Русина, Н. В. Специфика формирования культуры украинской диаспоры на территории Юга Красноярского края (на примере поселений XVIII–XX веков // Устойчивое развитие и культура регионов. – Кемерово, 2007. – С. 125.
16. Фибих, Л.В. Песенные традиции юга Западной Сибири / Теория и практика народно-певческого искусства. – Кемерово, 1992. – С. 73.
17. Щербакова, О.С. Фольклорно-этнографические и песенные традиции русских Алтая. – Барнаул, 2005. – Ч. 1. – С. 150.
18. Щуров, В.М. Стилиевые основы народной музыки. – М., 1998. – С. 228.
19. Там же. – С. 276–279.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ЭТНОХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Н.Т. Ултургашева, И.Г. Ултургашева

Экологическая культура коренных тюрко-язычных народов Сибири (алтайцев, телеутов, тувинцев, хакасов, шорцев) проявлялась в почитании родной земли: гор, лесов, степей, рек. Они, например, считали за грех рубить в лесу деревья, чтобы развести огонь, – для этой цели

предпочитали собирать сушняк. Охотники не убивали дичи больше, чем было нужно для пропитания или уплаты ясака. Общество, благосостояние которого всецело зависит от Природы, всегда внимательно относится к ее сохранению. Но экологическая культура – это не только разумное природопользование. Это еще и сильное ощущение обществом своей соприродности. Ведь Природа еще не мыслилась чем-то внешним по отношению к человеку, грядущий разлад только-только намечался.

В традиционных обществах коренных народов Сибири осознавалась необходимость иного отношения к окружающему миру – сочувствия любому его проявлению, жизни в унисон с Природой. Эвристическая ценность подобной модели мира вряд ли может оспариваться. С точки зрения носителей традиции, в мире не может быть неразрешимых проблем, этот мир заведомо объясним [1].

Издавна почитались у тюрков Сибири источники-аржаны, часто с незамерзающей, минерализованной водой, обладающей целебными свойствами. Расположенные в укромных местах, источники нередко привлекали людей своим «обликом». Это могла быть гладко отполированная водой «чаша» весьма внушительных размеров. В Монгольском Алтае ламы еще в XIX веке устанавливали настоящие лечебницы на горячих источниках.

Интереснейшие сведения о почитании аржанов собраны В.П. Дьяконовой в небольшом селе Язула Улаганского района Республики Алтай, куда добираться можно либо вертолетом, либо по верховой тропе. Отправляясь к аржану, люди заранее готовили пищу: лепешки из пресного теста, обжаренный и растертый ячмень, сливки, чай. В целом поездка на аржан и правила поведения людей – это пребывание в гостях, на чужой территории. Женщины оставляли дома серьги и кольца. Чай и мясо на источниках варили без соли. Люди как бы стремились убрать максимум тех знаков, что обозначали их принадлежность к среднему миру. На месте располагались чуть в стороне от источника, все вещи ставили не на землю, а на чистые подстилки. Пили чай и молоко. Глава семьи из деревянной ложки кропил на огонь и брызгал в сторону аржана. Наконец, после молитвы люди умывались водой из источника, а уходя, бросали в воду серебряные монетки и кланялись. Здесь же к деревьям, что растут вокруг источника, привязывали ленточки ткани *ялама* белого, красного, синего цветов [2].

Как подчеркивает тувинский исследователь А.К. Кужугет, в традиционной культуре тувинцев освящению объектов окружающей природы уделялось большое внимание. Безбедная жизнь в будущем, по представлениям тувинцев, обеспечивалась обращением к духам, жертвоприношением. Освящались, т. е. делались святыми родовые горы – *даг дагыыры*, небо – *дээр дагыыры*. Освящали явления водной стихии: исток реки – *суг бажы*, озера – *хол бажы*. Особенно боготворили и ежегодно освящали домашний очаг – *от дагыыры*. Все коллективные моления были тесно связаны с традиционной деятельностью тувинцев. Жизнь кочевника-скотовода так же, как и земледельца, зависела от природных условий. Ритм жизни человека и всего общества сочетался с ритмом природы. Человек и природа были одним целым, человек ощущал себя частью природы. Древние тюрки, совершая обряды освящения мест, как бы приближали объекты природы к себе, своему жилищу, отделяя от чужого пространства [3].

Несмотря на различие освящаемых объектов, порядок проведения обрядов был общим для всех древних культов. Выделяются следующие основные части:

1. Шествие мужской половины рода (женщины не допускались) от аала-селения к обрядовой площадке. Подготовка обрядового пространства к совершению таинства. Ожидание начала действия.

2. Прямое обращение старейшины от имени всех членов рода к духам с просьбой о благополучии. Ритуальные действия – троекратный обход вокруг жертвенника и поклоны в четыре стороны света.

3. Возвращение в долину, где начинались спортивные состязания и пиршество.

Все обряды освящения проводились на горе, возвышенности [4].

На Алтае нет просто гор – каждая имеет имя, свой характер, за многими тянутся шлейфы легенд и поверий. Вершина одной часто закрывается облаками, другая неприветлива к пришельцам и встречает их крутыми склонами и камнепадами, силуэт третьей напоминает голову богатыря в шлеме, с вершины четвертой в ветреную погоду слышится завывание. Ни одна из этих примет не остается без внимания, и если гора явно выделяется среди окружающих вершин, она может попасть в разряд *ыйык-ту* («священных»).

Чем же была священная гора для членов рода? Очевиден факт, что в сознании людей постоянно взаимодействуют два начала: рациональное и мифологическое. Они нераздельны, и потому не стоит преувеличивать рационализм нашего обыденного сознания – и здесь за фасадом деловитости, прагматизма все та же игра сознания, не приемлющего оков однозначной и потому истинной скучной истины. Рациональное начало убеждает, что гора суть лишь нагромождение земли, скал и камней. Но отчего вершина тянется к небесам, – вопрошает начало мифологическое, – не потому ли, что это дорога в небо?

Еще более явна роль горы в шаманизме хакасов. Хакасский этнограф В.Я. Бутанаев опубликовал текст шаманского камлания по поводу бесплодия женщины. Шаман совершает путешествие за душой будущего новорожденного. Как следует из текста, он отправляется к горе Ымай-тасхыл. Название горы есть имя женского божества Ымай (Умай). Покровительница деторождения, богиня-мать Умай, вероятно, почиталась как представитель самых могущественных сил Природы. Ее имя означает «материнское лоно». Итак, шаман прибывает к горе богини-матери. Там, в глубине горы, висят колыбели с душами будущих детей. Из пещеры шаман перемещает душу в жилище и внедряет ее в организм будущей матери (та выпивает чашку молока, в котором плавает душа).

С горой – реальной или мифической – людей связывали незримые, но крепкие узы. Много раз людям приходилось сниматься с обжитых мест, оставлять погасшие очаги и могилы предков. Одних уводили силой, другие, спасаясь от нашествий, сами уходили в леса. Покидая родные кочевья, люди оставляли и свои священные горы. Порой их новое пристанище оказывалось в сотнях километров от древней Родины. Но оставалась память о земле предков и той горе, что оберегала, помогала, дарила жизнь [5].

Иногда высказывается мнение, что поскольку в термине «экология» содержится составная часть «логос» – «знание», «учение», а в современном понимании – «наука», которой в традиционных культурах не было, то правильнее говорить об «отношении к природной среде в традиционных культурах», но нельзя говорить об «экологической культуре» или «экологической традиции» в полном смысле этих терминов. В этом утверждении правильным является, видимо, лишь то, что в традиционных культурах не было экологии как науки в современном смысле.

ле. Тем не менее, в каждой культуре прошлого, безусловно, существовал определенный пласт (или область человеческой деятельности), который так или иначе был связан с регуляцией процессов взаимодействия человека с природой, с «культуризацией» отношений «человек – природа».

Совершенно очевидно, что в таком своеобразном культурно-историческом регионе, как Сибирь, в прошлом существовал свой особый, специфический тип отношения человека к природной среде, т. е. своеобразная экологическая культура. Ее характерные черты были детерминированы особенностями исторического развития этого региона, его природно-географических условий, традиционных для его обитателей методов ведения хозяйства и т. д. Сложившись на основе этнических, конфессиональных и социокультурных традиций тех народов, которые на различных этапах исторического развития внесли свой вклад в формирование общности, этот тип отношения человека к природе, конечно, не представлял собой чего-то раз и навсегда заданного и универсального для всех ареалов огромного региона [6].

Таким образом, всестороннее изучение духовной культуры и экологических традиций обусловлено необходимостью выявления всего рационального и полезного в культурно-историческом наследии каждого народа для преодоления потребительских стереотипов в отношениях человека с природой, вызывающих острейшие экологические кризисы в современном мире. В связи с этим исключительно важное значение приобретает анализ исторического опыта народов Сибири, выработавших своеобразные методы регуляции взаимоотношений человека и природы, общества и природы, человека и общества.

С точки зрения экологии, каждая этническая культура экологична, ибо она сформировалась во взаимодействии человека с определенной природно-ландшафтной средой путем адаптации к ней. Адаптация предполагает соизмерение воздействий на природу с ее возможностями, превышение которых и есть переход грани экологичности. Поэтому экологическая культура народа есть олицетворение его традиционной культуры [7].

Примечания

1. Сагалаев, А.М. Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск, – 1992. – С. 68.
2. Сагалаев, А.М. Там же. – С. 85.

3. Кужугет, А.К. Тувинский летний праздник оваа дагыыры // Ученые записки Тувинский институт гуманитарных исследований. – Вып. XIX. – Кызыл, 2002. – С. 67–69.
4. Кужугет, А.К. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. – Кемерово, 2006. – С. 90.
5. Сагалаев, А.М. Указ. соч. – С. 70, 76.
6. Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии. – Новосибирск, 1992. – С. 9–10.
7. Там же. – С. 3.

ИННОВАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ЭКОМУЗЕЯ «ТЮЛЬБЕРСКИЙ ГОРОДОК»

В.П. Курбатов, Я.Н. Красноперова

Понятие «музей» утверждается в русском языке вместе с утверждением музея как культурной формы в XIX в. В связи с дифференциацией науки в том же столетии начинают выделяться музеи разных профилей – художественные, археологические, этнографические, сельскохозяйственные, музеи наглядных пособий и т. д. Однако, как правило, еще в начале XX в. в названиях музеев отсутствовало точное унифицированное наименование, что отражало как уровень развития знаний о музеях, так и отсутствие организационно-управленческой потребности в их классификации. В 1920-е гг., в период формирования государственной музейной сети, сложилась сложная систематизация, учитывавшая профили, а также статус и ведомственные подчиненности. С течением времени музейная система в России претерпела множественные изменения, и сегодня утвердилась одна из важнейших тенденций современности – *сохранение исторического окружения – архитектурных памятников, ансамблей, фрагментов культурно-исторической среды*. В сочетании с идеями регионального развития и поисками путей к обновлению и демократизации традиционного музея данная тенденция привела к появлению нового типа музейного учреждения, получившего название «экомузей».

Возникновение экомузеев во 2-й половине XX в. было связано с процессами демократизации в музейном деле и прозвучавшими требованиями ориентации музеев на актуальные нужды рядовых членов общества. Первые проекты «общинных музеев» созданы французскими музеологами и музейными деятелями Ж.-А. Ривьером и Ю. Де Варином. Термин «экомузей» (от греческого «eikos» – «дом», «жилище», «местообитание») сформулировал Ю. Де Варин в 1971 г., когда началась работа по созданию первого музея нового типа – Музея Человека и Промышленности в Ле-Крезо (Франция). Огромная территория (свыше 500 тыс. кв. км с населением ок. 150 тыс. чел.) старого региона горнодобывающей промышленности послужила основой его создания. На ней был создан рассредоточенный музей с центром в фабрично-заводском городе Ле-Крезо. Среди музейных объектов – замок промышленников Шнейдеров, угольная шахта, средневековый монастырь, школа, канал, городская застройка и т. п. Музеологические курсы для местного населения, многочисленные просветительские программы, привлечение жителей к сбору, хранению, интерпретации объектов обеспечили теснейшую связь музея с местным сообществом и решение важных насущных проблем занятости населения, самоидентификации в условиях разрушения горнодобывающего производства, повышения культурного уровня. В 1978 г. музей Ле-Крезо получил премию конкурса «Лучший западно-европейский музей». Методы и формы работы, примененные при его создании, послужили моделью для построения последующих музейных учреждений этого типа.

Вслед за Францией экомузеи распространяются в канадской провинции Квебек, Бразилии, Португалии, Африке. Среди наиболее известных зарубежных экомузеев – Музей Сан-Кристовоа в Рио-де-Жанейро, Сейшальский музей в Португалии, Музей в От-Эльзасе (Франция), музей От-Бос в Канаде.

В 1979 г. Пьер Мейран, директор канадского экомузея и председатель регионального центра интерпретации «От-Бос», изложил три главных положения своей концепции экомузея: *«консервация, сотрудничество и демонстрация материальных свидетельств, позволяющие сохранять, реконструировать и транслировать потомкам разнообразие этнокультурного и природного наследия местного населения в естественной жизненной среде»* [1].

В музейной типологии экомuzeи утвердились к середине 1980-х гг. Важнейшую роль в становлении теории экомuzeя сыграл проведенный в Квебеке в 1984 г. международный семинар «Экомuzeи и новая музеология», на котором была принята «Квебекская декларация». Декларация констатировала возникновение нового типа музейного учреждения, характеризующегося ярко выраженной социальной миссией, и зафиксировала важнейшие положения этого нового направления в мировом музейном деле.

Экомuzeи отличаются более широкой просветительной деятельностью, которая направлена не только на распространение знаний о памятниках истории и культуры, но и на совершенствование отношений между человеком и его окружением. Тип средовых музеев нацелен в первую очередь на решение насущных социальных, экономических, культурных проблем местного сообщества на основе его активного включения в работу по сохранению и использованию всех видов своего наследия.

Экомuzeи характеризуются:

- интенсивным взаимодействием с местным населением, связью с его хозяйственной и культурной деятельностью, активным участием местного населения на всех этапах создания и функционирования музея;
- наличием четко зафиксированной социальной миссии, направленной на творческое развитие местного сообщества, его культурной самоидентификации и на решение его насущных социальных проблем;
- широким пониманием историко-культурного наследия, в качестве которого выступает вся территория проживания данного социума, а сосредоточенные на ней как материальные объекты, так и формы социальной и культурной деятельности являются потенциальными музейными объектами;
- отсутствием задач музеефикации в ее традиционном понимании, необязательностью собирания коллекций путем изъятия предметов из среды бытования, преобладанием «мягкой», «частичной музеефикации».

Теоретическое осмысление принципов построения экомuzeев выразилось в так называемой «новой музеологии». Один из основных творцов и идеологов экомuzeя Ж.-А. Ривьер назвал такие музеи «места, времени и действия». Другое его образное определение гласит, что экомuzeей – это зеркало, глядя в которое сообщество узнает о себе, и окно, глядя в которое, о нем узнают другие [2].

Важной особенностью экомuzeя является то, что он создается, поддерживается и используется совместно жителями определенного района и местными органами власти. Местные жители передают музею представляющие интерес и ценность предметы, сообщают сотрудникам информацию о них, участвуют в их реставрации и создании экспозиции, помогают вести исследовательскую и популяризаторскую работу.

Примером такого музея может служить экомuzeй «Тюльберский городок», который открылся 24 июня 2002 г. близ села Старочервоно Кемеровского района, Кемеровской области. Основу музея составил подлинный памятник истории и культуры – средневековое городище тюльберов. Во втором тысячелетии н.э. тюльберы, считающиеся аборигенами Западной Сибири, населяли обширный край в районе среднего Притомья. Сегодня представителей этой народности в Сибири практически нет. Весной 1997 года археологическая экспедиция Кемеровского университета обнаружила напротив устья реки Уньги (приток Томи) следы хорошо сохранившегося тюльберского городища: земляной вал, остатки сгоревших построек, культовый жертвенник.

В 1998 г. на живописнейшем правом берегу Томи в пригороде г. Кемерово, на территории бывшей турбазы АО «Кузбассэнерго», переданной КемГУ, был создан учебно-научный центр этноэкологических исследований Притомья и начались археолого-биологические изыскания для разработки проекта этноэкологического музея-заповедника (экомuzeя) «Тюльберский городок».

Историческая справка

«В 1617 году отряд томских казаков под командованием боярского сына Астафия Харламова пошел Томью-рекой в ее верховья ставить на стрелке Томи и Кондомы Кузнецкий острог. Вышли поздно, попали под ледостав и зазимовали на полдороге, в селении тюльберов. Те жили наособицу от других татар – они были оседлыми. Да и куда кочевать-то! Места тут волшебные: луга и сосновые да березовые перелески. Казакам, небось, тоже понравилось». А еще им понравились, по версии В. Кимеева, сами тюльберки – «красивые и бойкие нравом. И среди них, между прочим, голубоглазые блондинки».

По предположениям этнографа, эти люди пришли сюда с Енисея. Другая версия прослеживает происхождение тюльберов от народа тулу-

ман, тоже тюркского, жившего на реке Бердь, в районе современного Академгородка (Новосибирск).

«Потом, с приходом христианства и русских колонистов, тюльберы мало-помалу стали кто шорцами, кто калмаками, кто телеутами, а кто в «титულную нацию» подался. Мало чего в итоге осталось от ассимилировавшихся тюльберов. Разве что родовые фамилии. Чегошевы и Адыдаевы, Ажendarовы и Салтымаковы, Тогины и Шепшины, Шурчаковы и Якушевы живут сейчас по всему Кузбассу, тяготея, впрочем, к Средней Томи — к поселкам и деревням Каралда, Салтымаково, Сарапки, Шевели, Старочервово» [3].

Основой экомuzeя является палеэтнографический памятник — средневековое городище тюркоязычных притомских тюльберов начала II тыс. н.э., с хорошо сохранившимся валом, рвом, остатками сгоревших построек и культовым жертвенником. Основными критериями при его музеефикации были: историческая значимость, хорошая степень сохранности и доступность памятника для посетителей, возможность сохранения музеефицированного памятника на длительный срок, достаточная пригодность объекта к экспонированию с инженерной и эстетической точки зрения, возможность благоустройства территории городища и примыкающих участков. При музеефикации городища предположен «реконструктивный» метод, с внесением элементов реконструкцией на отдельных раскопанных и подвергшихся изучению участках, а именно: участок деревоземляной конструкции оборонительного вала с воротами и мостовой перемышкой через ров, каркасная мастерская древних металлургов с плавильной печью, жилая землянка, культовый жертвенник, а также конный спуск от предвсходового участка по склону примыкающего оврага к реке Томи. Пространственное моделирование изначальной структуры объекта позволит включить в экспозиционную структуру музея, в которой объект будет представлен как часть природно-физического феномена, измененной историко-культурной среды, а также создать уникальную визуально-пространственную модель на базе экспонируемого памятника. Остальная часть городища подвергается «натурной консервации» для сохранения облика, предшествующего раскопкам. На одном из раскопанных участков допустимо сооружение временных защитных сооружений в виде навесов. Такой «открытый» по-

каз позволит представить городище как часть рекреационной системы историко-ландшафтного комплекса экомuzeя, которым будет возможно не только любоваться и познавать, но отчасти стать как бы соучастником легендарных событий той эпохи.

Исходя из сказанного, напрашивается **первый вариант** использования готовой экспозиции;

- проведение уроков по Истории родного края;

- проведение ролевых игр для школьников (в течение некоторого времени ученики готовятся к игре, и в определенный день они совершают «прыжок во времени», располагаясь в музейном пространстве и действуя в предлагаемых обстоятельствах);

- в открытых экспозициях могут показывать свои работы как школьники, так и профессионалы, в частности Молодежный театр г. Кемерово. В Греции, Италии, Франции подобные спектакли на месте реальных событий проходят довольно часто. В 1970-е годы под Оренбургом в степной впадине находилась природная площадка, обладающая акустическими данными, как театральный зал. В летний период там еженедельно устраивались концерты симфонической музыки, проходили театральные спектакли и массовые праздники. Но с течением времени эта работа почему-то прекратилась.

Программа создания экомuzeев, носящих национальный характер, разработана и реализуется в Кузбассе с начала 1990-х годов творческим коллективом архитекторов, археологов, этнографов и художников-реставраторов. Уже действует экомuzeй «Газгол» в Горной Шории с археолого-этнографическими и экологическими экспозициями, находятся в стадии реализации проекты телеутского экомuzeя «Чолкой» и татарского «Калмаки» с архитектурно-этнографическими экспозициями.

Благодаря стараниям директора экомuzeя, кандидата исторических наук, этнографа Валерия Кимеева, воссозданы в первоначальном виде: проездная Борисо-Глебская башня Верхотомского острога, Александровская башня – точная копия Сосновского казачьего острога. Здесь, в нижнем ярусе, оборудована выставка по истории Сибирского казачества, на втором ярусе установлены пищали и сигнальная пушка. На смотровой галерее (гульбище) укреплен старинная подзорная труба.

Все эти объекты создают неповторимую атмосферу приобщения к великой истории нашего сибирского края, напоминают посетителям и зрителям о своих предках, заставляют думать о сохранении духовных ценностей прошлых поколений сибиряков.

Второй вариант. Используя восстановленные башни можно устраивать светозвуковые спектакли. Подобный опыт существует, но сегодня он незаслуженно забыт. В 1970 году в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина на здании Казанского университета был показан первый спектакль с использованием света и звука. Также можно устраивать театрализованные экскурсии, проводимые не экскурсоводом, а группой актеров, которая восстанавливает события истории, как бы заставляя присутствующих увидеть все своими глазами.

По проекту Генплана, в состав экомузeya-заповедника, кроме средневекового ритуального городища и заповедной территории, войдут реконструкции оборонительных башен и построек сибирских острогов. Это позволит воссоздать зрительный образ всего комплекса оборонительных, общественных и жилых сооружений казачьего острога XVII–XVIII вв. как памятников эпохи русской колонизации Притомья и отразит исторические события, связанные с этнокультурными взаимодействиями русских старожилов и тюркоязычных аборигенов.

К юго-западу от городища, на береговой террасе Томи, в настоящее время реконструируются три из девяти раскопанных у д. Порываевка средневековых кургана, воссоздаются надземные и культовые погребальные сооружения народов Западной Сибири.

В выставочном павильоне экомузeya оборудован «Музей истории Притомья», с археологическими находками в витринах и диорамой – интерьерами русской избы и тюльберской юрты.

Восстановлен и собран в одном месте оборонно-жилой комплекс казачьего острога, состоящий из четырех сторожевых башен, казачьей караульной избы и Преображенской церкви.

При раскопках выяснилось, что городище – древний языческий храм, где приносили в жертву людей и животных, здесь производилась выплавка серебра, изготовление металлических орудий труда, ковалось оружие.

Третий вариант. Используя восстановленное городище, можно устраивать в нем праздники народных промыслов, приглашая мастеров, которые будут демонстрировать процесс изготовления посуды: керамической, из бересты, металлического инвентаря и т. п. Кроме этого они могут предлагать всем желающим проявить свои способности и сделать простейшие вещи своими руками. Подобное происходит в Японии, где мастера-стеклодувы предлагают пришедшим изготовить стеклянный колокольчик. Подобные мероприятия будут способствовать молодому поколению в выборе своей профессии.

В будущем планируется музеефицировать:

- Спасскую проходную башню, которая будет оборудована под музейно-экскурсионный центр, с экспозициями по истории сибирского казачества и смотровой площадкой;

- таможенную с трактиром и залом познавательного отдыха для гостей музея и сотрудников;

- усадьбу казачьего атамана Ивана Теплинского (приспосабливается под экспозиционно-гостевую усадьбу музея, в которой внутри жилой избы и горницы оборудуется интерьер с русской печью, полатями, лавками с красным углом, а также сооружаются по аналогам завозня, двухъярусный амбар, баня, действующая кузница, гончарная мастерская, конюшня, пасека, возделывается огород. Внутри всех построек оборудуется характерный для тех времен интерьер с подлинными этнографическими экспонатами и копиями мебели).

Четвертый вариант. На период летних каникул можно формировать группы старшеклассников, интересующихся этнографией и историей, поселять их на территории восстановленной усадьбы. Ребята смогут помогать в раскопках, благоустройстве территории музея и устраивать тематические театрализованные экскурсии по направлениям всего эко-музея.

Непосредственно на территории музея выделены особо охраняемые природные зоны: «заповедный грибной лес» и скальные выходы с береговыми террасами и оврагами, с редкими видами животных и растений, занесенных в Красную книгу Кузбасса.

Музей ведет большую научно-просветительскую, фондовую, научно-методическую работу, принимает активное участие в конференциях различного уровня и в издании научных трудов. В экспозициях музея

работают студенты, школьники, ученые (экспозиции являются учебной базой для подготовки специалистов исторического, биологического факультетов, а также для проведения производственных практик студентов КемГУ).

Систематизация, исследование музейных материалов, их введение в образовательный и научно-просветительский процесс – актуальное направление деятельности музея в условиях повышенного интереса к историко-культурному наследию: в электронной базе данных этнографических коллекций отражены 565 единиц хранения основного фонда музея.

Культурно-образовательная и экскурсионная деятельность основывается на общих принципах. В экомузее-заповеднике сочетается познавательный отдых с участием в легендарных событиях древних эпох. Большую роль в этом играют народные праздники. Календарные и традиционные семейные праздники создают уникальные возможности для реализации многообразных форм художественной активности населения, самовыражения, творчества. Ежегодно проводятся праздники национально-культурных центров старожилов Кузбасса. В музее созданы условия для проведения детских, современных гражданских праздников (например, день строительного мастерства), фольклорных фестивалей, фестивалей охотников, рыболовов, ремесленников, художников.

Традиционные театрализованные музейные праздники: Святки, Сретенье (на территории Верхотомского острога), «Встреча весны», День музеев (18 мая), День эколога (5 июня), день Ивана Купалы (7 июля), День Преображения Господня, День тюльбера, Спиридон-Солнцеворот.

14 сентября 2008 г. в «Тюльберском городке», на территории которого располагается реконструированный памятник – дозорная сторожевая башня Сосновского острога, освященная в честь святого благоверного великого князя Александра Невского, состоялся ежегодный музейный праздник с забавным названием «День башни Александра Невского». Он состоялся при поддержке Администрации Кемеровского района, Кемеровской и Новокузнецкой Епархии и Попечительского совета музея «Тюльберский городок». В 2009 году этот праздник повторился. Его программа включила: православный молебен у реконструированной дозорной башни Александра Невского в честь святого благоверного великого князя, инсценировку исторических событий подвигов великого князя, телеутские обряды избавления от захватчиков, открытие новой

этнографической выставки в Александровской башне и фотовыставки на фасаде Караульной избы, а также фольклорный концерт, дегустацию национальных блюд аборигенов Кузбасса. Было бы неплохо, если бы он стал традиционным, тогда его сценарий можно было бы разрабатывать по принципу сериалов: каждый год в начале праздника показывать сжатый вариант прошедших праздников и подробно останавливаться на одном из эпизодов жизни князя.

24 октября 2009 г. в экомузее «Гюльберский городок» прошел VIII областной фестиваль казачьей культуры.

Началось все с колокольного перезвона Глебовской башни музея, где казаки встретили гостей святой водой. Участники и гости поучаствовали в казачьих обрядах. В рамках фестиваля прошли конкурсы по номинациям: «Патриотическая казачья песня» и «Казачья походная кухня», а также показательные выступления по рукопашному бою и конной выезде.

Приведенные примеры говорят о том, что на территории экомузеев проводится определенная работа, для которой он и создавался. Но сегодняшняя проблема, практически всех существующих экомузеев, музеев, заповедников заключается в том, что праздники, проводимые на их территории, схожи между собой. Кроме этого, исходя из всего вышесказанного, отметим, что для более эффективного использования возможностей, предоставляемых экомузеем, необходимо сделать следующее:

- разработать праздничный календарь, присущий только данному музею.

- В штате музея необходимо иметь творческую группу для экскурсионного обслуживания.

- При наличии старых мастерских проводить на их основе праздники мастеров; день гончара, ткача, кузнеца, шорника и т. п.

- Для отдельных зданий можно разработать сценарии, когда объект рассказывает сам о себе (прием персонификации).

- При входе на территорию экомузеев необходимо вместе с билетами вручать план музея с обозначением действующих объектов и объектов, где ведутся раскопки.

- В период летних каникул при музеях можно организовывать лагерь старшеклассников. Они смогут принимать участие в раскопках, готовить театрализованные экскурсии и миниспектакли на действующих объектах.

- Привлекать для прохождения практики студентов КемГУКИ, которые смогут оказать практическую помощь при подготовке творческих программ.

Недостаточно организовать и сформировать музей, необходимо, чтобы он эффективно работал, выполняя все возложенные на него обязанности.

Примечания

1. Мейран, П. Новая музеология // Museum. – 1985. – № 148. – С. 20–21.
2. Шутен, Ф. Преодолевая барьер между профессионалами и посетителями // Museum 2. – 1999. – С. 28–29.
3. Кимеев, В. М. Экомuseum «Тюльберский городок» (По следам исчезнувшего народа тюльберов) // 55 лет Кемеровской области. – Кемерово, 1988. – С. 22–28.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМА ГОТОВНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О.В. Гусева

В сфере российского художественного образования понятия «инновация», «инновационная теория и практика», «инновационная педагогическая деятельность» распространены столь же широко, как в целом в системе образования. Руководители и преподавательские коллективы образовательных учреждений художественной сферы проявляют готовность к интеграции художественного образования в инновационные процессы. Однако общепринятого, устойчивого и доступного определения инновации в образовании до сих пор не сложилось, поэтому существует проблема преодоления разрыва между системами научного знания об инновациях и самой образовательной практикой. Нередко упрощенное понимание содержания понятия инновации и сопряженных с ней процессов приводит к тому, что в преподавательской среде инновация подменяется близкими, но не тождественными ей понятиями «новация», «нововведение», «новшество», которые могут являться ее элементом или частью.

Широкое распространение и применение понятия «инновация» в настоящее время породило множество его трактовок и толкований. На практике в преподавательских кругах «инновация», как правило, рассматривается исходя из корня этого слова – «новое». В этом понимании, как нечто «новое», она постоянно сопровождала художественное образование, будучи обусловленной как потребностями общества, так и инициативной деятельностью отдельных выдающихся представителей художественно-педагогического сообщества. Современную ситуацию в области инновационной деятельности преподавателя художественной сферы целесообразно начать с определения понятия «инновация».

Приведем одно из наиболее полных, на наш взгляд, определений понятия «инновация», которое содержится в Энциклопедии профессионального образования: инновация – «актуально значимое и системно самоорганизующее новообразование, возникающее на основе разнообразия инициатив и новшеств, которые становятся перспективными для эволюции образования и позитивно влияют на его развитие, а также на развитие широкого мультикультурного пространства образования» [1].

Обратим внимание, что в этом определении содержатся такие ключевые фразы, как: «системное новообразование», «разнообразие инициатив», «перспективность новшеств», «позитивная эволюция образования». Опираясь на эти ключевые моменты, попытаемся определить, насколько существующая художественно-образовательная практика, заявляющая о своей инновационной направленности, действительно пронизана инноватикой, имеет ли инноватика движущие причины, и обозначить проблемы, связанные с вхождением в нее. Для анализа проблемы остановим внимание на ситуации, характерной для начального звена, первой ступени художественного образования.

Обратившись к истории вопроса, мы обнаруживаем, что инноватика как междисциплинарная сфера, интегрирующая теорию управления, социологию, экономику, философию, психологию и педагогику, складывается в России к концу 70-х годов XX века. Инновационный процесс, охвативший в 80-е годы XX века социально-экономическую область, приобретает интенсивный характер и в системе образования. Исследователи выделяют несколько этапов преобразований, происходящих в системе образования, каждый из которых отличался от других своими задачами, условиями проведения и результатами. Система художественного

образования с некоторым запозданием включается в поток инноваций, охвативший российское образование, что обусловлено его спецификой, позитивным консерватизмом, опирающимся на прочные связи с традициями, нередко уходящими корнями в далекое прошлое.

Первый этап – конец 80-х – начало 90-х гг. XX в. На этом этапе проявились признаки развития альтернативного образования. В этот период в унифицированную и обезличенную систему советского образования начинают проникать элементы плюралистичности. В области художественного образования этот этап отмечен внедрением в образовательную практику отдельных, спонтанных, нередко научно не проработанных, опирающихся на личностные инициативы новшеств. В детских школах искусств (далее – ДШИ) и детских музыкальных школах (далее – ДМШ), которые десятилетиями работали по типовым учебным планам и программам, формируются новые подходы, допускаются эксперименты в преподавании отдельных дисциплин. Итоги экспериментов освещаются в печати, авторы экспериментальных программ получают возможность распространения своего опыта. На первой ступени художественного образования (ДМШ, ДШИ) появляются новые отделения, соответствующие потребностям времени, например, ранее нетипичные для данных образовательных учреждений отделения фольклорного пения и эстрадного вокала, общеэстетического воспитания и т. д. [2].

На втором этапе (1992–1996 гг. XX в.) в системе общего образования начинается становление вариативного образования, усиливаются позитивные тенденции гуманизации и гуманитаризации образования. Основные приоритеты обновления были закреплены Законом Российской Федерации «Об образовании» (1992 г.). На этом этапе традиционную структуру художественного образования расширяют образовательные учреждения, получающие статус инновационных – это гимназии, лицеи в которых блок дисциплин эстетического цикла значительно расширяется, в некоторых он по содержанию и значимости становится равным ДМШ и ДШИ. Однако, справедливости ради, стоит отметить, что многие инновационные учреждения не столько создавали нечто новое, сколько возрождали традиции российского гимназического образования XIX века. Тем не менее, произошедшее увеличение видов образовательных учреждений, включение в учебные планы дисциплин

эстетического цикла привело к разработке значительного числа программ и методик, которые именовались инновационными. Однако политическая нестабильность и обострение общеэкономического кризиса тормозили развитие системы художественного образования. Несформированность нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность такого рода образовательных учреждений, привела к тому, что функционирование инновационных художественно-эстетических, эстетических гимназий, школ национальной культуры постепенно начало испытывать сложности, деятельность одних изменила направление, другие превратились в традиционные общеобразовательные школы.

В системе дополнительного образования художественно-эстетической направленности в эти годы предпринимаются попытки документального оформления дифференцированного подхода к обучению детей, позволяющего формировать просвещенных любителей искусства, активных потребителей художественного творчества и осуществлять раннюю профессионализацию наиболее одаренных детей.

Одним из новшеств третьего из рассматриваемых нами этапов (начиная с 1996 г. XX в.) становится попытка создания механизмов, обеспечивающих качество образования. Этот этап ознаменован выходом новой редакции Закона Российской Федерации «Об образовании», положившего основу для создания новой нормативной базы системы образования. На этом этапе художественное образование медленно входит в новую фазу инновационных процессов, в том числе связанных с серьезными структурными и содержательными изменениями. Закрепляются многоуровневые подходы к составлению учебных программ, расширяется спектр дисциплин, изучаемых по выбору учащихся, по сравнению с консервативным академическим набором появляется все больше новых, актуальных для современной культуры отделений.

Резюмируя краткий исторический экскурс мы должны признать, что пока инновационность в художественном образовании не приобрела системного характера, разнообразие инициатив в каждом отдельно взятом образовательном учреждении присутствует, но не всегда обобщается на городском или областном уровне, пока не выработаны механизмы, позволяющие определить, насколько эти нововведения способствуют позитивной эволюции художественного образования.

Представляется, что на данном этапе переломным моментом в модернизации художественного образования может стать сформированная, осмысленная преподавателем художественно-эстетического направления как необходимость профессионального развития его готовность к инновационной деятельности.

Педагогу, работающему в традиционной системе, достаточно владеть педагогической техникой, системой обучающих умений, позволяющих ему осуществлять учебно-воспитательную деятельность на профессиональном уровне и добиваться более или менее успешного обучения. Его педагогическое мастерство включает отшлифованность отработанных методов и приёмов, умелое применение психолого-педагогической теории, повышающей эффективность образовательного процесса. Для включения в инновационный режим определяющим является именно готовность педагога к инновациям.

Очевидно, определение готовности к инновационной деятельности не может ограничиваться такими качествами, как опытность, мастерство и профессионализм. Готовность преподавателя к инновациям должна включать такие компоненты, как:

- психологический, учитывающий личностную мотивацию преподавателя, его активный настрой, стремление внедрять новое;
- теоретический, предполагающий овладение системой знаний об осваиваемых нововведениях, технологиях их внедрения, новых способах и формах осуществления профессиональной деятельности;
- практический, опирающийся на освоение совокупности навыков и умений, направленных на реализацию нововведений.

Перечислив компоненты готовности преподавателя к инновационной деятельности, отметим, что внутри каждого из них содержится проблема. Практика показывает, что лишь немногие преподаватели сферы дополнительного образования детей мотивированы на стремление внедрять нечто кардинально новое. Российская система художественного образования, которая их воспитывала, настолько пронизана ценными, признанными во всем мире традициями, что любое нововведение вызывает его отторжение. Нужна обоснованность причин, серьезность аргументации, убежденность и способность увлечь за собой той личности, которая предлагает какие-то нововведения.

Теоретический уровень преподавателей в области инноватики пока нельзя определить как высокий, это, как правило, отдельные знания, не сформированные в систему. Как следствие, недостаточная личностная мотивированность, не вызывающая желания осваивать новые технологии, новые практические навыки, приемы преподавания.

Следует признать, что в Кемеровской области, административные органы, областной методический кабинет, городские методические объединения, а также руководители образовательных учреждений осознают необходимость интенсификации инновационной деятельности преподавателей. С целью переобучения, обновления знаний организуются всевозможные мастер-классы ведущих представителей художественного образования г. Москвы, Санкт-Петербурга, конкурсы преподавателей, курсы повышения квалификации, которые призваны сформировать теоретические знания, способствовать становлению практической готовности преподавателя к оптимизации и обновлению педагогического процесса. Но вслед за признанием факта активной переподготовки преподавателей художественных учреждений возникает важный вопрос: как и чем можно измерить инновационную деятельность педагога художественной сферы, что может стать ее результатом? Научно-педагогические исследования свидетельствуют о том, что такими результатами могут являться: индивидуальный стиль педагогической деятельности, авторские программы, методики, технологии; методические, научно-методические исследования, а главное – создание авторской учебно-воспитательной, методической системы.

Соглашаясь с этими выводами ученых, отметим, что пока в художественно-педагогической среде нашего региона не создано такого сложного новообразования, как авторская учебно-воспитательная и методическая система. Однако организационные усилия, предпринимаемые на разных уровнях, приводят к ряду позитивных перемен в ДМШ и ДШИ Кузбасса.

Результаты переобучения, повышения квалификации, личных инициатив преподавателей находят отражение, прежде всего, в учебно-методической деятельности. Если ранее преподаватель сферы дополнительного художественного образования с трудом, без желания и личной инициативы составлял рабочую программу по своей дисциплине, то ныне многие предлагают модифицированные и авторские программы,

создают методические работы разных жанров, разрабатывают собственные образовательные концепции, реализуют оригинальные проекты, выигрывают гранты. Приведем наиболее интересные примеры уже выполненных проектов: «Наследники живой культуры» (социально-экологическая программа) – ДШИ № 45, «Мир красоты для каждого ребенка» (программа по социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья средствами музыки) – ДШИ № 45, ДШИ № 19. Таких примеров инновационной деятельности немного, но они есть и это позволяет надеяться на то, что этот процесс приобретет системный характер.

Перечислим некоторые из тех необходимых качеств, которыми либо должен обладать, либо воспитывать в себе педагог художественной сферы, подготовленный к инновационной деятельности, это:

- творческий стиль мышления в педагогической деятельности;
- вариативность и мобильность мышления;
- системность мышления в сочетании с конкретностью, умение выделить главное;
- чувство меры в принятии решений и в действиях, чувство такта;
- способность к восприятию нового;
- толерантность;
- контактность, коммуникативность, умение вести диалог;
- способность к рефлексии.

Завершая анализ, констатируем, что рассматриваемые нами проблемы постепенно решаются, вхождение образовательных учреждений в инновационные процессы становится все более активным, а это позволяет надеяться на то, что уже на начальной ступени художественного образования будет создана инновационная среда, отдельные нововведения и новшества преобразуются в инновационную систему, модернизация художественного образования обретет характер позитивной эволюции.

Примечания

1. Энциклопедия профессионального образования. – М., 1998. – С. 351.
2. В этот период и вузы получают возможность самостоятельного формирования учебных планов, самостоятельного выбора и расширения, присваиваемых выпускникам квалификаций. Однако очень скоро вновь вводятся жесткие Государственные образовательные стандарты, перечеркнувшие все инициативы.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИННОВАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Н.Д. Фирер

Одним из важных событий последней трети XIX века в Сибири стало возникновение музеев и превращение их в культурные центры края. Их появление было обусловлено экономическими, общественно-политическими и культурными потребностями региона. Они синтезировали в себе эти стороны жизни, становясь весьма значимыми для социокультурной адаптации населения.

Идея создания местных музеев была популярна как в Европе, так и в России, но в Сибири, в отличие от других регионов, она наиболее полно воплотилась в жизнь. Положение края по отношению к центру наложило определенный отпечаток на процесс создания музейной цепи в Сибири: отсутствие крепостного права, бурный экономический подъем, большое количество политссыльных, наличие природных богатств – все это давало свои «плюсы», и совокупный результат превзошел все ожидания.

Условия, в которых открывались сибирские музеи, по сравнению с европейскими, более специфичны, поскольку любовь к родному краю была здесь огромной и людям хотелось узнать о нем как можно больше. Музеи же стали средством для обустройства, освоения всего края. Функционировавшие ранее малочисленные научные общества, используя свою экспедиционную деятельность, не могли справиться с задачей быстрого и комплексного изучения Сибири. Местные музеи стали не только хранилищем собранного материала, но и средством его научной обработки и систематизации, представления на обозрение публики. Это способствовало распространению знаний о крае и привлекало к сбору информации любителей из различных слоев общества.

Во второй половине XIX века в Сибири находилось много политических ссыльных, обладавших значительным интеллектуальным потенциалом, который они использовали для оказания помощи местным музеям. Так, росту известности Минусинского музея способствовала деятельность Д.А. Клеменца, А.О. Лукашевича, Ф.Я. Кона, П.А. Аргунова. В Якутском музее должность хранителя занимали ссыль-

ные: В. Зубрилов, М.И. Сосновский, Н.А. Виташевский, В.Е. Окольский. Почти каждый музей содержал собранные политссыльными коллекции, поражающие своим богатством и систематическим расположением. Ссыльные стали своего рода интеллектуальным источником, катализатором развития музеев.

Потребность в музеях возникла на определенной стадии социального и культурного развития общества, когда некоторые его слои (прежде всего, интеллигенция) почувствовали необходимость в подобных учреждениях.

Эта тенденция четко наблюдается в Сибири. Первые музеи здесь возникли еще в начале XIX века (в Барнауле, Иркутске, Нерчинске). Прослеживаются два пути создания сибирских музеев: при местных городских самоуправлениях и при научных организациях – отделах Русского географического общества, статистических комитетах, любительских исследовательских обществах, учебных заведениях.

При городских самоуправлениях были созданы следующие музеи: Минусинский местный, Красноярский, Енисейский, Нерчинский, Ачинский, Благовещенский; при отделах РГО – музей в Иркутске, Омске, Кяхтинский, Хабаровский, Читинский. При статистических комитетах – Тобольский, Семипалатинский, Якутский. При любительских обществах и учебных заведениях – Владивостокский, Барнаульский, Тюменский, музей Томского университета.

Большой вклад в комплектование фондовых собраний внесли экскурсии по округу. Собирали все, что представляло интерес и могло дополнить картину исследуемого края. Само проведение полевых работ предусматривало сбор различных предметов, беседы с местными жителями, коренным населением, зарисовки, измерения отдельных объектов. Огромную помощь в экскурсионно-собирательной работе оказывала местная интеллигенция. Еще одна категория добровольных помощников – политические ссыльные. Практически в каждом музее можно отметить их работу.

Согласно утвержденным уставам, музеи представляли собой научно-исследовательские учреждения, поскольку, комплектуя музейные фонды памятниками природы, истории и культуры, они создавали источник для исследователей. Но в то же время они выполняли и другие функ-

ции: культурно-просветительные, образовательные и воспитательные, так как удовлетворяли культурные и эстетические потребности общества. Наиболее приемлемой формой этих видов деятельности были экскурсии по выставленным экспозициям, дополняемые школьными уроками в музеях и лекциями. Значимость этих видов и форм работы с населением постоянно росла, что превращало музеи в культурные центры края.

Музей выполнял образовательные и воспитательные функции, основываясь на информативных возможностях своих экспонатов, их способности оказывать эмоциональное воздействие. Для взрослого населения музеи становились своего рода справочным бюро, хранилищем сведений о местности, о природных богатствах, о флоре и фауне – все это было необходимо и золотопромышленнику, и крестьянину, и учителю.

Еще одна сторона образовательной деятельности музеев заключалась в том, что они знакомили приезжающих специалистов, желавших заняться исследованиями в Сибири, с научными работами о регионе, давали более полное представление о степени разработанности той или иной темы. Одним из важных направлений образовательной деятельности музеев было повышение культурного и образовательного уровня коренного населения, которое по числу посещений музеев не уступало городскому. Таким образом, с помощью музеев был сделан шаг вперед в начальном образовании и просвещении аборигенов.

Сибирские музеи стали мощным средством образования. Материал, собираемый ими со всех концов края, по многим отраслям наук и ремесел при систематическом его распределении позволял любому человеку наглядным образом получить такие знания, которые иным путем приобрести не представлялось возможным. Для образованного человека материал музея составлял незаменимое пособие при самостоятельных работах и исследованиях. Однако задача музеев состояла не только в том, чтобы расширить кругозор посетителей и дать им пищу для размышления, но и в том, чтобы дать практические советы, прийти на помощь местной промышленности и науке. Большой объем просветительской работы отличал сибирские музеи от музеев европейской части страны.

В первой трети XX века наблюдается интенсивное развитие сибирской музейной сети на основе ранее существовавших музеев, тесная

связь с социокультурными тенденциями того времени, направленными на превращение музеев в важные ячейки городской культурной среды, где создаются условия для освоения культуры. Переломная эпоха, включающая революционные и военные события, не прервала этот процесс. Определенная специфика музейного дела в Сибири проявляется в его большей комплексности и явственной ориентации деятельности музеев на идеи патриотизма, как особо значимые для жителей Сибири.

Изучение истории Приенисейского края с древнейших времен до наших дней позволяет получить систематические знания об уникальных цивилизациях древности и раннего средневековья на берегах Енисея, о жизни местного населения до прихода в Сибирь русских, об освоении края в течение трех с половиной столетий. История Енисейской губернии рассказывает о пребывании в этих краях декабристов и их роли в развитии культуры и просвещения. Немаловажную роль в данных процессах играли представители всех течений политической ссылки XIX – начала XX веков.

В качестве ведущей функции музея выделяется исследовательская функция. На данном уровне происходит сбор и научная обработка материалов – источников для изучения прошлого края: письменных и вещественных. Собираются предметы быта, орудия труда, одежда, изделия прикладного искусства, письменные документы, фотографии, книги. Записываются воспоминания старожилов, перенимаются секреты мастерства местных умельцев, изучаются традиционные верования предков, обряды и ритуалы, бытовавшие в прошлом и сохранившиеся ныне. Исследования включают также запись местных праздников, увеселений, игр, форм совместного времяпрепровождения, песен, частушек, быличек, преданий. Особенно важна работа по составлению летописи региона, города, деревни, поселка, улицы.

Одна из первостепенных задач каждого музея – системное, планомерное комплектование памятников истории и культуры. Анализ скомплектованных за последнее десятилетие музейных источников позволяет определить приоритетные задачи на обозримое будущее – собрать и сохранить максимально возможное количество образцов материальной и духовной культуры как городского, так и сельского населения края, сделать их доступными для изучения и введения в культурный и научный оборот.

Объектом пристального внимания музеев в процессе комплектования должны быть все сферы жизни общества: экономическая, общественно-политическая, социальная, культурная. Это позволит музеям создать полноценные яркие, убедительные экспозиции, выставки, а современный дизайн придаст им зрелищность, привлекательность.

Несмотря на экономические, финансовые проблемы и трудности нашего времени, музейная сеть сибирского края сохранилась, более того, за последние три года она увеличилась почти вдвое. Примечательно, что в основном резервом роста государственных музеев стали музеи общественные. Произошли и определенные качественные изменения, связанные с тенденцией профильной переориентации музеев. Так, перепрофилирование музея-заповедника «Сибирская ссылка В.И. Ленина» в поселке Шушенское в Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское» позволило создать уникальный музейный комплекс под открытым небом. Таким образом, не востребованные ранее обществом огромные этнографические богатства, отражающие хозяйственный и культурный опыт населения края, становятся важнейшим фактором культурной и духовной жизни края.

Музей леса (г. Лесосибирск) в новой концепции развития музея ставит задачу философского осмысления роли леса в истории человечества, гармонизации взаимоотношений человека и природы.

Концепция Игарского краеведческого музея с его уникальным подземным музейным комплексом вечной мерзлоты – единственного в мире – определяет как одну из приоритетных задачу создания новой естественнонаучной экспозиции с акцентом на экологические проблемы, которые приобретают особую актуальность в условиях колоссального прессинга на природу региона.

Литературный музей в Красноярске нетрадиционно, на широком этнографическом фоне раскрывает историю литературного процесса в Приенисейском крае. После завершения реставрации всего комплекса строений юдинской загородной дачи там будет открыт международный культурно-образовательный центр «Афонтова гора».

Музеи Приангарья – Богучанский и Мотыгинский (краеведческие), Кежемский (историко-этнографический) – вносят значительный вклад в изучение и сохранение фольклорного наследия Приангарья и вовлекают

в орбиту своей деятельности фольклорные коллективы из местных жителей, которые стали постоянными участниками различных культурных акций музеев [1].

Музей современного христианского искусства открыл свои двери в Лесосибирске в 2009 году. Идея проведения выставок современного христианского искусства возникла у протоиерея Андрея Юревича, настоятеля Крестовоздвиженского собора г. Лесосибирска, в 1999 году, когда весь мир готовился достойно отметить 2000-летие Рождества Христова. Первая выставка – своеобразное приношение празднику – была проведена в Лесосибирске и Красноярске. Сегодня на эту идею откликаются все новые художники Москвы и Санкт-Петербурга, Урала и Сибири. В третьем тысячелетии настоящему художнику важно донести свою свечу, рассказать всю правду о красоте, поделиться сокровенным и выстраданным. Современное христианское искусство включает в себя все виды и жанры: живопись, графику, скульптуру, керамику, различные техники декоративно-прикладного направления, концептуальные проекты-акции. Объединяющим же незыблемым началом современного христианского искусства является христианское миропонимание.

В течение ряда лет в Лесосибирском педагогическом институте филиале Сибирского федерального университета проводится музейная практика на базе старейшего Енисейского краеведческого музея, основанного в 1883 году. Квалифицированные работники музея проводят теоретический курс со студентами филологического факультета. Затем уже в залах самого музея г. Енисейска (городу 390 лет) проходят практические занятия. Это и с экспозициями, работа в хранилищах музея, с документами, и развитие навыков и умений составления запросов в архивы страны.

На научно-практической конференции по итогам музейной практики студенты отчитываются о проделанной работе. Каждый имел индивидуальное задание и отдельную тему исследования («Первопроходцы земли Енисейской», «Жизнь и быт народов Севера», «Протопоп Аввакум в Енисейске», «Старец Даниил Ачинский в Енисейске», «Христианство и его отражение в фондах музея», «Знаменитые династии города Енисейска», «Традиции меценатства в Енисейской губернии», «История создания Енисейского краеведческого музея», «Декабристы в енисейской

ссылке», «История народных промыслов в фондах музея», «Исследователь Арктики – Никифор Бегичев», «Деревянное зодчество в фондах Енисейского краеведческого музея», «Творчество самодеятельных художников в фондах музея», «Люди и события (история Енисейско-Маклаковского восстания)», «Герой Советского Союза Е.С. Белинский», «Герой Советского Союза П.И. Дудурев», «Сибиряк: ценности и традиции», «Досуг и праздники енисейских сибиряков» и др.).

Музейная практика дает знания об основах хозяйствования, общественных отношениях, о взаимоотношениях старожилов и переселенцев. Изучение истории Приенисейского края с древнейших времен до наших дней позволяет получить знания о жизни людей в древности и раннем средневековье на берегах Енисея, о жизни местного населения до прихода в Сибирь русских, об освоении края в течение почти четырех столетий. История Енисейской губернии рассказывает о пребывании в наших краях декабристов и их роли в развитии культуры и просвещения. Немаловажную роль в этих процессах играли представители всех течений политической ссылки XIX – начала XX веков.

Музей стал центром коллективной памяти династий, родов, отдельных семей, средством увековечивания созидательной деятельности на сибирской земле. Он связал воедино знания о Восточной Сибири в целом, об истории своего края, района, города, села с историей дедов и родителей. Только осознание внутреннего родства и единения с «малой родиной», познание духа и традиций коренного населения приводит к истинному патриотизму, внутреннему чувству, что ты – сибиряк.

Патриотические чувства и взгляды формируются под влиянием множества факторов. К ним относятся природнообусловленные (или «естественные») связи и отношения между людьми, все многообразие социально-культурных связей и отношений, а также идеальные, духовные связи и отношения. По мере взросления и социализации мы осознаем, как оригинально проявляются и индивидуально выражаются в нашей личности родовое и народное начала, этнические особенности и черты национального характера, и только на основе этого сознания происходит самоидентификация с «родным» этносом, а впоследствии вырабатывается самосознание «человека вообще», представителя человечества или «земной планетарной цивилизации» [2].

Знания о предках, об истории своего рода, семьи на сибирской земле очень важны. Частные факты предстают в событиях прошлого в контексте общеисторических явлений и процессов. Музейная практика позволяет осознать важность своей жизненной позиции, своего «Я», определить свое место в современной Сибири.

На основе индивидуальной и коллективной работы по направлениям исследований, сбора вещественных и письменных памятников, фотографий и личных документов студенты получают навыки создания школьных краеведческих музеев, что в дальнейшей педагогической деятельности им, несомненно, пригодится.

Примечания

1. Парамонова, В., Карнаухова, Л. Музеи Красноярского края на рубеже веков // Суриковские чтения: материалы научно-практической конференции. – Красноярск, 2002. – С. 81.
2. Малинкин, А.Н. Социальные общности и идея патриотизма // Социологический журнал. – 1999. – № 3/4. – С. 69–89.

ИННОВАЦИОННОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ю.В. Клецов

Поставленная в 2002 г. Президентом России В.В. Путиным стратегическая задача перехода российской экономики на инновационный путь развития существенно повышает уровень требований, предъявляемых к отечественному образованию. В программных документах решение указанной задачи связывается с развитием и максимально полным, эффективным использованием интеллектуального потенциала нации, ведущую роль в формировании и воспроизводстве которого играет система образования (прежде всего, профессионального).

Поскольку «экономика завтрашнего дня – это инновационная экономика знаний, инвестиционных проектов и наукоёмких технологий» [1], постольку российская система профессионального образования должна в полной мере отражать основные характеристики такой экономики – то есть быть максимально открытой и гибкой, привлекательной

для граждан и инвесторов, способной быстро воспринимать происходящие перемены. В связи с этим следует подчеркнуть, что образование, которое не сказывается положительно на эффективности экономики, успешности граждан и престиже страны, сегодня не может считаться ни качественным, ни инновационным.

В отечественной педагогической науке и гуманитаристике пока не сложилась целостная, детально разработанная концепция инновационной деятельности в области образования [2]. В то же время такие понятия, как «инновационная образовательная деятельность», «инновационная образовательная практика», «инновационная образовательная программа», «педагогическая инновация» и даже «педагогическая инноватика» [3] в наши дни широко – и при этом в различных контекстах – употребляются в официальных документах, научной литературе и публицистике. С учётом этого обстоятельства особую актуальность и значимость приобретает задача уточнения сложившихся представлений о содержании и специфике указанной деятельности, что будет способствовать выработке системы научно обоснованных критериев и показателей, позволяющих адекватно ценить те или иные социально значимые

инициативы в образовании, решительно отделив их от «псевдоинноваций», а также формированию и реализации соответствующих проектов, их целенаправленной и эффективной государственной и общественной поддержке.

Следует отметить, что под инновациями в самом общем смысле этого слова обычно понимают новые, оригинальные решения (то есть результаты интеллектуальной, творческой деятельности), внедрение которых вызывает существенные, качественные изменения в общественно-исторической практике либо – по меньшей мере, косвенно – способствует возникновению, распространению или закреплению таких изменений. В данном случае инновация рассматривается как конкретный материальный или идеальный продукт духовно-практической деятельности, выступающий в качестве предпосылки и (или) фактора социальных изменений. При этом указанное понятие нередко распространяют и на обусловленные внедрением такого рода продуктов устойчивые социальные эффекты.

Приведённая выше трактовка в целом представляется достаточно корректной и продуктивной. В то же время она, на наш взгляд, требует уточнения и дальнейшего развития (по меньшей мере, применительно к предмету настоящей статьи). Как отмечает член-корреспондент РАО В.И. Слободчиков, слово «инновация» (от лат. *in nove*) впервые встречается в текстах середины – второй половины XVII века и употребляется в значении вхождения, «вживления» нового в общественную жизнь и порождения в ней целого ряда изменений. В связи с этим российский исследователь обращает внимание на то, что данное слово изначально и недвусмысленно указывает не столько на некоторый продукт, сколько на процесс его внедрения в условиях определённой социокультурной среды, включая его влияние на эту среду. При этом он отмечает ещё одно обстоятельство: «Во всех известных нам нормативных документах речь идёт именно об «инновационной экономике», ориентированной на материальное производство, на рынок и коммерциализацию новаций... Не обсуждается вопрос... о «производстве», если можно так сказать, самого человека... А соответственно, не обсуждаются инновации в гуманитарной сфере и то, что с этим связано».

Своим вторым рождением слово «инновация» во многом обязано «антропологическому повороту» в философии и науке нового времени, а также идее «культурологического синтеза» (Н.С. Автономова) в общественности, порождённой становлением и развитием социальной и культурной антропологии. В 30-е годы XX столетия оно наполняется новым, богатым социологическим содержанием и входит в широкое употребление – главным образом, благодаря работам Р.Л. Билза, Ф. Боаса, А.Л. Крёбера, Р. Линтона, М. Херсковица и др., в которых социальные изменения ближайшим и непосредственным образом связываются с распространением элементов и особенностей конкретной культуры за пределы её ареала. При таком подходе на первый план выдвигаются процессы межкультурной коммуникации, диффузии культурных паттернов и аккультурации (транскультурации) нововведений [4].

Согласно Редфилду, Линтону и Херсковицу (1935), аккультурация представляет собой совокупность явлений, возникающих вследствие того, что группы индивидов, принадлежащие к различным культурам, «входят в непосредственный перманентный контакт, при котором проис-

ходят изменения в изначальных культурных паттернах одной из групп или их обеих». При этом авторы различают три основных типа реакции группы-реципиента на ситуацию культурного контакта: 1) «принятие», которое сопровождается полным замещением старого культурного паттерна новым; 2) «адаптация», которая характеризуется частичным изменением традиционного паттерна; 3) «реакция», которая завершается полным отторжением паттерна группы-донора. В связи с этим указанные исследователи обращают внимание на существенное отличие процесса «свободного заимствования» от процесса «направленного культурного изменения».

Следует отметить, что в рамках присущего классическому рационализму и позитивизму нового времени «операционального мышления» инновация с самого начала противопоставлялась традиции. То, что выходит за рамки последней и вступает с ней в противоречие, то и является инновацией, – такова, по мнению В.И. Слободчикова, общая позиция социальной и культурной антропологии в первой половине XX века. Существенные коррективы в эту позицию внесли работы Б. Малиновского, сформулировавшего так называемый «постулат универсальной функциональности», согласно которому в каждом типе культуры (цивилизации) «каждый обычай, материальный предмет, идея и верование выполняют определённую жизненную функцию, имеют некую задачу, которую они должны выполнять; представляют собой незаменимую часть в пределах работающего целого» [5]. Малиновский полагал, что «все эволюционные и диффузные процессы происходят, прежде всего, в форме институциональных изменений» [6].

Рассматривая любой социокультурный институт как «реально обособленную единицу (isolate) организованного поведения», Б. Малиновский выделял в его составе следующие элементы: 1) хартия (charter) – лежащая в основе данного института руководящая идея, которая определяется обществом в целом и поддерживается его членами; 2) личный состав (personell) – группа людей, организованная в соответствии с определёнными принципами власти, разделения функций, распределения привилегий и обязанностей; 3) правила (нормы) – коллективные установления, которые опираются на «технически приобретаемые» навыки и привычки, а также принимаемые членами группы право-

вые, этические и другие обязательства; 4) материальный аппарат – используемые членами группы орудия деятельности, предметы потребления и т. п.; 5) функция – общий результат организованной деятельности (в отличие от хартии как «традиционно или вновь определяемой заявленной цели») [7].

Достаточно очевидно, что последовательная реализация указанных выше теоретико-методологических установок и построений при проведении исследований социокультурных процессов ведёт к замене классической оппозиции «традиция – инновация» рядом дихотомий: «традиционная или новая цель (хартия) – традиционный или новый результат (функция)», «традиционные или новые правила (нормы) – традиционный или новый материальный аппарат» и т. п. Другим, не менее значимым следствием этого должно было бы стать (и действительно стало) выявление специфики и разграничение технологических и социальных нововведений, а также осознание наличия между ними культурно и исторически обусловленных, сложных и разнообразных взаимосвязей.

Формированию новых перспективных подходов к исследованию социокультурных изменений в немалой мере способствовали работы Т. Парсонса («Структура социального действия», 1937 и др.) и Р.К. Мертон («Социальная теория и социальная структура», 1949). Так, Парсонс исходил из того, что развитие культуры «существенно необходимо для эволюционных продвижений социальных систем» [8]. Развивая это концептуальное положение, он писал: «Нынешний кризис... имеет своим эпицентром не экономику, не политическую систему и не систему ценностей, а социетальное сообщество... Предположительно, самые острые проблемы будут существовать в двух областях. Во-первых, в развитии культурных систем как таковых и в их отношениях к обществу... Во-вторых, в мотивации социальной солидарности в условиях крупномасштабного общества, ставшего высокоплюралистичным по своей структуре» [9].

Концептуальные построения Парсонса и Мертона, положившие начало движению социологической мысли Запада от функционализма к структурализму, оказали – и продолжают оказывать – заметное влияние на теоретико-методологические установки как зарубежных, так и российских исследователей социокультурных процессов. В то же

время вторая половина XX века отмечена формированием и совершенствованием категориального и методологического аппарата так называемой «транзитологии», основу которой составляют теории модернизации и социальных изменений. Следует отметить, что с использованием именно этого аппарата сегодня ведутся дискуссии вокруг предлагаемых ориентиров и стратегий социального обновления.

Характеризуя диалектическую взаимосвязь традиций и инноваций в истории и современном обществе, один из наиболее известных теоретиков модернизации Ш.Н. Эйзенштадт писал: «Социальный беспорядок не является первичным по отношению к социальному порядку и, следовательно, отличным от него по природе;... он представляет собой особый тип соотношения элементов, которые в ином раскладе составляют ядро преемственности того же самого социального порядка... социальная дезорганизация может служить отправной точкой как в анализе стабильности или преемственности в социальном порядке, так и в изучении социальных изменений или преобразования» [10]. Подразделяя современные общества на «дореволюционные», «революционные» и «постреволюционные», он отмечает, что последние отличает предрасположенность к такому символическому порядку, в котором могли бы быть объединены различные социальные сферы, отличающиеся известной степенью автономности, и в который могли бы быть включены – по меньшей мере, частично-дореволюционные и (или) революционные символы и традиции.

Согласно Эйзенштадту, в поздних современных «постреволюционных» обществах разобщённость институциональных сфер структурирована иначе, чем в традиционных. Поскольку она в большей мере основана на постоянном перемещении людей (при этом часто одних и тех же) между различными структурами, в рамках которых складываются особые «типы ориентаций и информации», постольку противостояние между указанными сферами «становится постоянным явлением на социокультурной сцене» [11]. Как полагает Эйзенштадт, к главным противоречиям модернизации следует отнести: а) перемены против стабильности и преемственности; б) новые принципы рациональности против культурного достояния; в) свобода против авторитаризма.

В 60-х годах прошлого столетия, с завершением процесса институционализации философии и социологии образования, за рубежом начали проводиться исследования инновационных процессов в образовательных системах, а уже спустя два десятилетия (к середине 80-х годов) в США и Европе, в целом, сформировались соответствующие основные исследовательские подходы и специализирующиеся в указанной области научные сообщества. К сожалению, приходится констатировать, что в нашей стране, в силу известных причин, указанные процессы начались лишь во второй половине 90-х годов XX века, а их темпы до сих пор существенно отстают от запросов общественной жизни и образовательной практики.

Сказанное выше побуждает сформулировать некоторые промежуточные выводы, имеющие важное значение для целей нашего исследования. Во-первых: для того чтобы отечественная профессиональная школа могла производить инновации и инноваторов, она сама должна быть инновационной, что предполагает её устойчивое развитие в направлении интеграции науки, образования и производства. Во-вторых: под инновациями (в том числе в образовании) следует понимать не только новые, оригинальные и эффективные решения, которые направлены на достижение конкретных, востребованных социумом результатов, но и процессы внедрения этих решений в повседневную практику с учётом специфики исторически сложившейся в данном обществе социокультурной среды, механизмов межкультурной коммуникации и социальной регуляции. В-третьих: необходимо помнить, что единственным субъектом и главным фактором социального обновления является сам человек, выступающий в качестве носителя определённых мировоззренческих установок, жизненных ценностей, целей и интересов. В-четвёртых: мониторинг и прогнозирование изменений в российской системе образования – одно из наиболее значимых и перспективных направлений деятельности участников национального образовательного сообщества, требующее выработки продуктивных, согласованных исследовательских стратегий и принятия ответственных, научно обоснованных решений.

Обобщая зарубежный и российский опыт инновационной деятельности в области образования, А.П. Огурцов и В.В. Платонов справедливо

отмечают: «...инновация, если она должна стать социально признанной, может стать таковой лишь в том случае, если она формируется на основе определённых инвариантных характеристик... такими инвариантными характеристиками, на базе которых и в рамках которых осуществляются инновации в современном обществе, являются ценности и нормы, ценностно-нормативная система, которая образует основание культуры и общества определённого периода. Вне анализа ценностей и норм культуры невозможно постичь преемственность в развитии культуры, в трансляции её результатов и достижений. Вне такого рода преемственности система образования обречена на перманентный слом, на перманентную революцию, разрушающую культурное богатство» [12]. Думается, что особого внимания и поддержки заслуживает следующий вывод указанных авторов: «“Традиции – инновации – институции” – вот та концептуальная схема, которая, по нашему мнению, позволит понять инновационные процессы как в контексте тех традиций, которые уже существуют в культуре и обществе, так и в контексте социального признания инноваций в качестве базы для осуществления нововведений в системе образования» [13].

Приведённое выше суждение согласуется с позицией В.Е. Кемерова, который отмечает, что современное трансформирующееся российское общество пока «не может опереться на твёрдую почву социальных и культурных форм, воспроизводящих общественную систему, ... элементарную согласуемость действий и помыслов людей в их повседневной жизни» [14]. Характеризуя сложившуюся ситуацию, он пишет: «Именно в отношении к социальным формам обнаруживается двойственность российской реальности: на уровне обобщённого символического целого она зафиксирована в рациональных подобиях политических, юридических, моральных норм, а на уровне обыденных взаимодействий людей она представлена совсем другими схемами поведения, не имеющими чёткого выражения. Эти схемы не накапливаются, не синтезируются, не обретают связанного понятийного выражения. Их можно рассматривать как некий творческий «хаос» жизни, но они не обеспечивают устойчивой кооперации индивидуальных способностей и сил. Их можно запретить или на время разрушить, но их нельзя деавтоматизировать,

то есть деконструировать для дальнейшего включения в более широкий социально-культурный контекст... Россия существует как неопределённая или не доопределённая совокупность социальных групп, региональных образований, субкультур, объединённых общим пространством, но слабо связанных временем социального воспроизводства, продуктивной деятельностью, представлениями о перспективах и т. д.» [15].

Приоритеты развития российского образования во многом определяются новой политической стратегией, основные положения которой были обнародованы 12 ноября 2009 года Президентом России Д.А. Медведевым в послании Федеральному Собранию РФ. Говоря о необходимости и перспективах всесторонней модернизации нашей страны в XXI веке, глава государства выразил уверенность в том, что «вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, – вещи и технологии, полезные людям».

Стратегическими направлениями развития страны, необходимыми для её выхода на новый технологический уровень и обеспечения её лидерских позиций в современном мире, определены: внедрение новейших медицинских, энергетических и информационных технологий; развитие космических и телекоммуникационных систем; радикальное повышение энергоэффективности. При этом президент подчеркнул, что главной целью и движущей силой проводимых преобразований был и остаётся человек, резюмировав, что я надеюсь, что благополучие России в относительно недалёком будущем будет напрямую зависеть от наших успехов в развитии рынка идей, изобретений, открытий; от способности государства и общества находить и поощрять талантливых и критически мыслящих людей, воспитывать молодёжь в духе интеллектуальной свободы и гражданской активности.

Исходя из сказанного, глава российского государства поставил задачу создания в нашей стране мощного центра исследований и разработок, сфокусированного на поддержку всех приоритетных направлений, поручил правительству обеспечить расширение грантовой поддержки разработчиков новейших технологий на конкурсной основе и оказание финансового содействия инновационным предприятиям (в том числе

тем, которые создаются при вузах и научных учреждениях), а также наметил ряд первоочередных мер по реализации инициативы «Наша новая школа». Говоря об этих мерах, президент подчеркнул, что школа наряду с семьёй является базовым социальным институтом, формирующим личность, приобщающим новые поколения к ценностям отечественной и мировой культуры, делающим человека цивилизованным. А инновационная экономика может сформироваться только в определённом социальном контексте как часть инновационной культуры, основанной на гуманистических идеалах, на творческой свободе, на стремлении к улучшению качества жизни. Именно закреплённые в национальной культуре нравственные установки, модели поведения предопределяют успешное развитие личности и нации в целом. Поэтому мы уделим существенное внимание развитию культуры и развернем работу по нескольким направлениям. В связи с этим президент ориентировал на создание необходимой для нормального культурного развития инфраструктурной среды и активное продвижение современных информационных технологий, открывающих доступ к ценностям культуры для граждан; на улучшение положения учебных заведений культуры и искусства с целью обеспечения их доступности всем детям; на сохранение единого культурного пространства России и традиций населяющих её народов, на совершенствование программ обучения русскому языку, являющемуся основой межнационального общения и единства страны; на поддержку новаторских (в том числе экспериментальных) направлений в искусстве и массовом художественном творчестве.

Придание отечественной профессиональной школе новых, современных качественных характеристик связывается также с внедрением и последующим совершенствованием перспективной модели российского образования, основные черты которой намечены:

- в Стратегии развития России до 2020 года;
- в докладе «Российское образование – 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях», подготовленного к IX Международной научной конференции «Модернизация экономики и глобализация» (Москва, 1–3 апреля 2008 г.);
- в докладе Общественной палаты РФ «Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в своё будущее?» (21.09.2007);

– в материалах и рекомендациях парламентских слушаний в Государственной Думе на тему «Создание эффективной системы начального и среднего профессионального образования в Российской Федерации: законодательный аспект» (17.06.2009) и на тему «Начальное и среднее профессиональное образование в России: законодательное регулирование и перспективы» (05.06.2008).

Реализация ключевых положений, содержащихся в указанных выше документах, требует планомерного осуществления и целенаправленной, эффективной поддержки инновационной деятельности как в самой образовательной системе, так и в её взаимодействии с меняющейся социальной средой, а следовательно – квалифицированной научной и общественной экспертизы предлагаемых решений.

Поясняя и аргументируя свою позицию, авторы доклада «Российское образование – 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях», подготовленного к IX Международной научной конференции «Модернизация экономики и глобализация» (Москва, 2008 г.), отмечают: «С одной стороны, проще всего было бы обнаружить черты новой модели в опыте стран-конкурентов, уже активно строящих инновационную экономику, и адаптировать эти характеристики к российской реальности... Однако прямое заимствование социальных инноваций имеет два риска: во-первых, оно может консервировать отставание, поскольку, как правило, опирается не на новейшие, а на уже ставшие массовыми... практики; во-вторых, некоторые «чужие» решения могут быть плохо применимы в условиях российского общества и экономики» [16]. В то же время авторы подчёркивают, что «опора на российскую «поросль» новых институтов в образовании также имеет риски: значительная часть новых институтов и практик выросла в условиях «выживания любой ценой» и построены на компромиссах... либо по качеству..., либо по доступности образования...» [17]. Думается, что эта позиция вполне согласуется с буквой и духом итогового документа, принятого на состоявшейся в июне 2003 г. сессии Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в котором резюмируется: универсального сценария развития инноваций, обеспечивающего экономический рост, который был бы в равной мере применим для всех стран, не существует.

С учётом всего сказанного представляется целесообразным предложить участникам «Круглого стола» рассмотреть следующие рекомендации:

1. Специализированным учебным заведениям учреждениям сферы культуры и искусства, осуществляющим образовательную деятельность на территории Кемеровской области:

– разработать и реализовать меры, направленные на расширение участия педагогических (научно-педагогических) работников и обучающихся в конкурсах на получение грантов, а также в реализации инновационных образовательных и других социально значимых проектов (инициатив);

2. Общеобразовательным учреждениям, подведомственным органам управления образованием Кемеровской области:

– активизировать деятельность по разработке (корректировке) и внедрению образовательных программ и учебных планов, обеспечивающих культуросообразное и культууроёмкое обучение и воспитание подрастающего поколения.

3. Органам местного самоуправления Кемеровской области:

– предусмотреть при разработке (корректировке) программы социально-экономического развития муниципального образования, что сложившаяся система нормативного финансирования учреждений дополнительного образования детей в сфере культуры и искусства не учитывает текущее состояние их учебно-производственной базы и не обеспечивает уровень оснащённости, необходимый для реализации соответствующих образовательных программ.

4. Департаменту культуры и национальной политики Кемеровской области:

– разработать и реализовать комплекс мер, направленных на поддержку новаторских (в том числе экспериментальных) направлений в искусстве и народном художественном творчестве.

5. Департаменту образования и науки Кемеровской области:

– усилить контроль за соблюдением образовательными учреждениями, осуществляющим и образовательную деятельность на территории Кемеровской области, статьи 14 Закона РФ «Об образовании», согласно которой образовательное учреждение при реализации образовательных программ использует возможности учреждений культуры.

Примечания

1. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 годы (утв. распоряжением Правительства РФ от 03.09.2005 № 1340-р) // Образование в документах. – 2005. – № 30. – С. 20.
2. Из опубликованных в последние годы крупных работ по данной тематике особого внимания, на наш взгляд, заслуживают две: Новикова Т. Г. Экспертиза инновационной деятельности в образовании. – М., 2005; Теоретические основы прогнозирования научно-инновационного развития профессионального образования. – М., 2006.
3. Самохин, В.Ф. Педагогические инновации в системе профессионального образования: цели и сущность // Инновации в образовании. – 2006. – № 6 (ноябрь-декабрь). – С. 4.
4. Антология исследований культуры. В 2 т. Интерпретация культуры. – СПб., 1997. – Т. 1. – С. 343–420, 465–498.
5. Культурология. XX век. – СПб., 1998. – Т. 2. – С. 7.
6. Малиновский, Б. Научная теория культуры. – М., 1999. – С. 48.
7. Там же. – С. 54–57.
8. Парсонс, Т. Система современных обществ. – М., 1998. – С. 45.
9. Там же. – С. 189.
10. Эйзенштадт, Ш.Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999. – С. 61.
11. Там же. – С. 375–376.
12. Огурцов, А. П. Образы образования. Западная философия образования. XX век. – СПб., 2004. – С. 489.
13. Там же. – С. 492.
14. Кемеров, В.Е. Введение в социальную философию. – М., 1996. – С. 313.
15. Там же. – С. 214–215.
16. Российское образование – 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях [Текст]: к IX Междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и глобализация», Москва, 1-3 апреля 2008 г. / под ред. Я. Кузьмина, И. Фрумина; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – С. 6.
17. Российское образование – 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях [Текст]: к IX Междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и глобализация», Москва, 1–3 апреля 2008 г. / под ред. Я. Кузьмина, И. Фрумина; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – С. 7.

ИННОВАЦИОННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

А.В. Киселев

К началу XXI в. перед Россией встала фактически безальтернативная задача быстрой трансформации общества от экспортно-сырьевой к постиндустриальной, информационно-инновационной, социально ориентированной модели развития. Действенным потенциалом общественного развития и процветания становятся технологии, базирующиеся на знаниях, и люди, производящие новое знание. Отсюда необходимость многоплановой социокультурной модернизации всего российского общества: развитие человеческого потенциала страны, генерация нового поколения россиян (люди с новым мышлением, новой мотивацией и стилем поведения, способные жить и работать в системе все более усложняющихся общественных, экономических и политических отношений), новых институтов управления. Творческий потенциал человека выступает в качестве ведущего фактора национальной конкурентоспособности и быстрого технологического роста. Гуманистическая доминанта инновационного развития не только предопределяет центральную роль образования, но и требует переосмысления с современных позиций целей и ценностей педагогической системы, ее роли в реализации жизненных устремлений обучающихся и выпускников школы, в становлении их успешной профессиональной карьеры. Именно образование, – подчеркивается в докладе «Российское образование – 2020», – как система формирования интеллектуального капитала нации и как одна из главных сфер производства инноваций создает базовые условия для быстрого обновления технологий и продуктов. Образование выступает первым звеном инновационной цепочки «образование – исследование – венчурные проекты – массовое освоение инноваций» [1]. Реализация современных возможностей модернизации образования предполагает переход на новую, опережающую модель развития российской школы, которая позволит ей выполнить роль основного локомотива формирования национальной инновационной системы. В середине прошлого века в стране была создана одна из лучших систем школьного образования, но, начиная с конца 1980-х гг., постепенно нарастает неудовлетворенность общества

качеством учебных достижений учащихся. Это обусловлено, как отмечает вице-президент РАО А.А. Кузнецов, не слабостью отечественной методики обучения или неэффективной работой наших учителей, а устаревшей направленностью системы школьного образования на узкопредметные показатели, репродуктивным характером педагогического процесса [2]. Знаниевоориентированная парадигма сводила процесс обучения к передаче учащимся системы знаний, умений, навыков. Учитель – носитель, источник передаваемого знания, ученик – реципиент. Отношения в этой образовательной парадигме субъект-объектные. Фактологически-начетнический стиль обучения определял пассивную роль участников учебного процесса. Инновационный социально ориентированный тип развития требует максимальную активность личности в процессе обучения, поскольку только активное отношение к получению и применению знаний сформирует у учащихся готовность и потребность к самообразованию не только в школьные годы, но и в последующий период профессиональной деятельности, способность жить и работать в информационном обществе. Девизом современного социума при стремительном обновлении знаний, появлении новых профессий выступает не «образование на всю жизнь», а «образование в течение жизни» – синоним личной успешности.

Ключевую позицию в методологии модернизации общего среднего образования занимает компетентностный подход. На нормативном уровне он заявлен в Государственных образовательных стандартах. В ГОС второго поколения компетентностный подход рассматривается как конкретная концептуальная результативно-целевая основа проектирования содержания общего образования. Обучение направлено на формирование у учащихся базовых компетентностей современного человека: информационной, коммуникационной, самореализации, самообразования. При этом компетентность понимается как новое качество субъекта деятельности, проявляющееся в способности системного применения знаний, умений, ценностных установок и позволяющее успешно разрешать различные противоречия, проблемы, практические задачи в социальном, профессиональном и личностном контексте [3]. Таким образом, системно-деятельностный характер компетентностного подхода ориентирован на практические навыки, на способность применять

знания, реализовывать собственные проекты. При этом речь идет не о заучивании простых алгоритмов, а о подлинной фундаментализации школьного образования, при которой акцент делается не на запоминание энциклопедического набора знаний, а на овладение фундаментальными умениями коммуникации, анализа, понимания, принятия решений [4]. Знание в действии – это и есть компетентность, по определению академика РАО А.Г. Асмолова (директора Федерального института развития образования Минобрнауки РФ), поэтому в учебной деятельности главной ценностью является компетентность к обновлению компетентности. Отсюда задача школы – научить учиться, то есть овладеть универсальными учебными действиями, без которых ничего не может быть, поскольку именно в действии порождается знание [5].

Переход к «компетентностному образованию» закономерно обозначил высокий инновационный дидактический потенциал социально-гуманитарных дисциплин, конкретизируемый местным, историко-краеведческим материалом. Такие предметы, как история, география, русский язык, литература, иностранный язык выступают в стандартах второго поколения в качестве «идеологического ядра» компетентностного подхода, формирующего способы культурного мышления. Выполняя функцию национального самосознания и культурной самоидентификации поколений, гуманитарные дисциплины обеспечивают формирование мотивированной компетентной личности с нестандартным мышлением, способной быстро ориентироваться в динамично развивающемся и обновляющемся информационном потоке, получать, использовать, создавать разнообразный интеллектуальный продукт и на основе полученных знаний, умений, навыков решать жизненные проблемы, принимать обоснованные решения. Социально-гуманитарное образование на федеральном и региональном уровне реализует согласованный общественный заказ на воспитание успешного поколения граждан страны, владеющего универсальными способами учебной деятельности, воспитанного в духе идеалов демократии, правового государства и в соответствии с национальными и общечеловеческими ценностными установками.

Востребованность в социально-гуманитарном пространстве исторического краеведения определяется, во-первых, самой непосредственно педагогической практикой, поскольку местный материал, обладая

полифункциональностью, сочетает в себе обучающие, воспитывающие и развивающие функции. «Местный материал, – отмечал профессор Д.В. Кацюба, – увязывает жизнь и быт любого населенного пункта с огромным понятием нашей великой Родины, вносит в преподавание истории большую конкретность, убедительность и наглядность. Краеведческий подход активизирует мыслительную деятельность учащихся, помогает более осознанному усвоению самых ложных тем социально-политического, экономического и культурного характера» [6]. Педагогическое значение локальной истории, – подчеркивали краеведы «золотого десятилетия» – 1917/1918 – 1927/1929 гг., – время наивысшего подъема в познании родного края. Приват-доцент МГУ М.Я. Феноменов, ведущий теоретик и практик краеведческого изучения села 1920-х годов, считал, что «учитель должен стать хорошим краеведом, чтобы быть вообще хорошим учителем» [7]. Переход образования к личностной парадигме определил дополнительную мотивацию краеведческого подхода в обучении. Предмет «Краеведение» наполняет образовательное поле эмоционально-смысловым содержанием, «снимающим» объективное значение любого усваиваемого материала, выявляя в нем субъективный смысл, лично утверждающие ценности. Познание сливается со смыслообразованием, с выработкой собственного отношения. Здесь в подлинном смысле «любить означает знать». Эффективность усвоения предметного содержания, благодаря краеведческому материалу возрастает, поскольку само содержание обретает личностный смысл, выступает как содержание и среда становления личностного опыта индивида.

Во-вторых, краеведение актуализировало антропологичность современной гуманитарной познавательной стратегии, которая направлена на выявление имманентной (внутренней) позиции самих участников социального процесса. Отсюда интерес во всем мире к проблематике историко-краеведческих изысканий («история обжитого места»), к изучению повседневности и в прошлом, и в настоящем, к проблемам исторической антропологии, социальной психологии, микроистории [8]. Теоретико-методологический арсенал и опыт исторического краеведения в микроисторическом познании преодолевает эпистемологические трудности современной историографической практики, связанные с «заменой

телескопа на микроскоп». Методологическая эвристичность краеведческого подхода помогает увидеть ранее незримое, рассмотреть те стороны исторического процесса, которые оставались в тени.

И последние. Краеведение созвучно концепции устойчивого развития, поскольку выступает базовым компонентом в разработке стратегии комплексного развития территории. При региональном характере развития российского государства именно всесторонний анализ конкретной действительности позволяет успешно решать политико-экономические и социо-культурные проблемы области. «Краеведение, – отмечает академик С.О. Шмидт, – помогает определить способ переустройства настоящего, выделить конкретные направления движения в будущее, предостерегает от механического распространения на все территории и все сообщества общих умозрительных понятий о модели будущего и о способах его построения» [9]. Российский исторический опыт свидетельствует, что комплексный учет своеобразия отдельных территорий определял эффективность проводимых реформ (социальных инноваций), пример тому – преобразования императора Александра II и результативность новой экономической политики большевиков (НЭП).

Итак, педагогическая продуктивность, познавательная эвристичность, мощный ресурс модели устойчивого развития на региональном уровне подчеркивают инновационность, прикладной характер краеведения. Фиксируя на предельном социокультурном уровне связь трех модулей времени (прошлого, настоящего, будущего), краеведение отражает саму основу исторической последовательности инновационного процесса. Этот преемственный пространственно-временной контекст краеведения, сохраняя, воспроизводя и транслируя локальную специфику этнокультурного мира, эффективно формирует историческое мышление молодого поколения (главная задача школьного исторического образования), что в условиях глобализации, интернационализации является важнейшим фактором духовной безопасности российского общества, ибо утрата социокультурной самобытности неизбежно ведет к потере своего особого места в общемировой семье культур и цивилизаций, а в конечном счете – к существенному ослаблению экономических и геополитических позиций. Отсюда и утверждение академика С.О. Шмидта: «Без

краеведения нет России!» [10]. Развитие краеведения действительно задача федерального масштаба, важная и для всей России и для отдельных ее регионов – и крупных областей и малых городов [11].

Значимость краеведения выдвинуло его в качестве одного из важных средств в реализации концептуальных положений, сформулированных в Законе Российской Федерации «Об образовании» и развитых в «Национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 года», «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года». С введением профильного обучения в 2006 году в старших классах историческое краеведение выступает необходимым звеном в гуманитарной подготовке учащихся, в выработке способностей самостоятельно творчески осмысливать исторические события на локальном уровне исторического времени и пространства. В стандартах второго поколения новая структура Базисного плана, ориентированная на развитие вариативности образования, мобилизует дидактический ресурс исторического краеведения, значительно расширяя права участников школьного процесса на удовлетворение региональных, местных, этнокультурных потребностей и интересов. Инвариантная часть базисного учебного плана в начальной и основной школе составляет 65 %, а на вариативную часть отводится 35 %. В старшей школе соотношение иное: инвариантная часть базисного учебного плана составляет 35 %, а вариативная – 65 % [12]. В каждом классе выделяется в среднем по 10 часов в неделю на внеурочную деятельность, в которую включается историко-краеведческая познавательная и исследовательская практика.

В современной школе, как отмечает А.Е. Сейненский, различают три уровня познавательной краеведческой работы учащихся (в реальном образовательном процессе они органически связаны друг с другом, составляют единое поле познавательной деятельности школьников): 1) получение учащимися «готовых» знаний о крае со слов учителя, из учебных пособий и сообщений СМИ; 2) самостоятельное приобретение знаний, обеспечивающее условия для более активной познавательной работы учащихся. Источниками знаний выступают, кроме учебных пособий, научно-популярная и научная литература, публикации в местной и центральной периодической печати, материалы школьных и государственных музеев, ресурсы Интернет; 3) изучение истории родного

края в ходе углубленного исследовательского поиска, представляющего научный интерес, – когда ученики фактически выступают в роли «юных ученых»-исследователей. Обычно это члены краеведческих кружков и ученических научных обществ, слушатели факультативов. Первый уровень – главный в начальных классах. Для 9-летней школы характерны первый и второй уровни. В средней школе возрастает удельный вес краеведческой работы третьего уровня [13].

Существенным и традиционным недостатком школьного краеведения является преобладание в образовательном процессе первого уровня, когда используется, как отмечал профессор Д.В. Кацюба, лишь «словесно-книжный метод» – изложение на уроках готовых знаний о своем крае [14], т. е. объяснительно-иллюстративный метод (тип сообщающего обучения). Познавательная деятельность при данном методе сводится к запоминанию информации в «готовом» виде (которое может быть и неосознанным), поэтому мыслительная активность школьников не выходит за рамки репродуктивного (воспроизводящего) мышления, что в минимальной степени способствует развитию инициативы, творчества и не гарантирует раскрытие креативных способностей учащихся. Ориентированное на усредненного ученика «словесно-книжное краеведение» (определение А.Е. Сейненского) не учитывает индивидуальные наклонностей и способностей, поэтому не способствует индивидуализации обучения. Информационная емкость сообщающего типа обучения достигла предела: объем потенциально полезного знания превосходит возможности его освоения на несколько порядков – информационный взрыв [15]. Качество восприятия, прочность краеведческих знаний резко снижается. Получая обилие книжных сведений о крае, учащиеся в то же время имеют крайне мало возможностей применять свои знания на практике, поэтому краеведение усваивается формально и нередко вообще отторгается, забывается [16]. Как выход С.О. Шмидт предлагает: «чтобы занятия в классе совмещались с визуальным ознакомлением с культурным и природным наследием своего края, хотя бы ближайшей местности, еще лучше, если бы совмещались и с туристическими походами, участием в охране и реставрации памятников истории и культуры, овладением навыками традиционных для края ремесел, чтобы была «деятельственная программа» обучения краеведению». В школьной программе

краеведения, – продолжает академик, – слишком акцентируется внимание на собственно памятниковедении, памятных событиях, славных уроженцах. И у ребят не формируется представление об обыденной жизни и взаимодействии общества и природы в прежние времена, о культуре повседневности [17].

Таким образом, в школьной практике «западает» ключевой, инновационный компонент историко-краеведческой работы – «знание в действии» – непосредственное участие учителей и учащихся в исследовательской деятельности по изучению истории края. Работа по краеведческой тематике, – подчеркивал профессор Д.В. Кацюба, – требует самостоятельного исследования. Краеведение немыслимо без исследовательского метода [18]. Предусматривая творческое усвоение знаний, исследовательский метод (продуктивный тип проблемно-поискового обучения) активизирует познавательную деятельность субъекта обучения, процесс мышления приобретает продуктивный характер, что развивает интерес к предмету, формирует самостоятельность, творческие качества личности. Сущность исследовательского метода в школьном краеведении состоит в «приобщении учащихся к методам исторической науки на краеведческом материале» [19]. Его качественная особенность – в постепенном переходе от имитации научного поиска (что уже полезно) к действительному научному или научно-практическому поиску. Проблемно-поисковый тип обучения системно и эффективно практикуется в структуре дополнительного образования как Центр детско-юношеского туризма и краеведения Министерства образования РФ – программа «Отечество» [20]. В Кемеровской области это областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий Департамента образования и науки – программа научно-исследовательских работ учащихся «Живи, Кузнецкая земля» [21]. Следует подчеркнуть, что в целом в общеобразовательных учреждениях творческая деятельность учащихся организована, как правило, в форме факультативных курсов и программ дополнительного образования, весьма редко – в виде самостоятельных исследовательских домашних заданий, и совершенно недостаточно – в виде исследовательских заданий на уроке [22]. Существующая на сегодняшний день система образования фактически не ориентирована на развитие творческих способностей учащихся. Согласно

результатам исследований, проведенных лабораторией Института содержания и методов обучения РАО (руководитель академик РАО А.В. Хуторской), 30 % учащихся начальной школы способны создавать образовательную продукцию достаточно высокого уровня творчества. В то же время среди выпускников общеобразовательных школ таких учеников оказывается только 3 %, то есть старшеклассники гораздо хуже выполняют творческие задания. Анализ действующих образовательных стандартов, а также учебной литературы указывает, что число заданий, которые предполагают продуктивную деятельность, составляют в учебниках не более 3 % от общего числа таковых, творческий компонент в стандартах начальной школы занимает 3 % от общего объема, а в средней и старшей – и того меньше. Отсюда печальная закономерность: отечественное образование обеспечивает не более чем трехпроцентный уровень творчества, в то время как ученический потенциал в этом отношении оказывается как минимум в 10 раз большим.

Фундаментальная причина доминирования «словесно-книжного краеведения» состоит, с позиции педагогической системы, в репродуктивном варианте процесса обучения, с позиции методологии гуманитарных дисциплин, – в традиционной образовательной модели истории как науки. Последняя ведет свое начало от первых европейских университетов как корпорации учащихся и учащихся, где историческое знание передавалось экстенсивным путем – в формах исторического повествования – нарратива – изложения определенного объема готового знания. Способ «рассказывания» учащимся их собственной истории был адекватен своим целям – самоидентификации традиционно сложившейся общности, усвоению ее ценностных установок и стереотипов поведения, формированию эталона в виде условных образов исторических лиц и типов поведения. Определив эту модель как нарративистско-транслирующую, передающую готовое знание новым поколениям, профессор О.М. Медушевская предложила, исходя из разработанной ею принципиально новой теории гуманитарного познания – когнитивной методологии истории – инновационную когнитивно-информационную образовательную систему. Новая модель не просто транслирует готовое знание, объясняет, а начинает обучение методу, учит понимать, сообщая исходные данные, излагает способы выведения смысла, открытия из эм-

пирики данных, т. е. имеет иную цель. Последняя состоит, во-первых, в том, чтобы сформировать и представить в обучении целостную картину мира такой, какой, как она сложилась в данной науке; во-вторых, показать, как именно данная наука функционирует в своем качестве науки, т. е. как она добывает новое знание; в-третьих, научить создавать интеллектуальный продукт профессионально в виде исследовательской работы – самостоятельно добытое новое знание [23].

Инновационность когнитивно-информационной модели состоит, таким образом, в том, что она ориентирована на познание, а в познавательном процессе самое ценное – это обучение методу. В силу этого основное преимущество указанной образовательной концепции истории состоит, прежде всего, в передаче молодым поколениям навыков самостоятельного выведения смысла, самостоятельной оценки и критического анализа информации.

В контексте когнитивно-информационной образовательной модели истории в школьном краеведении мобилизуется не востребованный эвристический потенциал самостоятельного исследования учащихся, их эпизодическое применение в учебно-воспитательном процессе становится целенаправленным.

Объективно-инновационный краеведческий материал, являясь предельной, первичной социокультурной единицей (как говорил академик Д.С. Лихачев, краеведение ближе к изучению отдельных людей), обладает полноценной энергетикой познания, информационным магнетизмом. Это подлинное знание, ибо подлинная информация всегда идет от реальности. Отсюда чрезвычайно важная и исключительно редкая особенность краеведения как науки: у ней, – писал Д.С. Лихачев, – нет «двух уровней» – для ученых-специалистов и для «широкой публики». Оно само по себе популярно, учит не только любить свои родные места, но и любить знания о них. Это самый массовый вид науки [24]. Развивая тезис своего коллеги, С.О. Шмидт отмечает: «Процесс познания начинается с того, что более доступно пониманию, с наблюдений над тем, что ближе, виднее, осязательнее. Тем самым, изначальные представления и о природе, и об обществе, и об их развитии и взаимосвязи возникают из собственно краеведческих представлений. Поэтому-то краеведные знания в основе первичного воспитания и обучения и выработки понятий

о важности опыта прошлого, в фундаменте исторической памяти. Это – и школа первичной методики мышления, формирования понятий об общем и особенном, а также и о приемах анализа и синтеза, комплексности знаний, а затем и о междисциплинарных научных связях» [25]. Свойственная краеведению изначально информационная энергетика обеспечивает эффективность обучения исследовательскому, творческому подходу, создает комфортные условия для самостоятельного исследования, что развивает креативность и инициативу школьников. Краеведение, – указывал профессор Д.В. Кацюба, – является той естественной лабораторией, где учащиеся ставятся в положение исследователей, где можно организовать самостоятельную работу, знакомить их с методами исторической науки. Юный историк не имеет готового текста, характеризующего прошлое и настоящее родного села, города. Он должен сам принять участие в его составлении, а для этого ему надо посетить музей, архив, предприятие, встретиться со старожилами, поработать над книгой, документом, газетой, то есть включится в настоящую исследовательскую работу [26].

Современный опыт педагогической практики продуктивного проблемно-поискового типа обучения, реализующего исследовательский метод, позволяет дать следующую классификацию творческих работ учащихся: 1. Художественно-графические – рисунки, картины, резьба, лепные работы и т. п., отражающие чувственно-эстетическое восприятие мира; 2. Техническое творчество – различные модели, макеты, игры и т. п.; 3. Литературно-художественные – сочинения, рассказы, эссе, новеллы, стихотворения и т. п.; 4. Информационно-реферативные, написанные на основе нескольких источников (как правило, опубликованных) с целью наиболее полного освещения определенной темы; 5. Проблемно-реферативные, предполагающие сопоставление данных разных источников, на основе которых дается собственная трактовка поставленной проблемы (подобная работа вполне может считаться исследовательской, если она выдержанна в рамках общепринятой структуры, имеет соответствующие признаки и выполнена на достаточно хорошем уровне); 6. Экспериментально-иллюстративные – описывают научный эксперимент, имеющий известный результат. Относятся к репродуктивным работам, но предполагают самостоятельную трактовку

результатов эксперимента в зависимости от изменения исходных условий; 7. Описательно-натуралистические – выполненные в стиле наблюдения и качественного описания какого-либо явления. В таких работах присутствуют количественные методики исследования. Одной из разновидностей натуралистических работ являются работы экологической направленности, посвященные описанию природных объектов, борьбе с отрицательным антропогенным влиянием на окружающую среду и т. п.; 8. Исследовательские – выполненные с помощью корректной научной методики, имеющие собственный экспериментальный материал, на основании которого делается анализ, обобщения и выводы о характере исследуемого объекта или явления [27]. Таким образом, учащиеся Российской школы способны создавать в изучаемых предметах образовательную продукцию сопоставимой с культурными аналогами.

Итак, продуктивный стержень школьного исторического краеведения, его эвристический потенциал – развитие креативной, самостоятельной исследовательской деятельности учащихся, полностью соответствует, во-первых, психолого-педагогической модели компетентностной дидактической системы, которая предполагает активную роль всех участников процесса обучения, имеющего реально-практическую направленность – формирование и развитие универсальных учебных действий; во-вторых, образовательной логике когнитивно-информационной концепции истории как науки, которая ставит в центр обучения познавательный метод, формирование умения создавать интеллектуальный продукт самостоятельно. Зафиксированное дидактическое единство: исследовательский метод краеведения – компетентностный подход – когнитивная концепция истории, образует инновационную триаду, которая и выступает в качестве фундаментального ядра оптимальной образовательной модели исторического краеведения, преодолевает неэффективность «словесно-книжного краеведения».

Системообразующие параметры инновационного проекта состоят: во-первых, в осмыслении учащимися сущности исторического краеведения как самопознание родного места в прошлом, настоящем, будущем, в осознании того, что им как представителям местного социума доступно эффективное, проникающее исследование края; во-вторых, в овладении приемами и методами исторического краеведения; в-третьих, в обуче-

нии учащихся умению создавать интеллектуальный продукт самостоятельно. Доминирующей методической системой инновационной модели выступает тип проблемного или проблемно-поискового обучения, для которого необходим «стартовый» уровень знаний и умений, определенный историко-краеведческий опыт, выполняющий функцию конкретного знания о незнании – когда ученик узнает и начинает понимать, что необходимо искать (актуализация незнания, цель которой – личный образовательный продукт). Основной дидактической единицей проблемно-поискового типа обучения выступает «Тема ученического исследования», которая предстает как проблемная ситуация, поэтому она узловым моментом, фокусом всего учебного процесса, реализующего новую образовательную модель исторического краеведения. Инновационно-педагогическое кредо модели – *non scholae, sed vitae discimus* – «Учимся не для школы, а для жизни».

Для успешного конструирования педагогической технологии инновационного проекта необходим, прежде всего, профессионально подготовленный педагог, имеющий глубокие знания по истории края и владеющий методикой научно-исследовательской, историко-краеведческой и музееведческой работы в школе. Это нетрадиционный преподаватель – монополист в передаче и интерпретации необходимого знания, а новый педагог – исследователь, воспитатель, консультант, руководитель инновационных, творческих проектов детей. В его деятельности творческие компетенции преобладают над дидактикой. Учитывая загруженность учителей-предметников и дидактическую объемность новой образовательной модели, требующей значительных временных затрат, вся научно-исследовательская краеведческая и музееведческая работа в школе центрируется на педагоге-краеведе. Кроме того, необходимо наличие четкого программно-методического комплекса, поскольку любая педагогическая и образовательная система зависит от уровня ее инструментальности, то есть от проработанности и алгоритмизации конкретных действий, начиная с постановки целей, определенность этапов, шагов, операций, ведущих к реализации «фирменного» дидактического проекта.

Обозначенные «проблемные поля» решаются через: 1. Подготовку педагога-краеведа кафедрой музейного дела (необходимо формировать

новую специальность с квалификацией «музеевед-педагог»); 2. Открытие на базе музея Кемеровского государственного университета культуры и искусства Научно-образовательного Центра исторического краеведения и музееведения с целью продуктивного взаимодействия: вузовская наука – школьное краеведение и музееведение – учреждение дополнительного образования детей (Областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий). Главная задача научно-образовательного Центра исторического краеведения и музееведения – теоретико-методическое обеспечение исследовательской краеведческой и музееведческой практики в школе и вузе. Предполагаемые направления: курсы повышения квалификации для педагогов по историко-краеведческому и музееведческому циклу; спецкурсы для школьников гуманитарного профиля; научно-практические конференции по проблемам исторического краеведения и музееведения в школе и вузе.

Эффективность работы научно-образовательного Центра исторического краеведения и музееведения гарантируется академическим патронажем Научно-исследовательского института прикладной культурологии, поскольку, во-первых, многоаспектность, высокая степень междисциплинарности краеведения соответствует культурологической модели научного знания; во-вторых, формирование личности современного школьника невозможно без культурологического контекста. Кризис образования, как отмечает академик А.Г. Асмолов, – это обнищание души при обогащении информацией. В-третьих, теоретико-методологический, методический и организационный опыт НИИ прикладной культурологии востребован инновационным проектом исторического краеведения.

Примечания

1. Российское образование – 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях // «Модернизация экономики и глобализация. – М., 2008. – С. 4.
2. Кузнецов, А.А. Разработка Федеральных государственных стандартов общего образования // Педагогика. – 2009. – № 4. – С. 3.
3. Вербицкий, А.А., Ермакова, О.Б. Школа контекстного обучения как модель реализации компетентностного подхода в общем образовании // Педагогика. – 2009. – № 2. – С. 12.
4. Российское образование... – С. 37.

5. Асмолов, А.Г. Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения // Педагогика. – 2009. – № 4. – С. 20–21.
6. Кацюба, Д.В. Историческое краеведение в школе и в вузе. – Кемерово, 1994. – С. 23.
7. Феноменов, М.Я. Изучение быта деревни в школе. – М., 1925. – С. 6.
8. Шмидт, С.О. Вступительное слово // Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России. – М., 1999. – С. 11.
9. Шмидт, С.О. Краеведение и документальные памятники. – Тверь, 1992. – С. 6.
10. Шмидт, С.О. Без краеведения нет России! // Мир библиографии. – 1999. – № 1. – С. 2.
11. Шмидт, С.О. История, современное состояние и перспективы развития краеведения // Краеведение в России. История. Современное состояние. Перспективы развития. – М., 2004. – С. 11.
12. Вяземский Е.Е. Государственный образовательный стандарт общего образования второго поколения: инновационный характер, функции, особенности//Преподавание истории в школе. – 2009. – № 8. – С. 12.
13. Сейненский, А.Е. Историческое краеведение в современной школе // Краеведение в России. История. Современное состояние. Перспективы развития. – М., 2004. – С. 225–226.
14. Асмолов, А.Г. Указ. соч. – С. 30.
15. Российское образование... – С. 12.
16. Ковшов, С.В. Краеведение как один из способов повышения эффективности учебного процесса // Вопросы образования. – 2009. – № 1. – С. 211–222.
17. Шмидт, С.О. История, современное состояние... – С. 27.
18. Асмолов, А.Г. Указ. соч. – С. 71.
19. Там же.
20. Туристско-краеведческое движение обучающихся Российской Федерации «Отечество» (Программа) 1998 г. // Туристско-краеведческое движение «Отечество»: Исследования. Конференции. Конкурсы. – М., 2004. – С. 130–145.
21. Архандеева, Г.А. Живи, Кузнецкая земля! Программа дополнительного образования. – Кемерово, 1999.
22. Озеров, А.Г. Исследовательская деятельность как форма и метод обучения // Туристско-краеведческое движение «Отечество»: Исследования. Конференции. Конкурсы. – М., 2003. – С. 9.
23. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории. – М., 2008. – С. 308–309, 312–313.

24. Лихачев, Д.С. Русская культура. – М., 2000. – С. 159–160.
25. Шмидт, С.О. История, современное состояние... – С. 13.
26. Кацюба, Д.В. Указ. соч. – С. 62.
27. Озеров, А.Г. Указ. соч. – С. 9–10.

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ХОББИ-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И.М. Верещагина

Современный человек чаще рассматривает любительскую инициативу как личное волеизъявление, в рамках которого он реализует свободу действий, но на выбор тех или иных занятий в пространстве свободного времени влияют также социальные факторы, например, мода, реклама или статус. В ходе любительской деятельности каждый человек осознает свою идентичность с культурной средой, глубже интегрируется в жизненное пространство всего общества.

Инициативу по организации новых любительских занятий мы представляем в виде классификации следующих хобби-инициатив:

Консервационные хобби-инициативы – те из них, которые поддерживают уже существующие традиционные виды. Такие инициативы обычно проявляются в создании энтузиастами шахматных и компьютерных кружков и клубов, фольклорных ансамблей, студий бального танца, изостудий, спортивных секций и т. д.

Реконструкционные хобби-инициативы связаны с возрождением тех увлечений, которые с течением времени были утрачены, – это историческое моделирование и фехтование, бой на мечях, рыцарские турниры; плетение из бисера, лозы, бересты; хороводы, вечерки; народные промыслы и т. д.

Инновационные хобби-инициативы – новые, неординарные виды хобби, которых ранее не существовало. Это увлечения, связанные с техническими возможностями, современными реалиями жизни, – серфинг, дайвинг, пейнтбол, мотореставрация, ролевые игры, разнообразные компьютерные занятия, экстрим и др.

В разные исторические эпохи и в разных культурах преобладают те или иные виды хобби-инициатив. Так, для Средних веков в основном были характерны инициативы по консервации существующих видов хобби (фехтование, народные танцы; на Востоке – икебана, чайные церемонии).

В модернистскую эпоху XX века появилось много инновационных любительских инициатив: виды спорта и физические занятия (фристайл, сноубординг, скейтбординг, шейпинг, фитнес, бодибилдинг и др.), видео, ролевые и компьютерные игры, автомобильные хобби, субкультурные явления (хиппи, панки, металлисты, эмо, готы, граффити, байкеры и др.).

Современная эпоха постмодернизма, испытывая высокую потребность в диверсификации увлечений, наряду с инновационными повлекла за собой развитие реконструкционных хобби, ориентированных на культурно-историческую полифонию (движение толкиенистов, цигун, ушу; историческое моделирование, фэн-шуй, народные танцы, хороводы, посиделки, вечерки, пение старинных песен и т. д.), и экстремального любительства (сплав по горным рекам, стритрейсинг, ружинг, мотокросс, паркур, гонки на квадроциклах, роллерспорт, опасные путешествия, игры и т. п.).

Все виды хобби-инициатив представляют собой феномен, положительно влияющий на социальную и культурную сферы жизни, способствующий интеграции людей, развитию и поддержанию их коммуникативных связей. Правильно организованные хобби-занятия ведут к созданию коллектива, общности, способной к рациональной организации свободного времени, творческому созиданию, в процессе которого открываются ранее неизвестные возможности личности.

В настоящее время развитие хобби-деятельности проходит в основном в форме самоорганизации молодежных объединений, способствующих наиболее полной реализации социально-культурной активности индивидов.

В качестве примера можно привести такой инновационный вид хобби, как блоггинг, ставший ярким подтверждением сочетания личного саморазвития и социальной активности. В течение короткого времени блоггинг стал не только универсальной формой общения в Ин-

тернете, но и способом самообразования, коммерческой деятельности, проведения досуга. С его помощью сегодня решается широкий спектр социально важных проблем. Популярность блогов в молодежной среде привела к тому, что они с легкостью превратились в хобби и для многих известных людей: депутатов, государственных деятелей, юристов, журналистов, писателей, артистов и др.

В документе «О стратегии государственной молодежной политики в РФ» за 2006 год говорится, что для вовлечения молодежи в общественную жизнь и развития ее активности, инициативы следует использовать и всемерно поддерживать инновационные формы СКД, в том числе внедрение системы развивающих, ролевых и спортивных игр [1].

Мы также считаем, что в динамизации хобби от личностного интереса к активному социально-культурному творчеству большое значение могут иметь специально подготовленные, педагогически продуманные и технологически поставленные ролевые игры. Являясь формой креативной деятельности человека, ролевые игры дают ему не только возможность творческого самовыражения и самореализации (в качестве организатора, исполнителя, зрителя), но и возможность освоения новых знаний, приобретения социального опыта взаимодействия в социуме, а это – интересное общение, интеграция, толерантность в коллективе, мотивация к личностному росту, творчеству, самопознанию и самовоспитанию.

Следует отметить, что в настоящее время ролевые игры как хобби подростков и молодежи находятся на пике популярности. Так, в феврале 2009 года в Томске, в лагере «Восход», XVI Сибирский конвент ролевых игр (Сибкон) собрал 800 «ролеви́ков» со всей России. Достаточно перечислить пункты программы этого мероприятия, чтобы понять, почему так любит молодежь ролевые игры. Это турниры (ножевой, мечевой, борцовский, фехтовальный и другие), состязание лучников, тематические семинары, красочный бал по сюжету книги «Унесенные ветром», концерты, конкурс ролевых миниатюр, ярмарка, выставка рисунков и фотографий, мастер-классы.

Сама игра, ее педагогические цели, технологии, социализирующие и инкультурирующие личность, дают большой простор организаторам досуга, как для традиционных наработок в этой области, так и для творческих инноваций.

Вместе с тем, в обществе появились и другие игры, которые стали хобби довольно значительной части молодежи. Говоря о диверсификации увлечений, следует обозначить тенденцию возрастания особого интереса подростков и молодежи к экстравагантным и экстремальным увлечениям.

В последнее время в среде молодых офисных работников и руководителей фирм укрепилось модное хобби – неординарные социально-ролевые игры с экстремальным заданием. Как считает создатель компьютерной игры «Стражи темноты» и ряда других игр бизнесмен из Белоруссии Антон, «игра – это серьезно, она увлекает, засасывает в виртуальное пространство».

Но особенную популярность приобрели в Москве, Петербурге и других крупных городах России уличные игры с экстремальным заданием. Например, игра «Схватка» проходит, как правило, по мотивам какого-нибудь произведения, участники действия получают экстравагантное задание, иногда нелепое («быть всем в подгузниках»), которое безоговорочно выполняют.

Широкое распространение получила активная уличная игра под красноречивым названием «Грохни!», в которой каждый желающий может почувствовать себя объектом заказного убийства: выбирается людное место в городе, «охотник» с водяным пистолетом и преследуемая им «жертва». Место действия обязательно должно быть людным: кафе, магазин, транспортная остановка, рынок и т. п. Неудивительно, что очевидцы этого зрелища нередко вызывают милицию, искренне полагая, что пресекают потенциальное преступление. Организатор и вдохновитель игры Андрей (директор одной из фирм) убежден, что «человек – агрессивное животное, которое не может не убивать».

В Томске у офисных работников очень популярны игровые проекты «Дозор» и «Мегавест» [2]. «Дозор» – командная игра, включающая в себя соревнование по ночному городскому ориентированию, актерские и ролевые уровни, экстремальные и логические задания. В каждом из 10 заданий игры зашифровано местоположение кода или человека в городе. Задача – пройти последовательно все 10 уровней раньше других команд. Интересно отметить, что в «Дозор» играют уже в 180 городах России, а также на Украине, в Молдове, Казахстане, Литве.

В игре «Мегавест» участники на машинах путешествуют по городу в поисках секретных игровых зон. Для того чтобы найти эту зону, они должны выполнять задания – разгадать загадки на историческую тематику и получить информацию о местонахождении зоны. Испытания требуют от участников не только интеллектуальных, но и физических способностей: необходимо отыскать метку, добыть код и затем отправить его через Интернет Мастеру игры. За правильное или неправильное прохождение команды получают баллы и штрафные очки.

Эти и другие игры с энтузиазмом подхвачены любителями уже более 180 городов. Игроки объясняют причину приверженности этому хобби получаемыми в игре адреналином, азартом, соперничеством, яркими эмоциями. Игра для них имеет, прежде всего, терапевтический эффект: днем они напряженно трудятся, а вечером таким образом отдыхают, расслабляются.

Существует и другая разновидность молодежных занятий – с детскими игрушками: куклами, лошадками, железной дорогой, машинами, оружием. Чувствовать себя ребенком – еще один нюанс игры, где взрослые воплощают мечты детства, по сути сами превращаясь в детей. Известно, что в Америке приветствуется «игра в детство» и для этих любителей ежегодно организуется фестиваль и шествие по городу взрослых людей, переодетых в любимых героев мультипликационных фильмов.

Следует подчеркнуть, что культурный инфантилизм – сознательный выбор современного человека. Подобные экстравагантные увлечения можно расценивать не только как антистрессовую терапию, но и как своеобразный протест работающей молодежи против серых офисных будней, обезличивания системы, против излишней рациональности, прагматизма и бездуховности.

Кроме того, существует также немало любителей, желающих испытать острые ощущения, стремящихся пережить сильные эмоции, побороть внутренние страхи, получить запоминающиеся впечатления, повысить собственную самооценку. Эти люди, как правило, занимаются экстремальными видами спорта, в большинстве своем соблюдая технику безопасности. Однако далеко не все занятия таких любителей совмести-

мы со здравым смыслом, нравственностью, зачастую они носят разрушительный для жизни и здоровья характер.

В этой связи серьезную обеспокоенность у педагогов, психологов, социологов вызывают подростковые экстремальные увлечения, граничащие с жестокостью, безрассудством, неоправданным риском. Например, прыжки с высокого моста с зонтиком, причинение себе физических увечий (игра «Реаниматор»), публичное унижение, создание и съемки шокирующих трюков и размещение их в Интернете (группа «Деблорды») и т. п.

Подростки, чей досуг испытывает дефицит педагогического наполнения, ищут опасных приключений – в результате появляются нецивилизованные игры на грани жизни и смерти как своеобразный вызов общественной системе правопорядка. Любительская инициатива в данной ситуации не несет позитивности, а свободное время превращается в зону повышенного риска и деструктивных форм поведения.

Говоря об инновационных формах организации любительской деятельности, необходимо также выделить стремительно развивающуюся сегодня тенденцию модифицирования хобби в предпринимательство и бизнес, превращения увлечений на досуге в средство повышения материального благосостояния.

Развитие рыночных отношений в России повлекло за собой трансформацию досугового поведения людей, являющуюся одним из важных компонентов общей социальной и культурной динамики. Для любителей, в основном с низким материальным достатком, увлечения стали средством самообеспечения, для некоторых и выживания, а люди предприимчивые в своем стремлении получить прибыль поставили на поток производство товаров и услуг, относящихся к хобби.

Указанная нами тенденция перерастания хобби в средство самообеспечения, предпринимательство и бизнес, позволяет сделать вывод о том, что в России полным ходом идет процесс **капитализации** любительской деятельности, и ее романтика прошлого, направленная на духовное и эстетическое развитие, социализацию, инкультурацию личности, сегодня уступила место прагматизму, экономическому и деловому обеспечению, тотальной коммерциализации. Любительство, интегрированное в активное социально-культурное творчество, становится

не только традиционным средством самовыражения, самореализации, но и является эффективным способом адаптации личности к социально-экономической среде ее выживания и успешной деятельности в новом экономическом пространстве.

Таким образом, хобби как конкретный вид любительской деятельности не только служит основой для совместного творчества, но и обладает способностью трансформироваться в бизнес, становясь бизнес-проектом и формой социальной (в данном случае экономической) активности.

Как видно из вышеизложенного, спектр увлечений и деятельности российской молодежи достаточно широк, и в инновационной организации досуга подрастающего поколения мы наблюдаем сложные и противоречивые явления.

Примечания

1. О Стратегии государственной молодежной политике в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2006 № 1790-р // Собрание законодательства РФ. – 2006 (ч. 111). – № 52. – Ст. 5622.
2. DozoR [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

ИННОВАЦИОННЫЙ ОПЫТ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА КАК РЕСУРС СОТРУДНИЧЕСТВА ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ХРАМОВ КУЗБАССА С СОЦИАЛЬНЫМИ АНТРОПОЛОГАМИ И КУЛЬТУРОЛОГАМИ ПО РАБОТЕ С ЛИЦАМИ, ОКАЗАВШИМИСЯ В СЛОЖНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

М.А. Шевченко

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и международными правовыми актами в учреждениях и органах ФСИН России осуществляют постоянное служение представители различных конфессий. Тем самым реализуется право каждого осужденного и сотрудника на свободу вероисповедания. Осужденным в рамках

правил внутреннего распорядка разрешается пользование предметами культа и религиозной литературой, совершение религиозных обрядов в специальных помещениях, выделяемых администрацией учреждений ФСИН России.

Первой конфессией, с которой заключено официальное соглашение о сотрудничестве, является Русская православная церковь. С 1998 г. совместная работа сотрудников уголовно-исполнительной системы и представителей Русской Православной Церкви по окормлению осужденных носит комплексный и плановый характер. Причем, как отмечает в статье «Проблемы правового сотрудничества Русской православной церкви и исправительных учреждений» В.Б. Первозванский: «Одним из первых был подписан в 1998 году договор о сотрудничестве между Главным управлением исполнения наказаний по Кемеровской области и Кемеровской и Новокузнецкой Епархией Русской православной церкви».

В настоящее время существенно изменился взгляд на религию. Особую роль приобрело религиозное воспитание в пенитенциарных учреждениях, так как именно в условиях изоляции от общества у людей часто происходит переосмысление взглядов на существующую действительность.

Представители Русской православной церкви активно участвуют в работе Общественного совета при начальнике ГУФСИН России по Кемеровской области, Комиссии по вопросам помилования на территории Кемеровской области, посещают учреждения, принимают непосредственное участие в решении дальнейшей судьбы осужденных. Во всех исправительных учреждениях для пастырских посещений Епархией закреплены конкретные священнослужители и приходы, в учреждения доставляется духовная литература, осужденным оказывается гуманитарная помощь в виде продуктов питания, одежды и обуви.

Сотрудничество учреждений ФСИН России с Русской православной церковью носит конструктивный и плановый характер. Священники активно участвуют в воспитательном процессе и оказывают положительное влияние на осужденных, что позитивно отражается на морально-психологическом климате в исправительных учреждениях, способствует поддержанию стабильной обстановки во всей уголовно-исполнительной

системе России. Неуклонное исполнение законодательства в сфере обеспечения права осужденных на свободу вероисповедания, взаимное исполнение обязательств в соответствии с планами по реализации Соглашения о сотрудничестве ФСИН России с Русской православной церковью является залогом плодотворной работы по возвращению обществу социально адаптированных законопослушных граждан.

Наличие большого числа осужденных, которые нуждаются в духовном окормлении, возрастание роли религии в их воспитании требуют более тесного взаимодействия между администрацией исправительных учреждений и Церковью, поэтому обращение сотрудников уголовно-исполнительной системы к богатейшему наследию Русской Православной Церкви не случайно.

В последние годы в ГУФСИН России по Кемеровской области созданы условия для удовлетворения религиозных потребностей осужденных, духовных и моральных запросов, соблюдения национальных традиций, обычаев и обрядов.

Следуя требованиям ст. 14 УИК РФ «Обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осуждённых», сегодня в исправительных учреждениях Кемеровской области функционируют 17 храмов, домовых церквей и часовен, 4 храма и часовни находятся в стадии строительства, действует 15 молельных комнат уголков, работают 26 православных воскресных школ. В учреждениях области функционирует 26 общин Русской православной церкви, 28 библиотек с 29650 экземплярами религиозной литературой, есть небольшие библиотеки с подобной литературой и в отрядах.

Как осуществляется взаимодействие Уголовно-исполнительной системы Кузбасса с представителями Русской православной церкви, мы можем проследить на примере деятельности пяти последних лет:

2004 г. Согласно договору о сотрудничестве между ГУИН Минюста РФ по Кемеровской области и Кемеровской и Новокузнецкой епархией, ведётся планомерная работа по обеспечению реализации прав верующих УИС, по организации совместной деятельности в области просветительской и воспитательной работы УИС Кемеровской области.

В «Основах социальной концепции Русской православной церкви» закреплено положение о важности тюремного служения: «Возрождение

душепопечения о заключенных становится важнейшим направлением пастырского и миссионерского делания, нуждающемся в поддержке и развитии».

Начиная с 2003 года акцент был сделан на работе с личным составом учреждений, ведь от их взглядов на религию во многом будет зависеть и то, как серьезно будут подходить осужденные к вопросам веры. Так, сотрудники ОБРО и ИУ области по приглашению Епархиального управления принимают участие в проведении собраний благочинных территориальных органов, которые проходят в Знаменском кафедральном соборе под патронажем архиепископа Кемеровского и Новокузнецкого Софрония.

В декабре 2003 года было положено начало проведению долговременной акции «Спешите делать добро!» Управления Кемеровской и Новокузнецкой епархии совместно с ГУИН. Для всех учреждений области епархиальное управление подготовило библиотечки с православной литературой, в общей сложности 1700 экземпляров на сумму 6 тысяч 147 рублей. Средства на приобретение литературы получены Кемеровской и Новокузнецкой Епархией от Фонда «Помощь Церкви в беде» (Германия). Открытие акции проходило в ИУ-5 города Кемерово, приятным подарком для осужденных было выступление ребят из студии «Исток».

В рамках акции «Спешите делать добро!» с начала года прихожанами Знаменского кафедрального собора г. Кемерово была оказана гуманитарная помощь осужденным кемеровских колоний на общую сумму более 64 тысяч рублей. Это была адресная помощь комплектами вещей, обуви, продуктов, моющих средств отдельным осужденным, чаще всего сиротам и людям, потерявшим социальные связи. Большая работа проводится священнослужителями в «Дни открытых дверей» в ИУ, ведь часто родственники, приезжающие к осужденным, сами нуждаются в поддержке и понимании. Сотрудники ОБРО приняли участие в работе межрегиональной научно-практической конференции «Социальная доктрина Русской православной церкви и современное российское общество» при участии администрации Кемеровской области, Кемеровского государственного университета культуры и искусств, а также в межрегиональной научно-практической конференции «Духовная безопасность

России. Пути Возрождения Отечества» при участии общероссийского общественного движения «Россия православная».

Согласно перспективному плану основных мероприятий на 2001–2004 годы по реализации Соглашения о сотрудничестве Минюста Российской Федерации и Русской православной церкви введено в практику деятельности учреждений проведение культурно-просветительских встреч с выступлениями коллективов духовной музыки и пения с участием представителей творческой интеллигенции, в особенности – специалистов КемГУКИ.

В ИУ г. Кемерово проводят встречи с осужденными участники студии «Радуга созвучий» при «Лиге защиты культуры», организованной Сектором духовной литературы Областной библиотекой им. Федорова. Коллектив студии представляет программу авторских стихов и песен нравственно-духовной направленности, проводит беседы. Свой вклад в духовное воспитание осужденных вносят сотрудники Кемеровского областного музея изобразительных искусств. В учреждениях Мариинска, Ленинска-Кузнецкого, Юрги, научный сотрудник просветительского отдела музея В.А. Ефименко, представляла привезенную из фондов коллекцию икон 19 века, рассказывала о традициях христианской иконописи.

2005 г. Для координации совместной работы Русской православной церкви со структурными подразделениями силовых министерств и ведомств Кузбасса в Кемеровской и Новокузнецкой Епархии организован отдел по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями под руководством протоиерея Владимира Курлюты. 21 сентября 2005 года в День воинской славы России состоялось открытие патриотического клуба в Ленинск-Кузнецкой воспитательной колонии, на котором присутствовали представители Русской православной церкви, общественности и СМИ. Участвуя в работе клуба, воспитанники узнают много интересного об истории России, православных традициях русского народа.

В честь праздника «Дня примирения» для всех учреждений области Епархиальное управление Знаменского кафедрального собора подготовило библиотечки с православной литературой, в количестве 4 тысячи 250 экземпляров на сумму 275 тысяч 105 рублей. В ноябре 2005 г. ОВРО

ГУФСИН России по КО принял участие в VII Иоанновских образовательных чтениях «Православные ценности в системе образования и воспитания», которые были организованы администрацией Кемеровской области и Кемеровской и Новокузнецкой Епархией.

2006 г. В феврале православная община осужденных ИК-1 (г. Мариинск) за участие во Всероссийском смотре деятельности православных общин осужденных «Не числом, а смирением» была награждена памятным дипломом ФСИН России и Синодального Отдела по взаимодействию с Вооруженными силами Московского Патриархата. Большое значение в работе православных общин ИУ области отводится работе православных воскресных школ, организация занятий которых проводится совместно с представителями Русской православной церкви. Занятия помогают верующим осужденным решить многие нравственные проблемы.

Активизировалась работа православных воскресных школ, которые начали функционировать дополнительно в 26 исправительных учреждениях Кемеровской области. В процессе работы воскресных школ появляются определенные наработки и традиции. Так, в православной воскресной школе ИУ-16 с участием слушателей ПВШ проходит празднование престольных праздников, сопровождающееся церковными песнопениями, исповедью, причащением. Завершается празднование чаепитием. В день Ангела каждому члену общины даруется икона или церковная книга. Два раза в месяц лекции психолого-педагогической направленности в ПВШ проводит руководитель Кемеровской региональной организации «Милосердие и душепопечение» Т.И. Помыткина.

В Кузбассе в ноябре 2006 года проходили VIII Иоанновские образовательные чтения «Религиозность в современной России», в которых приняли участие сотрудники ОВРО ГУФСИН России по Кемеровской области и начальники ОВРО Кемеровских колоний. Чтения были организованы Отделом религиозного образования и катехизации Кемеровской и Новокузнецкой епархии Русской православной церкви совместно с Департаментом образования администрации Кемеровской области.

2007 г. С декабря 2006 по апрель 2007 года в ИУ области проводился творческий конкурс по изготовлению церковной утвари среди

осужденных «Святая Пасха», организованный при поддержке Департамента культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области и Отдела по взаимодействию с правоохранительными органами Кемеровской и Новокузнецкой Епархии. 82 работы, поступившие на конкурс от 70 авторов, отличались самобытностью, полетом творческой фантазии, мастерски возведенной в рамки традиционных церковных канонов.

В творческом конкурсе приняли участие как верующие осужденные, так и все желающие. Работы выполнялись под руководством священнослужителей, окормляющих учреждения, дабы были соблюдены все православные каноны. Основной задачей проведения творческого конкурса стала возможность обращения осужденных к исконно русской православной религии, ведь когда они делали свои работы, то невольно размышляли о Боге, о смысле жизни. Лучшие работы были представлены на выставке в научной библиотеке им. Федорова в секторе «Духовной литературы». Вот один из отзывов: «Посмотрела работы осужденных, восхищена талантом мастеров, ощутила внутреннее тепло и прилив жизненных сил! Обязательно приведу на выставку детей и внуков! Н.В. Канькова».

Также работы осужденных вошли в состав экспозиции «Каждое дыхание да славит Господа», посвященной Великому Воскресению Христову, которая была представлена пасхальными сувенирами из фондов Кемеровского областного музея изобразительных искусств и проходила в Филармонии Кузбасса. Накануне Пасхального воскресенья творческие работы осужденных были выставлены в Знаменском кафедральном соборе г. Кемерово. Победители конкурса получили памятные дипломы и подарки от Кемеровской и Новокузнецкой Епархии.

Значительным событием для православных общин осужденных УИС Кузбасса стало освящение нового здания храма Феофана Затворника в ИУ-5, которое стало функционировать в мае 2007 года. Ранее храм располагался в подвальном помещении клуба для осужденных, сейчас это отдельно стоящее здание из красного кирпича. Православный храм был построен и расписан силами осужденных при участии священнослужителей: отца Александра (Зленко) и отца Александра (Демченко). Освящал храм лично епископ Кемеровский и Новокузнецкий Аристарх.

По обоюдному желанию губернатора Кемеровской области А. Тулеева, руководителей Верх-Чебулинского района и отца Дмитрия (Малюкина), настоятеля Усть-Сертинской и Верх-Чебулинской церкви Косьмы и Домиана, пос. Верх-Чебула Мариинского района в поселке Верх-Чебула было решено построить часовню в честь преподобомученика Филарета Срезского, который в годы репрессий отбывал срок наказания по статье 58 в ИУ-3 пос. Ново-Ивановка. Также А. Тулеев решил подарить жителям района кедровый бор. Принять добровольное участие в благоустройстве территории под кедровый бор и часовню откликнулись многие осужденные. С 21 по 28 апреля 2007 года двадцать осужденные усердно работали: расчищали территорию, убирали мусор, проводили разметку участка, посадили 1100 саженцев кедра, который является символом процветания.

Осужденные внесли посильный вклад и в возведение часовни. Приводим слова осужденного А. Торгунакова: «После этой работы мы испытывали только чувство удовлетворения и никакой усталости! Непогода не в счет, возвращались с работы веселые, с приподнятым настроением, знали, что создаем красоту для себя и для своих потомков. Говорили только о добром и вечном. Подготовка территории и участие в строительстве часовни как раз то дело, которое поможет сделать шаг к очищению души, возвращению к полноценной жизни!». За большую деятельность по духовно-нравственному окормлению осужденных отец Владимир Курлюта, начальник отдела по взаимодействию с правоохранительными органами Кемеровской и Новокузнецкой епархии, настоятель Знаменского кафедрального собора в мае 2007 года был награжден серебряной медалью «За укрепление уголовно-исполнительной системы».

В жизни православных общин ИУ Кемеровской области произошли изменения – с 1 сентября 2007 года настоятелем Кемеровской Пениitenciарии назначен иерей Глеб Курлюта. 31 ноября 2007 года в Знаменском кафедральном соборе состоялось совместное совещание священнослужителей, окормляющих ИУ Кемеровской области и сотрудников ОВРО ГУФСИН России по КО. Совместно с ОВРО ГУФСИН отец Глеб Курлюта посетил 12 учреждений УИС Кузбасса, проводил молебны и встречи с руководством учреждений и осужденными.

В ноябре 2007 г. начальником ГУФСИН России по Кемеровской области, генерал-лейтенантом внутренней службы В.С. Должанцевым и управляющим Кемеровской и Новокузнецкой епархией епископом Аристархом в официальной обстановке было подписано соглашение о сотрудничестве.

В ноябре 2007 года проходили IX Иоанновские образовательные чтения «Роль образования в духовно-нравственном воспитании молодежи», в которых приняли участие сотрудники ОВРО ГУФСИН России по Кемеровской области и начальники ОВРО Кемеровских колоний. Для участия в работе чтений были приглашены педагоги, ученые, деятели культуры, социальные работники, представители общественных организаций. В декабре 2007 года представителями воскресной школы Никольского храма г. Кемерово для сотрудников ВК и СИЗО были проведены мастер-классы по прикладному творчеству с целью привлечения к кружковой работе несовершеннолетних осужденных. В учреждения также были переданы рождественские подарки, выполненные учащимися православной воскресной школы.

2008 г. В Федеральной службе исполнения наказаний России высоко оценена активная деятельность по духовно-нравственному воспитанию осужденных Епископа Кемеровского и Новокузнецкого Аристарха, управляющего Кемеровской и Новокузнецкой Епархией Русской православной церкви, он был награжден серебряной медалью «За вклад в развитие уголовно-исполнительной системы России». Участие в Рождественских чтениях, проходивших в январе 2009 года в Москве, принял В. И. Бутырин, начальник отдела воспитательной работы с осужденными ГУФСИН РФ по КО, полковник внутренней службы. На чтениях затрагивались вопросы, касающиеся взаимодействия с представителями РПЦ.

В июне 2008 года в Кемеровской и Новокузнецкой Епархии Русской православной церкви состоялась рабочая встреча с епископом Аристархом, на которой присутствовал В.И. Бутырин, К.Н.Непомнящих (председатель Кемеровского отделения «Российского клуба православных меценатов») и отец Глеб Курлюта (настоятель Кемеровской пениitenciарии). На встрече решался вопрос о реконструкции жилого помещения в Мариинской воспитательной колонии под домовую церковь, спонсором выступило Кемеровское отделение «Российского союза

православных меценатов». Владыка не только благословил данное начинание, но и предложил назвать церковь в честь невинно убиенного цесаревича Дмитрия Угличского. Также владыка Аристарх рассмотрел обращение администрации ИК-35 о строительстве на территории исправительного учреждения, где находятся осужденные женщины, православного храма в честь иконы Божией матери «Споручницы грешных» и благословил доброе начинание.

В июне 2008 года в Мариинской воспитательной колонии с благословения Владыки Аристарха, епископа Кемеровского и Новокузнецкого, состоялась церемония освящения места под домовую церковь, участниками которой стали несовершеннолетние воспитанники. Отец Глеб Курлюта и отец Павел Баранов, священник церкви Святителя Николая Чудотворца г. Мариинска, отслужили молебен на начало благого дела. При проведении святого действия присутствовали: полковник внутренней службы С.А. Борзенков, заместитель начальника ГУФСИН России по КО, К.Н. Непомнящих и Ю.И. Бабий, представители Кемеровского отделения «Российского союза православных меценатов», которые выразили желание оказать благотворительную помощь на реконструкцию жилого помещения под домовую церковь для несовершеннолетних преступников.

В сентябре 2008 года исполнилось 15 лет Кемеровской и Новокузнецкой Епархии, в связи с этим в области прошел ряд мероприятий, посвященных юбилейной дате, в которых приняли участие сотрудники УИС Кузбасса и осужденные, в том числе и члены православных общин.

В этом же году итоги принципиально нового опыта реализации совместного с антропологами и культурологами КемГУКИ научно-практического проекта под руководством Кузнецовой Е.С. были представлены и отмечены дипломами на юбилейной выставке-ярмарке «ЭКСПО-Сибирь» «Святая Русь – Великая Россия», посвященной 15-ю Кемеровской и Новокузнецкой епархии.

Привлечение данных специалистов в практику просветительской работы вызвало серьезную заинтересованность специалистов системы ГУФСИН в дальнейшем продолжении сотрудничества с деятелями науки, культуры и образования НИИ ПК КемГУКИ. Так, непосредственное участие в организации и проведении на последующих этапах

реализации совместных проектов, а именно – в рамках организации антропологической экспертизы результатов участия осужденных в просветительских креативных практиках, нацеленных на развитие мотивации и потребностей в трудовой занятости и освоении осужденными народных промыслов (проект НИИ ПК КемГУКИ «Культурология: от теории к практике» (автор – Кузнецова Е.С.)) были отмечены дипломом второй степени выставки-ярмарки «ЭКСПО-Сибирь» на Неделе предпринимательства и бизнеса в 2008 г. и позже – в 2009 г.

8 сентября 2008 года состоялись первые Кузбасские сборы военного духовенства, посвященные 15-летию Кемеровской и Новокузнецкой Епархии. Участие в работе сборов приняли представители Администрации Кемеровской области, руководство Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, руководители Епархиальных отделов по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями Сибирского федерального округа, должностные лица Главных управлений Кемеровской области и их структурных подразделений, военных образовательных учреждений, военнослужащие Кемеровского гарнизона. Участников сборов приветствовал заместитель Губернатора Кемеровской области М.А. Рудник. Перед собравшимися выступил профессор Московской Духовной семинарии, преподаватель философского факультета МГУ, диакон Андрей Кураев. О деятельности Русской православной церкви в исправительных учреждениях Кемеровской области рассказал в своем выступлении начальник ГУФСИН России по Кемеровской области генерал-лейтенант внутренней службы В.С. Должанцев. Цель сборов – обратить внимание на необходимость усиления духовно-нравственного и военно-патриотического воспитания военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, членов их семей, а также лиц, находящихся в местах лишения свободы; ознакомить и миссионерской и пастырской деятельностью Кемеровской и Новокузнецкой Епархии.

Приятным событием в программе проведения сборов стало награждение церковными наградами, в том числе и сотрудников УИС Кузбасса. В.С. Должанцев был награжден юбилейной медалью к 15-летию Кемеровской и Новокузнецкой Епархии, начальникам исправительных

учреждений и сотрудникам воспитательных отделов с осужденными были вручены Архиерейские грамоты и благодарственные письма.

В июле 2008 года в ИУ Кемеровской области был объявлен конкурс самодеятельного художественного творчества осужденных «Россия Православная: Путь духа – путь сердца», посвященный 15-летию Кемеровской и Новокузнецкой Епархии. Конкурс организован Управлением психолого-педагогической и социальной работы с осужденными ГУФСИН России по Кемеровской области при поддержке Отдела по взаимодействию с правоохранительными органами Кемеровской и Новокузнецкой Епархии, Знаменского кафедрального собора и НИИ прикладной культурологии КемГУКИ. Лучшие творческие работы были представлены на Всероссийской выставке-ярмарке «Святая Русь – Великая Россия», которая прошла в областном центре с 22 по 28 сентября 2008 года по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Эта выставка, представляющая деятельность Русской православной церкви в целом, подчеркнула значимость православного христианства для духовного возрождения России, продемонстрировав работу епархий, российских центров духовного образования, духовного творчества, монастырей, храмов, издательств, предприятий по производству церковной утвари и т. п. На православном форуме были представлены более тридцати известных храмов и монастырей из России, Беларуси, Украины, Греции.

На экспозиции была представлена деятельность Пенитенциарного округа, окормляющего исправительные учреждения Кемеровской области. В каталоге выставки в приветствии к участникам губернатор Кемеровской области А.Г. Тулеев отметил: «Уникален опыт работы епархии с осужденными в местах лишения свободы. На территории колоний открыты храмы, часовни, молельные комнаты. Все это ощутимо сказывается на социальной обстановке в обществе».

ГУФСИН России по Кемеровской области на выставочном стенде были представлены работы, выполненные в рамках конкурса самодеятельного творчества осужденных ИУ Кемеровской области «Россия Православная: Путь духа – путь сердца». Среди лучших работ – православ-

ная живопись, принадлежности церковного обихода, продукция для соблюдения православного уклада. Помимо изображений икон и картин с библейскими сюжетами были представлены изделия прикладного творчества: расписные пасхальные яйца, подсвечники; швейные изделия – набор одежды для крещения младенца.

Выставочный стенд отдела воспитательной работы с осужденными ГУФСИН России по Кемеровской области был отмечен организаторами выставки и членами конкурсной комиссии и награжден тремя Дипломами Кемеровской и Новокузнецкой епархии и Кузбасской выставочной компании «ЭКСПО-Сибирь».

В книге отзывов имеется запись, сделанная Л.А. Ходанен, профессором кафедры русской литературы Кемеровского государственного университета, академиком Славянской академии: «С интересом и вниманием осмотрела самодеятельные работы осужденных ИУ Кемеровской области. Человеческое сердце способно обрести любовь, веру, даже если человек находится на самом дне жизни. Спасение в движении к христианской любви, и это просветляет лица заключенных. С большим уважением отношусь к труду организаторов проекта, сколько душевных сил отдано этой работе, и есть воздаяние, есть спасение души! Помогай, господь вам в этом служении!»

В ноябре 2008 года в колонийском храме «Спаса нерукотворного» ИК-44 впервые зазвучал церковный хор осужденных православной общины, организованный Г.В. Матюшиной, прихожанкой церкви Святителя Николая Чудотворца г. Междуреченска. Пока хор поет на «трехголосье», но количество певчих будет расти. Одно из условий участия в церковном хоре – необходимость овладения нотной азбукой, чем и планируют заняться хористы. Хор уже исполняет «Отче наш», «Верую» и другие православные песнопения.

Знаменательным событием в жизни православных общин Кемеровской области стало открытие новой кузбасской святыни – храма в честь Святителя Николая Чудотворца в ИК-40 г. Кемерово, освящение которого состоялось в преддверии нового года – 26 декабря 2008 года. Освящал храм лично Владыка Аристарх, архиепископ Кемеровский и Новокузнецкий, он выступил перед осужденными, пожелал всем благоденствия и спасения!

2009 г. Федеральной службой исполнения наказаний России высоко оценена активная деятельность по духовно-нравственному воспитанию осужденных отца Димитрия Малюкина, настоятеля церкви Косьмы и Дамиана п. Верх-Чебула Чебулинского района Кемеровской области, окормлявшего осужденных православных общин КП-2,3, а ныне – настоятеля Свято-Никольской церкви г. Мариинска Кемеровской и Новокузнецкой Епархии Русской православной церкви. Отец Димитрий Малюкин награжден Почетной грамотой ФСИН России.

Организация работы по духовно-нравственному просвещению осужденных в исправительных учреждениях и влияние воцерковления на их поведение в период отбывания наказания на протяжении многих лет доказывает свою эффективность. Получение духовных знаний, приобщение к православным традициям русского народа повышает уровень сознательной дисциплины среди осужденных и позволяет развивать новые формы воспитательной работы.

Одной из таких форм стала организация для осужденных в исправительных учреждениях Кемеровской области постоянно действующего «Православного лектория» с участием священнослужителей, окормляющих исправительные учреждения, прихожан православных приходов, а также выпускников и слушателей богословско-катехизаторских курсов. Было получено благословление Епископа Кемеровского и Новокузнецкого Аристарха о совместной организации и проведение программы «Православного лектория».

В ИУ-5 в рамках «Православного лектория» проходят встречи с Кузнецовой Е.С., кандидатом культурологии, доцентом НИИ прикладной культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, членом-корреспондентом Петровской академии наук и искусств. В центре дискуссии – вопросы культуры повседневной жизни человека, находящегося в условиях лишения свободы, знакомство с православными традициями русского народа, воспитание гражданских чувств солидарности, ответственности, соучастия в жизни близких людей. Особую роль играет в данной работе самодеятельное художественное творчество осужденных, которое курируется Кузнецовой Е.С. с позиций педагогической антропологии и последних достижений отечественного художественного образования.

Востребованность новых доступных методик и форм проведения светскими специалистами-педагогами, учеными мероприятий по вопросам православного просвещения в системе воспитательной и просветительской работы с данной социальной группой огромна. Так, в течение 2009 г., в связи с 40-м юбилеем КемГУКИ заявленные проекты были представлены нами на суд общественности в справочно-информационном сборнике «Пенитенциарные храмы Кузбасса, социальные антропологи и культурологи в работе с лицами, оказавшимися в сложной жизненной ситуации. Новые горизонты художественного образования и православного просвещения».

Подготовленные материалы сборника – пример появления новых услуг в Кузбассе в сфере просвещения, художественной православной культуры и культурологического образования. Представленный проект отражает опыт подготовки участников мастер-классов культурологов к восприятию инаковости, призван настроить и детей, и взрослых на переживание и сопереживание при встрече с Другим, большим, чем каждый из нас (Культурой, Вечностью, Творчеством). Именно *культурология понимающего образования открывает как молодому, так и зрелому человеку мир, а человека – миру*; и именно дополнительное художественное образование располагает всеми необходимыми ресурсами и возможностями, которые помогают как ребенку, так и взрослому *понимать жизнь* в ее повседневных, т. е. типичных, повторяющихся, ставших привычными проявлениях. Это дополнительный шанс каждому не поддаться рутине, не потерять себя в жизненных перипетиях. В этой связи мы стремились доказать адресатам проекта мысль: чтобы состояться, личности необходимо стремиться овладеть навыками в равной мере творить и слушать, смотреть, читать, чувствовать созданное, а также содействовать востребованности созданного в обществе. Данное условие служит объединяющим фактором для различных звеньев и учреждений системы образования, имеющих в основе преподавания культурологические принципы.

Говоря с участниками мастер-классов о духовности, культурологи и антропологи КемГУКИ ведут диалоги о совести человека и важности в нашей жизни его любви к «отеческим гробам». И подростки, и взрос-

лые участники мастер-классов переживают в этом художественном акте потребность в свободном выражении своего мнения, непрерывный поиск смысла жизни и стремление к совершенству, к Другому, к Иному, преодолевая бытовщину.

Принципы *культурологии образования*, реализуемые в повседневных творческих практиках на этих встречах, открывают возможность каждому участнику самому пережить культурные традиции народов мира как некий феномен сохранности культуры в условиях современности, как некую истинную, не опошленную массовыми вкусами, форму культуры.

В то же время художественное, духовное начало в личности невозможно заложить без обращения ее к истокам народного самосознания. Знакомство и, главное, проникновение в суть народного обычая, традиции, ритуала, символики закладывают у участников мастер-классов нормативно-оценочное отношение к материальным, социальным и духовным ценностям общества, чем обнажают уродство ряда национальных предрассудков и современных представлений, живущих в форме старых обычаев и традиций. Именно содействие, соучастие, переживание культурных традиций в современном ценностном и художественном пространстве получает определяющее развитие в культурологической программе.

Данный интеллектуальный продукт стал в 2009 году дипломантом X регионального фестиваля рекламы «С рекламой по жизни!» и V Сибирского библиотечного форума.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зауэрвайн Л.Т.</i> Инновационный потенциал региональной культуры.....	3
<i>Власова И.В.</i> Автономные учреждения культуры Кемеровской области (новая система бюджетного финансирования)	14
<i>Каретин А. Н., Билетина Г. Н.</i> Инновации и социум	20
<i>Петров И.Ф.</i> Инновации в культуре и культура инноваций	26
<i>Балабанов П.И.</i> Нововведения в культурном измерении	32
<i>Троценкова Е.А.</i> Социокультурное проектирование как способ внедрения культурных инноваций	37
<i>Басалаева О.Г.</i> Синтез традиций и инноваций в современной культурной картине мира	48
<i>Григорьева О.А.</i> Возрождение этнической культуры как инновационный потенциал культурной политики	54
<i>Двуреченская А.С.</i> Культурная инноватика городского пространства.....	61
<i>Петроченко Н.В.</i> Об источниках инновационных процессов в народной танцевальной культуре	69
<i>Бородина Е.М.</i> Инновационные процессы в духовной культуре восточнославянского населения Кузбасса	83
<i>Ултургашева Н. Т., Ултургашева И. Г.</i> Инновационные процессы и экологическая культура в этнохудожественном образовании	93
<i>Курбатов В.П., Красноперова Я.Н.</i> Инновационные ресурсы экомuzeя «Тюльберский городок»	98
<i>Гусева О.В.</i> Художественное образование: проблема готовности преподавателя к инновационной деятельности	108
<i>Фирер Н.Д.</i> Социокультурные инновации в региональной системе образования	115
<i>Клецов Ю.В.</i> Инновационность как характеристика системы профессионального образования	122
<i>Киселев А.В.</i> Инновационная образовательная модель школьного исторического краеведения.....	135

<i>Верещагина И. М.</i> Инновационные формы организации хобби-деятельности.....	150
<i>Шевченко М.А.</i> Инновационный опыт просветительства как ресурс сотрудничества пенитенциарных храмов Кузбасса с социальными антропологами и культурологами по работе с лицами, оказавшимися в сложной жизненной ситуации.....	156

Научное издание

**КУЛЬТУРА КАК ИННОВАЦИОННЫЙ РЕСУРС
РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

Материалы круглого стола
«Культура как инновационный ресурс регионального развития»
(Кемерово, 26 ноября 2009)

Редактор *Т. В. Сафарова*
Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*

Подписано к печати 21.05.2010. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл.-п. л. 10,1. Уч.-изд. л. 8,9. Тираж 500 экз. Заказ № 477.

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.
E-mail: izdat@kenguki.ru